

ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

В дружной семье советских социалистических республик уже отметили свой пятидесятилетний юбилей Азербайджан, Казахстан, Карелия, Татария, Чувашия.
В ноябре этого года 50 лет исполняется **Армянской ССР, Калмыцкой, Марийской, Удмуртской АССР.**
И как всегда бывает, день славного пятидесятилетия республик празднует весь наш советский народ.
Это праздник и взрослых и ребят нашей страны, праздник дружбы и братства всех наших народов.

Стихи о великой дружбе

Николай **ТИХОНОВ**

Эта дружба народы спаяла,
их в великом единстве собрав,
как в печах чудотворных Урала,
превратившись в неведомый сплав.

И теперь там, где пенится вьюга,
там, где знойных пустынь полусон,
ты повсюду под крышею друга,
теплым дружеством ты окружен.

Если Родине враг угрожает,
на священный, на воинский труд
все народы, врага отражая,
всеединой дружиной встают.

Каждый сердцем тебе отзовется
на удачу иль горе твое —
это ленинской дружбой зовется,
ничего нет сильнее ее!

СРЕДИ ВСЕХ ПРАЗДНИКОВ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЕСТЬ ОДИН, САМЫЙ ГЛАВНЫЙ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ. ОТ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА ВЕДЕМ МЫ СЧЕТ НОВОГО ВРЕМЕНИ, СЧЕТ ВЕЛИКИХ ПОБЕД И СВЕРШЕНИЙ. ЕДИНСТВО И ДРУЖБА НАШИХ НАРОДОВ, НАША ОБЩАЯ СИЛА И БОГАТСТВО, НАША УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ — ВСЕ ЭТО РОЖДЕНО ОКТЯБРЕМ.
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВСЕ, И ВЗРОСЛЫЕ И РЕБЯТА, ВСЕ МЫ ОБРАЩАЕМСЯ МЫСЛЬЮ И СЕРДЦЕМ К ЛЕНИНУ. ЛЕНИН И СОЗДАННАЯ ИМ ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ ВДОХНОВЛЯЮТ ВСЕ НАШИ ПОБЕДЫ.

В номере:

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда»

Москва 1970 г.

А. НЕКРАСОВ

ПОИСК ПУТИ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

«Управление превращается в науку, и этой наукой надо возможно быстрее и возможно глубже овладевать, упорно учиться».

Л. И. Брежнев.

Математики решают задачи

Перед тобой точный план большого города и задача: найти кратчайший автомобильный путь из точки А в точку Б.

— Подумаешь, задача! — скорее всего скажешь ты.

Ты соединишь прямой линией точки А и Б, выберешь проезды, которые лежат ближе к этой прямой... и, если тебе очень повезет, может быть, случайно найдешь правильное решение.

Но лучше не надейся на это. Вероятность такой удачи так ничтожна, что с ней не стоит считаться. Можешь позвать на помощь друзей. Они тоже ошибутся. В среднем путь, сообща выбранный вами, будет процентов на пятнадцать длиннее кратчайшего.

Если ты для себя решаешь эту задачу, ошибка обойдется тебе не слишком дорого. Но если ты диспетчер большого завода, который ежедневно поставляет сотни тяжелых бетонных блоков на стройку, тебе придется задуматься: 15% лишнего пути — это значит седьмая ездка впустую. Это напрасно сожженное топливо, преждевременный износ машин, лишняя зарплата водителям, зря потраченное время...

Не помогут тебе ни старожилы, тысячи раз исходившие каждую из выбранных тобой улиц, ни следопыты, умеющие безошибочно находить верные тропы в тайге... За помощью придется идти к математикам.

— Ну что же, — скажут математики, — поможем!

Математики не возят бетонные блоки, они не разливают чугун, не лечат больных. Но они помогают и транспортникам, и металлургам, и врачам, и многим другим. Математики решают задачи.

Черная работа

Как решают задачи, ты знаешь. Нужно познакомиться с условиями, составить план решения. Потом по правилам, которым тебя начали учить еще в первом классе, ты будешь складывать какие-то величины, умножать их, делить. Что-то ты заключишь в скобки, что-то сократишь, что-то куда-то перенесешь... и тут произойдет чудо: таинственный X, который в начале задачи казался туманным и неопределенным, вдруг превратится в простую единицу, или пятерку, или в другую понятную величину.

Вот так же работают и математики. Только задачи, которые достаются им, посложнее, чем твои. Тебе, если не будешь «считать ворон», сорока пяти минут за глаза хватит, чтобы справиться с контрольной. А математики над своими задачами трудятся часами, неделями, а бывает, что и годами.

Лет двести назад великий математик, русский академик Леонард Эйлер задумал составить точное «расписание» движения Луны. Почти тридцать лет трудился он над этой задачей. Исписал больше трехсот страниц цифрами, буквами и математическими знаками, и хотя решение не вполне удовлетворило самого Эйлера, оно и до сих пор исправно служит астрономам, морякам, летчикам и многим другим.

Это были очень сложные и очень утомительные вычисления. Но Эйлеру большинство из них казалось «черной работой». Ведь для того, чтобы произвести все необходимые действия с бесчисленными цифрами и знаками, вовсе не нужен был гений. С такой работой справился бы любой посредственный вычислитель, хорошо усвоивший те самые правила, которыми и ты пользуешься, решая контрольную.

Эйлеру бы такую машину

Именно потому, что все математические задачи решаются по одним и тем же законам, в наше время математики сумели освободиться от скучной вычислительной работы и взвалили ее на плечи неутомимых помощников — счетных машин.

О таких машинах люди мечтали давно. И не только мечтали — люди создавали их. Первая «счетная машина» тысячелетиями служила человеку, служит порой и сейчас, помогая складывать, вычитать и запоминать небольшие числа. Эта «машина» — десять пальцев. Придумали люди и другие машины: счеты, арифмометры, сумматоры, интеграторы... А в наши дни, когда научились записывать на пленку электрические сигналы и с молниеносной быстротой производить переключения в электрических схемах, появились ЭВМ — электронно-вычислительные машины.

ЭВМ — очень дорогие и очень сложные машины. Их часто называют «умными».

Однако принцип, по которому ЭВМ выполняет вычислительные операции, не так уж сложен. Он основан на том, что все, даже самые

сложные математические действия можно свести к самым простым. Простые действия ЭВМ выполняют с непостижимой быстротой и с завидной аккуратностью. А раз так, то, «потрудившись» немного подольше, ЭВМ может сделать любые вычисления, доступные человеку.

Нужно, допустим, перемножить десяток многозначных чисел, а произведение разделить на новое многозначное число. У самого опытного вычислителя эта скучная задача отнимет порядочно времени и потребует напряженного внимания. А самая «глупая» машина с молниеносной быстротой проделает сотни тысяч сложений, десятки тысяч вычитаний и в считанные доли секунды выдаст ответ.

Эйлеру бы такую машину!

Какой дом строить?

Кроме быстроты и аккуратности, у ЭВМ есть еще одно качество: отличная память. Записанные на пленку (или другим способом) электрические сигналы могут храниться в памяти ЭВМ сколь угодно долго. Решив однажды задачу любой сложности, ЭВМ может записать и сохранить весь ход решения. И если потом встретится ей такая же или похожая задача, ЭВМ не придется делать новых вычислений. Она «пороется в памяти», найдет готовое решение, подставит в него новые данные и выдаст результат.

Это очень удобно и выгодно, когда приходится перебирать и сравнивать варианты решений. А этим частенько приходится заниматься.

Нужно, допустим, построить дом. Можно из дерева срубить сруб, можно сложить стены из кирпича, а можно собрать здание из тех самых блоков, которые мы возили на первой странице.

Что выгоднее?

Если дом небольшой, а лесу кругом много — деревянный построить и проще и выгоднее. Если нужен многоэтажный дом — его из дерева не построишь. Тут лучше кирпичный. Это и прочно, и материал всегда можно достать. Кирпичных заводов много, а глины еще больше. Но кирпичи до сих пор кладут вручную, и такая стройка обходится дорого. Из блоков строить дешевле. Но не везде есть заводы бетонных конструкций, и может статься, что перевозка обойдется дороже стройки. Значит, прежде чем строить, нужно взвесить все три варианта, посчитать и тогда уж принимать решение.

Тут ЭВМ не нужна. Такую задачу можно и с арифмометром решить и с простыми счетами. Но иногда не три варианта нужно сравнить, а триста или три тысячи... А бывают и посложнее задачи, вроде той, с которой мы начали этот разговор. Тут, не будь машин, сам Эйлер развел бы руками.

Но машина есть. Математики помнят об этом. Потому с такой готовностью они обещали нам помочь.

«Простая» задача

Но неужели так уж сложна наша задача? Попробуем разобраться в этом: допустим, что между пунктами А и Б на нашем плане сто перекрестков. Для большого города это совсем немного. Тогда, чтобы выбрать оптимальный вариант пути, нам пришлось бы просчитать и сравнить... Сколько, по-твоему, вариантов? Сто или тысячу? Может быть, миллион? Если бы только миллион!

Не будем гадать. Спросим у математиков. У них есть готовый ответ и на этот вопрос. Записанный на языке математики, этот ответ выглядит так: «Два в степени «эн», где «эн» равно ста». Или проще: 2^{100}.

Много ли это? Попробуй посчитать, и очень скоро ты убедишься, что всей жизни не хватит тебе на то, чтобы только сравнить эти варианты.

Но ведь у нас есть неутомимый помощник. Он считает куда быстрее нашего. Уж он-то, наверное, справится с таким пересчетом?

Нет, не справится. День за днем, год за годом, без отдыха, без перерыва на обед машина будет считать, испишет тысячи километров пленки и в конце концов, как всякая машина, «состарится» и выйдет из строя, так и не решив нашу «простенькую» задачу.

Похоже, мы забрели в тупик и дело наше безнадежно. Но не будем отчаиваться. Не зря же математики обещали нам помочь.

Не зря, конечно. Они-то заранее знали, с какими трудностями придется столкнуться по дороге к решению, и нашли обходный путь. Составляя программу, они позаботятся о том, чтобы выбор был не случайным, а целенаправленным. Подчиняясь такой программе, машина выберет какой-то вариант (тот, допустим, который выбрал и ты), просчитает его, а за следующий возьмется только в том случае, если он будет заведомо лучше первого. «Математические способности» и память ЭВМ позволяют ей сделать такой выбор.

Вариантов, лучших, чем твой, не так уж много. Машина очень быстро просчитает их, выберет самый лучший и остановится.

Кто следующий?

Но долго стоять без дела ЭВМ не придется. На очереди у нее новые задачи, не менее важные, чем твоя.

Планируется постройка большого машиностроительного завода. И сразу множество вопросов встает перед плановиками. Где строить? Откуда везти металл? Как снабжать электроэнергией? Как отгружать готовую продукцию будущего завода? Где поселить рабочих? Как их кормить?

Сотни ответов можно дать на каждый из этих вопросов, а нужен один, самый лучший. И снова считает машина: отбрасывает худшие варианты, один за другим анализирует лучшие и, наконец, выдает один-единственный — оптимальный.

— Кто следующий? — спрашивают математики.

Следующие — врачи. Им нужно из электронной пушки обстрелять крошечную бородавочку, зародившуюся где-то в глубине человеческого организ-

ма. Не обстреляешь — бородавочка разовьется, превратится в опухоль, и человек может погибнуть. Начнешь обстреливать — пучок смертоносных лучей может непоправимо повредить здоровые ткани. Как выбрать точку, обстрел с которой принесет наибольший эффект и причинит наименьшие разрушения? И снова с языка анатомии и физиологии на язык математики переводится ценность и уязвимость каждой клеточки живого организма. Столбцы формул и уравнений ложатся на листы бумаги. Создается программа. Машина начинает считать и выдает оптимальный вариант: человека положить так, пушку поставить здесь, направить сюда. Задачи разные как будто, но математики научились и в этих разных задачах находить общие пути решения. Не так уж долго составить программу для решения этих задач, а пересчитать варианты решений еще скорее.

Но бывают и посложнее заказчики. Нужно, допустим, строить ГЭС на большой реке. По самым скромным подсчетам даст она столько энергии, что в районе постройки израсходовать ее будет негде. Тут само собою напрашивается решение: вместе с ГЭС строить энергоемкие производства. Алюминиевый завод, например. Алюминий — материал нужный, а производство его требует больших электрических мощностей. Кроме энергии, нужна руда. Но руда есть поблизости. Запасов бокситов, разведанных геологами, хватит надолго. Значит, строить завод. Но тут другой вопрос встает. Построят плотину, поднимется вода. Зальет луга и пашни... Пропадут хлеб и трава. Окупит ли алюминий эти потери? Допустим, окупит. Но тут новый вопрос: на реке повыше створа плотины стоит город. Когда поднимется вода, город затопит. Можно снести его и перенести на новое место, повыше. Это дорого, но, по расчетам, оправдаются и эти расходы. Но рядом с городом не первый десяток лет добывают ценный уголь. Угольные месторождения не перенесешь. Что же делать? Не строить ГЭС? Отказаться от тысяч тонн дешевого алюминия? А если валом обнести и этот город и эти месторождения? Это очень дорого, но, может, и эти расходы окупятся?

«Может быть» — в наши дни не ответ. Сегодня нужно не «может быть», а «да» или «нет».

И снова трудятся математики над составлением программ, и снова считают машины, и, просчитав множество вариантов, дают ответ: ГЭС строить! Алюминиевый комбинат строить! Городу стоять на старом месте! Обнести и город и уголь валом!

Оракулы нашего времени

Каждый год звезды новых электростанций вспыхивают во всех концах нашей Родины. Выходят на поля тысячи новых тракторов. Бесплодные пустыни превращаются в цветущие оазисы. Линии новых дорог и газовых магистралей ложатся на карту. Встают корпуса новых заводов и жилых домов. Глубже в землю вгрызаются шахтные стволы и буровые долота, взлетают в космос новые спутники...

С каждым днем сложнее становится большое хозяйство нашего народа. Управлять таким хозяйством на глазок, по старинке сегодня уже невозможно: слишком дорого обходится любой просчет в выборе вариантов решений...

В древние времена короли, полководцы и строители шли за советами к оракулам и к звездочетам.

В наше время идут к математикам. И математики, точь-в-точь, как оракулы, дают советы и предсказания, с той только разницей, что предсказания оракулов чаще всего не сбывались, а прогнозы математиков сбываются безошибочно и точно.

Но сейчас без помощи ЭВМ математикам не решить своих задач. Вот поэтому одна за другой появляются все новые и новые ЭВМ. И стоит уже вопрос о том, чтобы их «закольцевали». Скоро свяжут их проводами и радиосвязью, потоки информации понесутся из конца в конец по всей нашей стране, и, если где не справится одна машина, на помощь ей мгновенно придут ее далекие сестры.

Ну, а прежде, скажешь, может быть, ты, когда не было машин, управляли же люди хозяйством и строили, и неплохо строили?

Верно. И строили и управляли. Но тогда это было проще. Если ты слышал о Ленинском плане ГОЭЛРО, ты знаешь, что это был научный, строго продуманный, тщательно рассчитанный план электрификации нашей страны.

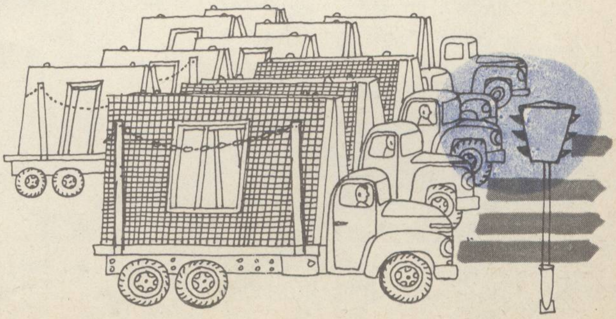
Но в те дни редкие ниточки дорог тянулись по карте нашей Родины. Еще реже стояли на карте значки, изображающие заводы и рудники. Не из чего было выбирать ученым, создававшим этот великий план. Были и в то время, конечно, возможности вариантов. Но так ограниченны были эти возможности, так малочисленны варианты, что простая человеческая логика без всяких расчетов помогала решать эти задачи...

А сегодня математики, вооружившись армией ЭВМ, исследуют огромное сложное хозяйство нашей страны и предсказывают пути развития на многие годы вперед...

Партия уверенно ведет наш народ по пути к коммунизму. Найти оптимальный вариант этого пути — одна из благороднейших и важнейших задач современности.

Через несколько месяцев коммунисты страны на своем XXIV съезде будут принимать новый пятилетний план развития народного хозяйства. Среди сотен ученых, которые трудились над этим планом, не последнее место занимают математики.

Когда придется решать сложную задачу, — вспомни об этом. Кто знает, может быть, и ты когда-нибудь будешь сидеть у пульта новой, не построенной еще, самой совершенной ЭВМ и, может быть, именно на твою долю выпадет счастье выбрать единственно правильное, оптимальное направление на одном из важных поворотов истории.

Двойники

1

Таежный бор вдруг узнает
В избе свое лицо —
Шумит, на цыпочки встает,
Подходит под крыльцо.
Глядит он с древнею тоской
На странный свой портрет,
Где стал он балкой и доской
Тому с полсотни лет.
Он в бревнах чувствует стволы,
Но крыши кривизна
И в лапу острые углы —
Какая новизна!
Вот возведен он до каких
Абстрактных степеней
В кругах наличников резных,
В кубизме ступеней!
И смутно вспоминает бор
Давнишнее явленье:
Пришельца и его топор,
И творчества мгновенье...

2

Изба на этот лес большой,
На веток наважденье
Глядит и узнает душой
Свое происхожденье.
Когда натоплена изба
И жар ползет в углы,
Лесная в ней живет судьба
Дыханием смолы.
И скрипом струганых полов
Звучит в ней тот же лес
Певучей скрипкою стволов,
Встающих до небес.
Особый придает ей вес
И гордости немножко
Стекло, когда глядится лес
В блестящее окошко...

Ю. КОРИНЕЦ

Белая ночь

Солнце и звезды горят до утра
В бледном соседстве луны.
Вьется бесцветное пламя костра,
Ночью не спят валуны.
Море не спит, реки не спят,
Тихо струится вода.
В белую, белую ночь
Мне не уснуть никогда.
Вижу в тумане я: детство мое
Бродит на том берегу.
Но возвратить не могу я его
И позабыть не могу.
Море не спит, реки не спят,
Тихо струится вода,
В белую, белую ночь
Мне не уснуть никогда.

Рисунок П. БАГИНА.

Улыбка

Я помню, как слезами обливался,
когда я в детстве с матерью
прощался.
С отцом прощаться — слезы не к лицу,
И тайно я поплакал по отцу.
Две-три слезы я в землю обронил,
Когда потом я друга хоронил.
Ты не сердись, что я скупее стал,
Все слезы я давно уж промотал.
Единственное я храню наследство —
Улыбку, мне оставшуюся с детства.

Побережье

Как побережье ладно скроено,
Хотя и на песке построено!
Кем выведена эта кладка:
Гора,
Тропы витая складка,
Колонны сосен
И вода...
Зовите мастера сюда!
Пусть он скорее даст ответ:
Как выстроен его рассвет?
Пусть принесет на заседанье
Растенья, воду, воздух, камень
И всех научит строить зданья,
Увенчанные облаками!

Кто очень болен

Кто очень болен, к тому игрушки
Приходят прямо в кровать,
И тоже молча лежат на подушке,
И тоже не могут встать.
Кто очень болен, тот должен бредить:
Он видит, как ночью в саду
Едет кошка на велосипеде...
Он видит это в бреду.
Кто болен очень, любить медицину
Обязан, хоть плачь не плачь.
К нему остукивать грудь и спину
Приходит знакомый врач.
Кто очень болен, глотает микстуру,
Пилюли и порошки:
Зеленые, белые, желтые, бурые,
Даже если горьки.
Кто очень болен, тот просто не знает,
Как ему дальше быть!
Кто очень болен — понимает,
Как надо друзей любить.
Он понимает, кто самый, самый,
Самый хороший друг,
Когда приходят папа и мама
И рядом садятся вдруг.

А. КРЕСТИНСКИЙ

Большая БЕЛАЯ ДВЕРЬ в актовый ЗАЛ

РАССКАЗ

Рисунки В. ШЛЯНДИНА.

В конце школьного коридора — большая двустворчатая дверь. Молчаливая, ярко-белая, она вечно заперта, а на высоте, недоступной для первоклассника, укреплена на двух блестящих винтах синяя стеклянная табличка: «Актовый зал».

Об эту дверь разбивается волна перемены. Набежит, ударится со всей силой и отхлынет, а дверь непобедимой громадиной стоит себе, не шелохнется.

Первоклассники, точно головастики в пруду, кишмя кишат в длинном коридоре. Над коридором, точно маяки, возвышаются учителя. Их задача — чтобы все двигались прямо по часовой стрелке и чтобы при этом никакой свалки, драки, беготни.

Первоклассник устроен просто. Он хочет туда, куда его не пускают. А его много куда не пускают. В том числе и в актовый зал. Даже к двери в актовый зал его не подпускают. И поэтому он туда все время стремится.

И вот какая придумана у первоклассников игра. Наперегонки, через весь коридор, сквозь плотную толпу прорваться, добежать до нее, желанной, до большой белой двери и в пыли, в поту, чуть дыша повиснуть на массивной круглой блестящей медной ручке.

Вот радость!

А сколько препятствий на пути к ней! Одному подставят ножку, другой застрянет в густой толпе, как рыбешка в мелкоячеистой сети, третьего остановит цепкая рука дежурного учителя...

Ну, а если добежал, ухватился и повис, оглашая коридор победным криком, думаете, все? А сколько таких же бежит следом, боже ты мой! И тут начинается самое драматичное — борьба за медную ручку, за то, чтобы на ней повисеть. Ах, какая тут куча, какой ком катается около заветной двери, как он пыхтит, как дышит! И тогда все учителя, сколько их есть в длинном коридоре, бросаются в ту сторону, разгребая себе руками дорогу. Вот они добираются наконец и, багровея от натуги, раздирают плотно сбившийся, сцепившийся, сросшийся ком.

А его, между прочим, и трогать не надо. Он сам разлетится в стороны, взорвется, как бомба, и осколков не соберешь, когда зазвенит — сначала на первом этаже, а потом все выше, выше — неистовый школьный звонок. А на полу, у двери в актовый зал, останется какая-нибудь сиротливая пуговица, вырванная с мясом. Подымайте теперь эту пуговицу и идите с нею по классам. Идите искать того, чья она...

Вы их сразу увидите — потных, жарких, с шальными глазами, с потеками грязи на лице. Их отличает от всех остальных выражение безудержного счастья, упоения борьбой... Сейчас их будут стыдить, ставить в угол, потребуют дневник, но наступит перемена, и они снова побегут к заветной двери и снова сплетутся в яростный ком.

Я это знаю, потому что я сам первоклассник. Я сам все это изведал. Я знаю, как вкусна после перемены холодная вода из-под крана с таким ржавым железным привкусом. Откроешь кран — и боком под него, и глотать, глотать, не замечая, как стекает по подбородку, за шиворот... А потом намочить стриженую голову.

Я первоклассник, и мне не дает покоя дверь в актовый зал. Я никогда не видел ее открытой, но если есть дверь, рассуждаю я, ее когда-нибудь да открывают. Иначе зачем она? И если мы, первоклассники, никогда не видим ее открытой, это еще не значит, что она здесь

просто так. Ее открывают, да-да, открывают, но в те часы, когда нас нет. Догадка обидна. Почему бы, думаю я, не открыть однажды эту дверь, обе ее створки, нараспашку, специально для нас? Вот мы выбегаем на перемену — и что это?! Дверь настежь! Мы врываемся в актовый зал и бежим дальше, насквозь, не останавливаясь, без конца... Согласитесь, ни разу не видев актового зала, не зная толком, как он выглядит, что еще можно придумать, кроме вот этого: бежим, бежим...

Слова «актовый зал» звучат для меня: «А-а-а-актовый зал!..» Певец делает рот колечком: «А-аа-актовый зал!..» И круглые блестящие буковки, как мыльные пузыри, дрожат в воздухе.

Нет, кое-что мы все-таки знаем про этот актовый зал. У Жоры Венчика брат — шестиклассник, и он там был. На вопросы: «Что? Как?»—он отвечает: «Окна—во! Потолок—во!» Так что кое-что мы знаем, но этого «кое-что» так мало, что лучше совсем его забыть и придумать все самому — с начала до конца. И я придумываю. Я придумываю так, что за большой белой дверью — если ее распахнуть — начинается дорога, такая длинная солнечная дорога, исполосованная тенями, вроде как на даче у нас в Мельничьих Ручьях, дорога, где так сильно пахнет к вечеру расплавленной за день смолой... Только эта моя дорога длиннее, гораздо длиннее дачной, и по ней можно бежать, бежать, бежать — без конца.

И вот наступает тот день. Как всегда в таких случаях, неожиданный. Он и должен начаться плохо, так плохо, чтобы казалось, будто ничего хорошего произойти уже не может. И тогда то, что все-таки произойдет, произойдет вопреки всему и будет чудом.

На второй перемене я три раза попадаюсь на глаза физкультурнице в полосатой черно-белой футболке. Цепкие пальцы хватают меня за плечо. Головокружительно пахнет табаком и физкультурной раздевалкой. Я испуганно смотрю, как движутся ее крепкие обветренные губы. Наконец из коридорного гула вырывается: «Бегать по рекреации нельзя! Фамилия?..»

Я кричу ей свою фамилию, а вокруг мелькают румяные рожи моих одноклассников. Они улыбаются, они заглядывают в глаза ей, мне, они носятся вокруг нас в каком-то безумном танце.

Физкультурница не слышит меня. Она наклоняется и показывает на свое ухо. Я подымаюсь на цыпочки и не дыша произношу свою фамилию в розовое учительское ухо с дырочкой для серьги. И ужасная мысль — укушу! — мелькает в это мгновение.

«Запомнил? По рекреации бегать нельзя!..» Длинным пальцем она показывает пределы, в которых я могу двигаться. Я киваю. Она выпускает мое плечо, и, словно пружина освобождается, я кидаюсь в сторону и с размаху лечу на пол. Кто-то громко плачет рядом. Сбил с ног. Надо удирать. Я барахтаюсь в чьих-то ногах, вскакиваю, пытаюсь бежать, и снова на моем плече твердые, как железо, пальцы. «Опять бегаешь?» Она называет мою фамилию. «Девочку с ног сбил!» Она называет мою фамилию. «Идем к директору!» И она снова называет мою фамилию.

Я не вижу никакой девочки. Я вообще ничего не вижу. Ужас охватывает меня. «Я больше не буду, не буду!..» Неужели это мой голос такой жалкий?.. А вокруг беснуются первоклассники. Они кривляются, передразнивают меня, физкультурницу. «Не буду! Не буду!..»

Физкультурница неумолима. Она ведет меня, направляя твердой рукой. И тут — звонок. Спасительный звонок. Он сразу все уносит. И жесткую руку с плеча. И меня самого уносит. Подхваченный сильным потоком, я лечу по коридору, врываюсь в класс, бахаюсь на парту. Все!

Нет, не все. Тихая, легкая наша Людмила Петровна, самая красивая и самая молодая в школе, насупившись, смотрит на меня. И по тому, как движутся ее густые брови, я вижу: на щеках моих черные потеки, ворот рубахи распахнут, верхней пуговицы нет. «Иди умойся...» Я покорно иду из класса и думаю о том, что жизнь моя станет теперь невыносимой, потому что я должен скрываться от физкультурницы. Ах, что там, скрывайся не скрывайся, завтра ее урок, и фамилию мою она знает, так что жди самого худого: завтра в класс вслед за нею войдет директор, все встанут, и только один я буду знать, зачем он вошел...

У нашего директора очень трудное имя-отчество. Такое трудное, что нам его говорили по складам и писали на доске и снова говорили, а мы все равно не запомнили. Не то Шухнарьян Шухнарьянович, не то Зангезур Зангезурович, не то Занзибар Занзибарович... Одно я помню твердо: имя и отчество звучат одинаково.

Ну вот, назовет он меня по фамилии, а я? Как я назову его, если придется?.. И я уже слышу: «Ты что, такой-то, не знаешь, как меня зовут? Учишься, такой-то, в школе и не знаешь, как зовут директора! Нет, такой-то, этого я не потерплю! Пускай придут твои родители и...» Что «и»? Тут фантазия моя замирает от страха. Что-нибудь плохое, конечно.

Надо же чтоб так не повезло! Чтоб из двух сотен первоклассников именно я попался. Чтоб из всей этой толпы, где чувствуешь себя незаметным, а потому и неуязвимым, выудили именно тебя...

И по дороге в уборную и под краном, из которого хлещет ледяная вода, я все пытаюсь вспомнить: Курагор Курагорович... Брамапут Брамапутович... Вода попадает мне за ворот; я вздрагиваю, что-то кричу, и голос мой звучит звонко и кафельно, и почему-то становится легче.

Встряхивая мокрой головой, шагаю обратно. Коридор — ре-кре-ация! — лежит передо мной непривычно тихий и пустынный. Только далеко где-то барабан, что ли... И еще — длинь-длинь-длинь... Непонятно. Длинь-длинь...

Я медленно взмахиваю крыльями и бесшумно лечу над коридором, отдыхающим от сотен ног, над истертым, истоптанным паркетом, лечу, вытягивая шею и гортанно крича: «Ре-кре-ация! Ре-кре-ация!..». Я кричу про себя, но с какой охотой я кричал бы вслух, вот тогда получился бы настоящий ворон.

Я подлетаю к двери в актовый зал, дотрагиваюсь до нее клювом... Это невероятно, невозможно, неправильно — как хотите,— но дверь подается, и передо мной медленно возникает зал.

Первое ощущение — ослеплен! Жмурюсь сильно-сильно, так, что становится жарко глазам и в них мелькают фиолетовые зайчики.

Открываю глаза. Свет. Огромное белое пространство, полное яркого солнечного света. Такого густого, что кажется, его можно мять в руках и лепить из него тугие желтые шары и кидать их вверх — вот так, вот так!

Длинь-длинь-длинь... Я вижу широкую сцену. На ней кружком — ребята в белых рубашках и красных галстуках. У одного труба в руках. Другой с барабаном. Тре-

тий держит мандолину. Четвертый — большие медные тарелки. Пятый — длинь-длинь-длинь — ударяет деревянными молоточками по металлическим пластинкам. Это ксилофон, я знаю. А шестой... Шестой подымает палочку.

Оркестр!

На цыпочках подхожу ближе, но паркетина встрескивает под ногой, и дирижер резко оборачивается. Я узнаю девятиклассника Мишу Гуревича — верхний ряд зубов у него кривой и теснится, один лезет вперед другого, словно их там больше наросло, чем положено, и места им не хватает. Миша смотрит на меня, приоткрыв рот в улыбке, и зубы его сверкают, а короткие курчавые волосы дымятся на солнце. Я улыбаюсь в ответ, хотя знаю: улыбка не ко мне. Она появилась раньше, чем я вошел.

Миша смотрит на меня и не видит. Я улыбаюсь невпопад. Музыканты тихо пробуют свои инструменты. Бом-бом-бом... Длинь-длинь... Тэннь!

Миша отворачивается и взмахивает палочкой.

Никто не знает первоклассника, никто не хочет его знать, никого он не интересует, зато первоклассник знает многих, а интересуют его все. Первоклассник знает Мишу Гуревича, председателя совета дружины, дирижера шумового оркестра, чемпиона школы по шахматам. Первоклассник — где бы ни встретил он Мишу — проводит его влюбленными глазами. Но что Мише Гуревичу до какого-то хрипло орущего, вечно шныряющего под ногами, сопливого первыша...

Миша взмахивает палочкой. И в бряке, стуке, звоне я сразу угадываю — «Братишка наш Буденный, с нами весь народ...» Встряхивая белой челкой, трубач замечательно ведет мелодию — «...приказ голов не вешать и глядеть вперед...» А мандолина — мандолина вторит напряженной дрожью: «...и с нами Ворошилов, первый красный офицер, сумеем кровь пролить за Эс-Эс-Эс-Эр!..».

Песня свободно раскатывается по залу, уходит вверх, к лепному потолку, где сверкает огромная хрустальная люстра, а я всей грудью вдыхаю какой-то особенный, бегучий воздух актового зала. И я вижу, медленно, долго вижу, как в открытое окно влетает птица и, сделав круг над залом, садится на люстру.

Разве такое забудешь?

Разве утерпишь, чтоб не рассказать кому-нибудь?

И я рассказываю про все про это Жоре Венчику.

А надо знать Жору Венчика. Надо видеть его высокие алые щеки, покрытые белым пушком, этакие пышные булочки, из-за которых время от времени выглядывают нестерпимо яркие Жорины глаза.

Повторяю, надо знать Жору Венчика. Он все время бежит, кипит неистово. Он и за партой бежит. На бегу Жора успевает читать, и читает все подряд, и каждый день врывается в класс, вскакивает на парту и кидает нам, как подарок, новое удивительное слово. «Кеб!» — кричит Жора. «Эшафот!» — кричит Жора. «Кузина!»

Я не слышал, чтоб у кого-нибудь другого эти незнакомые слова звучали так прекрасно, радостно. Жора наслаждается словом — его рокотом, звоном, треском, шипом, свистом... Он не гусарит — вот, мол, я какой. «Корпия! — упоенно кричит Жора.— Дельта! Вассал!..» И точно театральный занавес, раздвигается необыкновенное классное утро.

...И вот после уроков, когда коридор уже пуст, мы с Жорой Венчиком открываем дверь в актовый зал. Мы открываем ее вместе, мы разом упираемся в медную ручку и, тесно прижавшись друг к другу, входим.

Оркестр ушел, оставив на сцене сдвинутые в кружок стулья. И кажется, будто они, чуть поскрипывая, обсуждают в безлюдной тишине важные свои вопросы: когда вернутся музыканты, какой замечательный дирижер Миша Гуревич и какая будет завтра погода.

Жора Венчик вспрыгивает на сцену. Я — за ним. Жора делает руками широкий круг. «Вот это во!» Жорино «Вот это во!» взлетает к потолку, поселяется ненадолго в блестящих висюльках люстры и падает вниз, туда, где двумя сомкнутыми колоннами по залу шагают стулья, а между ними, в проходе, простерся широкий, словно улица, красный ковер.

Жора сверкает глазами, делает стойку, возвращается на ноги, хлопает в ладоши кр-рак! — будто скорлупа ореховая лопнула — и кричит во всю ширь великолепного зала: «Кеб!» Точно копье брошено в цель. «Кеб!» Наслаждение, которого не передашь словами. Зал возвращает нам тысячу копий. «Эшафот!» Фо-о-от... Будто тысяча кораблей разом покидает порт. «Кузи-ина!» Кто-то мрачный гулко зовет Зину!

А если вместе? Вот так: «Лафет!.. Маэстро!.. Эскулап!»

Особенно здорово, когда посылаешь одно слово вдогонку другому. Тогда они сталкиваются где-то в центре зала, раскалываются на части, а потом слепляются как попало, странно, диковинно, ни на что не похоже.

А дальше все происходит в одно неуловимое мгновение: мы с Жорой кричим — «Алебарда!!» В дальнем углу зала внезапно возникает узкая дверца. Из нее появляется человек, а Жора Венчик исчезает.

Я стою один на самом краю сцены и уже не слышу, как возвращается ко мне «алебарда». Взгляд мой прикован к человеку, который ступил на красный ковер и чуть вразвалку, неторопливо приближается ко мне. И сначала я догадываюсь, а потом отчетливо вижу: д и р е к т о р! И хотя у меня еще достаточно времени, чтоб убежать, я не двигаюсь с места, потому что ноги мои приросли к полу. Все ближе и ближе подходит седой человек с горячими черными глазами.

— Здравствуй,— говорит он мне.— Почему не отвечаешь? —говорит он мне.—Э, да у тебя язык отнялся! Неужели я такой страшный?— Он вытягивает нижнюю губу, в раздумье покачивает головой и прикрывает глаза выпуклыми желтыми веками.

Я открываю рот, я хочу поздороваться, я очень хочу поздороваться, но со мной что-то случилось, наверно, и вправду язык отнялся, и, представив себе весь этот кошмар, я немею окончательно.

Директор крепко проводит рукой по лицу сверху вниз, и я вижу, что рука у него тоже седая.

— А у тебя звонкий голос,— говорит директор,— очень звонкий. Я услышал его во-он там.—Он показывает пальцем себе через плечо.— Куда же девался твой голос? Мне показалось, или ты пел? Ну, ясно, по лицу вижу, что пел. Спой-ка мне что-нибудь...

Директор садится в первом ряду, прямо напротив меня, кладет ногу на ногу и ждет.

Мы молчим. Долго молчим. Я — втянув голову в плечи. Он — устало полуприкрыв веки. Молчание накапливается, как гроза, и слезы уже вскипают где-то за ушами и вот-вот брызнут прямо в директора. А над нами — холодный, как зимнее небо, равнодушный актовый зал.

Директор качает головой.

— Ай-я-яй, ну как тебе не совестно! Почтенный человек десять минут ждет твоей песни, а ты...

Я слизываю языком первую слезу. Если он видит по моему лицу, что я пел, так почему же он не видит, как я сейчас мучаюсь!

— Ну ладно,— говорит директор,— я понимаю, это бывает.— Он тяжело подымается.— Если ты захочешь поговорить со мной, приходи в кабинет. В любое время приходи. Только скажи: «Я тот мальчик, который пел один в актовом зале и которого ждет Исидор Исидорович». И тебя сразу пропустят. Только не забудь — Исидор Исидорович. А то многие забывают. Ну, а я уж тебя не забуду. Не каждый день встречаешь первоклассника, который поет один в таком зале. Ты ведь первоклассник?.. Я так и думал. Ученики с годами как-то глупеют, а первоклассники — они умные люди...

Директор уходит в ту же дверь, из которой появился. Уходит, ни разу не обернувшись, так и не сказав двух слов, которых я безропотно ждал: немедленно вон!

Он думает, что я пел. Если б он знал, что я просто кричал.

Откуда-то раздается голос Жоры Венчика: «Ушел, да?» Я оглядываюсь. Рядом — деревянный козырек. Оттуда выглядывает Жорина голова. «Я суфлер!» — вкусно произносит Жора.

...И вот я, взрослый человек, издалека гляжу на себя, первоклассника. Мне уже порядочно лет, и я кое-что понимаю теперь из того, чего раньше не понимал совсем. Я понимаю, что когда-то сделал большую, непоправимую ошибку — не пошел к Исидору Исидоровичу. Ни назавтра, ни через день, никогда.

Я ведь думал, как, «хитрый, заманивает...». К сожалению, я так был устроен в то время, что не мог поверить директору. Я не верил, что взрослый может всерьез говорить с мальчишкой. Что он хочет с ним говорить.

Сколько раз потом, сталкиваясь с людьми, я незаметно вглядывался в них, пытаясь разгадать одну и ту же тайну: шутят или всерьез?.. Боялся пропустить того, кто всерьез. Люди не так уж часто относятся друг к другу всерьез. Чаще — в шутку, как это ни странно.

Все это я понял не сразу, а может, и вообще не понял бы, не случись еще одна встреча с актовым залом — последняя.

...Шла война. И перешагнула уже через первую свою самую страшную зиму. Мы с мамой остались вдвоем. Мама работала, а в свободное время с концертной бригадой выступала в госпиталях города. Она и меня брала с собой, потому что после концерта артистов кормили. А чтобы никто не сказал и даже думать не посмел, что я даром съедаю свой обед, мама заставила меня выучить несколько песен и сама репетировала со мной.

Я понимаю, что маленький, худенький мальчик, поющий «Ты жива еще, моя старушка...» или «Гремя огнем, сверкая блеском стали...», что этот мальчик привлекал раненых не пением, а просто всем несчастным блокадным обличьем. Глядели на него и вспоминали своих...

В один из пронзительно холодных весенних дней мы пришли в большой госпиталь, размещенный в моей старой школе. Нас провели через канцелярию и попросили обождать в кабинете. Нас — это маму, меня, слепого баяниста дядю Васю и чтицу Клавдию Костомарову, похожую на мужчину в своем пиджаке с ватными плечами.

Кабинет директора школы!.. Я с жадностью глядел вокруг, а в груди у меня что-то ныло тревожно, как будто в этих стенах со мной уже происходило раньше нечто значительное, и вот теперь я пытаюсь вспомнить, что же именно, как будто вспомни я — и что-то изменится в жизни, и обязательно к лучшему...

Нет, ничего здесь со мной не было, я впервые оказался в директорском кабинете, впервые видел этот длинный стол на витых ножках, черный диван с высокой спинкой, бронзовую фигурку дискобола под стеклянным колпаком.

Я подошел к столу. Под толстым стеклом — расписание уроков на 1940/41 учебный год. Я нашел свой класс, вспомнил, что сегодня вторник. Что же у нас было тогда во вторник? Чтение, письмо, физкультура...

На уголке стола, так, что краешек бумаги торчит и можно потянуть и вытащить,— записка. Острым крупным почерком: «Варвара Николаевна! Если задержусь в роно, начинайте педсовет сами. И. Шахметдинов».

Исидор Исидорович Шахметдинов — вот как его звали.

И еще я увидел под стеклом список выпускников-добровольцев. Алиев Рустам, Воробейчев Иван, Гаврилов Сергей, Гуревич Михаил... Много фамилий.

Открылась дверь. Я вздрогнул. На пороге — молодой, бритоголовый, белый халат поверх гимнастерки. «Здравствуйте, товарищи артисты!» Женщины суетились, смешно раскланивались. Дядя Вася молча кивнул. Военный подошел к столу, взял меня за плечи. «Интересуешься?» Моя мама: «Он учился здесь, товарищ главврач...» Главврач обвел рукой кабинет. «Вот,— сказал он,— мы решили: пускай все остается, как было. Кончится война, придет старый хозяин, ему будет приятно, что все на прежних местах. Верно?..»

Женщины закивали и с подчеркнутой серьезностью стали разглядывать кабинет. И в затянувшемся молчании я почувствовал общую тревогу за всех, кто неизвестно, вернется ли в старые свои стены. А еще было так, словно хозяин этой комнаты незримо присутствовал среди нас, и в его присутствии говорить о нем в третьем лице было как-то неловко. В любую минуту он мог вмешаться и с укоризной посмотреть в глаза.

Бритоголовый решительно разрядил молчание: «Пошли!»

...Мы с мамой поднялись на сцену. Дядя Вася уже сидел там, трогая лады. «Сколько раненых!» — тихо сказала мама. В проходе на парусиновых раскладушках лежали тяжелые, повернув к нам неподвижные белые лица.

Мама запела «Дивлюсь я на небо...». Она любила эту песню и часто пела ее. Посреди песни один раненый вдруг согнулся весь, застонал, закашлял и стал сползать на пол. Оборвав песню на полузвуке, мама стояла такая растерянная, что мне было страшно на нее смотреть. В зале возникло движение, раненого подхватили и вынесли. В рядах захлопали, чтобы ободрить маму, раненые кивали ей ласково: пой, мол, ничего... А она не могла петь и закрывала лицо руками. Дядя Вася тревожно повернул к ней большую стриженую голову и смотрел на маму невидящими глазами, пытаясь понять, что произошло.

Раздался резкий хлопок. Я поднял голову. Под напором ветра распахнулась форточка, и ветер — резкий, влажный — ударил по залу. Люстра заговорила тихонь-

ко, а я вдруг вспомнил ту маленькую птицу, как она влетела тогда в зал и, покружив над ним, уселась на люстру. И сразу зашевелился во мне тот удивительный день, когда впервые отворилась дверь в актовый зал.

...Густое солнце. Ловлю руками. Леплю желтые шары. Миша Гуревич поворачивает голову. «Братишка наш Буденный...» Красный ковер. Седой человек. Я — тот мальчик, которого ждет Исидор Исидорович...

Мама всхлипнула. Дядя Вася нашел мою руку. «Чего споешь?» «Братишка наш Буденный»,— сказал я. Дядя Вася кивнул.

Не оглядываясь на маму, глазами — в потолок, весь во власти непонятного возбуждения, я запел: «Братишка наш Буденный, с нами весь народ...» После каждого куплета я шумно набирал воздух, я захлебывался песней. А потом ее подхватили. И справа, и слева, и у самой сцены. «Пусть гром гремит, пускай пожар кругом, пожар кругом...»

...Через два месяца в актовый зал попала бомба. Случилось это ночью. Бомба пробила крышу, чердачные перекрытия и взорвалась в центре зала. Стены были крепкие. Они уцелели. Взрывная волна ринулась в окна, и теперь на их месте зияли черные провалы. Ветер порывами гнал оттуда мелкую пыль. Я стоял на другой стороне улицы и вдыхал горький запах этой пыли. Почему-то пахло кострами на снегу. Запахом минувшей зимы.

Из госпиталя выходили бойцы с метлами, совками. Хрустя стеклом, подметали тротуар. К ним бросилась женщина: «Жертвы есть?» «Нема»,— ответил один.

Больше я не был в этом доме, в этом зале никогда. Я слышал, зал восстановили и люстру повесили новую. А на сцене, говорят, занавес бархатный. А еще — между окнами мраморные доски висят, и на них фамилии: кто не вернулся...

Иногда проснусь ночью и представляю себе актовый зал. Нет, не таким, как теперь. И не таким, как во время войны. Я представляю его таким, как придумал когда-то, давным-давно, в первом классе. И придуманный, он кажется мне самым подлинным, самым настоящим.

Буревестник классовых битв

28 ноября 1970 года—

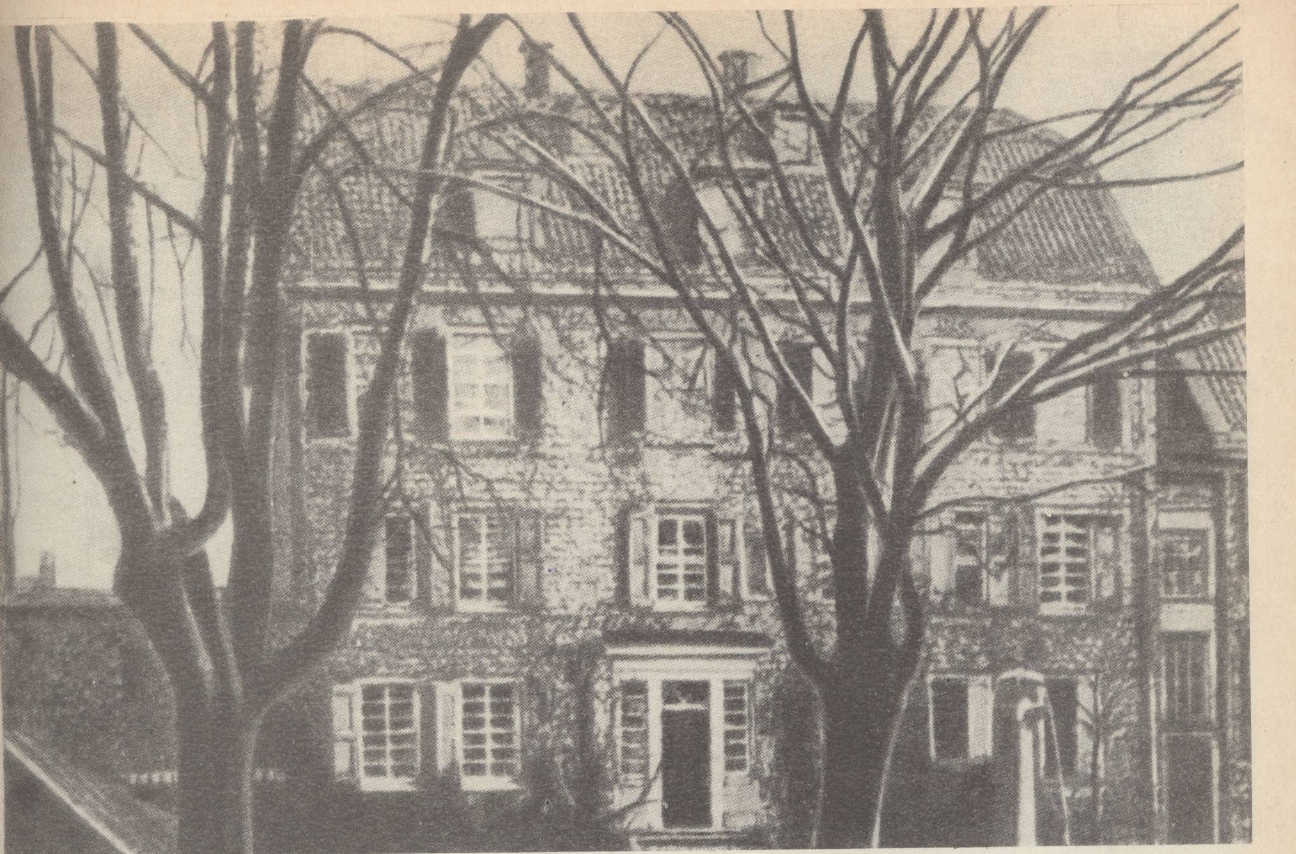
150 лет

со дня рождения

Ф. Энгельса

Как волна за волною, вскипая, бежит, как неистово носится буря!
Гребни волн в человеческий рост, и мой челн еле держится в злобной пучине.
С Рейна дует пронзительный ветер; кругом собирает он черные тучи,
Вырывает дубы, пыль вздымает столбом, образует за омутом омут.
Государи Германии, в зыбком челне я невольно о вас вспоминаю!
Как на плечи свои терпеливый народ поднял трон золотой ваш когда-то,
И с триумфом пронес по родимой земле, и прогнал чужеземца лихого;
Вот тогда преисполнились наглостью вы и нарушили данное слово.
Но повеяла буря из Франции к нам, всколыхнулись народные массы,
И колеблется трон, как средь бури ладья, и дрожит в вашей длани держава.
С негодующим взором, Эрнст Август, к тебе я прежде всего обращаюсь:
Ты нарушил закон, своевольный тиран, но прислушайся к голосу бури,
Посмотри, как народ негодует и меч не желает в ножнах оставаться.
Так же ль крепок твой трон золотой, как мой челн, необузданной бурей гонимый?

Дом в Бармене, где родился Фридрих Энгельс. На предыдущей странице — его портрет, сделанный неизвестным художником в 1839 году.

Пылкие строки этого стихотворения, бросающие вызов коронованным властителям Германии, написал юноша, которому еще не исполнилось девятнадцати лет.

Почти мальчик, сказали бы в наше время да и в то время, пожалуй. Но имя юноши было: Фридрих Энгельс. Еще впереди, в будущем, предстояло ему совершить все то, что сделает его имя вместе с именем Карла Маркса бессмертным в памяти людей всех времен. Еще только через пять лет начнется их удивительная — на всю жизнь — дружба: великая дружба двух великих умов, в которой оба черпали и вдохновение, и силу, и убежденность. А пока — эти вот строки, в которых через край бьет молодая, нетерпеливая отвага и помальчишески дерзкий вызов сидящему на троне:

Так же ль крепок твой трон золотой,
как мой челн, необузданной бурей гонимый?

Видно, так уж ведется, что буря, яростное неистовство стихий у юных и смелых рождают в душе не страх, не подавленность, а жажду борьбы. В письме к другу, которому послано было это стихотворение, сказано еще:

Буря на Везере — факт; факт и то, что я в великий день июльской революции ехал по этой реке...

Великий день июльской революции, о котором говорит Энгельс, — это 27 июля 1830 года, когда трудовой люд Парижа вышел на баррикады и в трехдневных боях сверг с трона короля Франции Карла X.

Придет время, 1848 год, и Энгельс примет участие в восстании эльберфельдских ткачей, в баррикадных боях за права обездоленных рабочих своего края, а после подавления восстания — в боях, которые вел мужественный отряд демократов Бадена и Пфальца, не сложивших оружие и оказывавших сопротивление немецкой контрреволюции.

Но не в этих боях прославил свое имя Фридрих Энгельс.

Он вместе с Марксом был блестящим полководцем рабочего класса во всем мире и всю жизнь ковал самое могучее оружие, в каком нуждался рабочий класс: революционную теорию, революционную науку, революционную философию. Это могучее оружие позволило рабочим почувствовать свою силу и понять великую историческую роль, которая им предназначена в освобождении всего человечества.

«После своего друга Карла Маркса Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире», — писал Владимир Ильич Ленин.

«Дорогие мама и папа...»

Тху села за стол и начала старательно выводить буквы. «Дорогие мама и папа!» — писал вслед за ней по-русски переводчик...

Я очень удивился: откуда у нее русские родители? И мне рассказали эту историю...

Последний день в Артеке был для Тху необычным: у нее появились новые папа и мама. А вышло это так: к пионерам из Южного Вьетнама подошли на пляже мужчина и женщина. Ребята уже кончили купаться и выстроились на берегу. Трое из них—Тху, Кэт и Тхань—были одеты в военные гимнастерки. На груди у ребят висели медали, а у четырнадцатилетней Тху был даже орден. Конечно, это привлекло к ним внимание полковника и его жены. И когда переводчик сказал им, что у Тху американцы убили отца и мать и что она теперь сирота, они предложили ей: «Будь нашей дочерью. Мы живем в чудесном городе Харькове. Тебе будет хорошо с нами».

Тху растерялась. Она не знала, что ответить. Это было так неожиданно—найти родителей за много тысяч километров от родного дома...

Но тут запела труба, призывающая пионеров в лагерь, и ребята заторопились. «Она подумает»,— ответил за Тху переводчик.

Какое чистое небо над Артеком! Ты смотришь вверх и знаешь, что оттуда не посыплются бомбы. И море тоже чистое—на нем не появятся черные точки военных американских судов... И в незнакомом ей городе Харькове тоже будет, наверное, хорошо, у нее будут дом, родители...

На родине ее ждут боевые будни.

Правда, и здесь, в Артеке, вьетнамские ребята не просто отдыхали. Каждый день выступали они перед пионерами из разных стран и рассказывали о своей борьбе.

— Мы превратили джунгли в ад для американцев,— говорил Тхань.

— Нам еще не дают настоящего оружия,— продолжал Кэт,— но мы делаем его сами.

И Тху вспоминала, как долго и терпеливо училась она делать мины из неразорвавшихся американских бомб. Такими минами совсем недавно, перед тем, как приехать в Артек, подорвал Тхань два американских танка. Но все-таки самый смелый из них Кэт. Это он среди белого дня застрелил в оккупированной зоне опасного провокатора. Ему всего четырнадцать лет, а он уже опытный подпольщик.

Все трое—школьники. Тху ходит в пятый класс. Живут они и учатся в специальных поселениях, глубоко в джунглях. Они перебрались туда вместе с другими детьми, как только американцы начали свои массированные налеты на деревни.

А учиться надо, несмотря ни на что,—ведь Тху решила поступить в военное училище. И Тхань и Кэт тоже хотят учиться дальше, они будут врачами. И надо бороться. Нет, Тху не может остаться в Харькове.

Она дописала письмо. Вот оно:

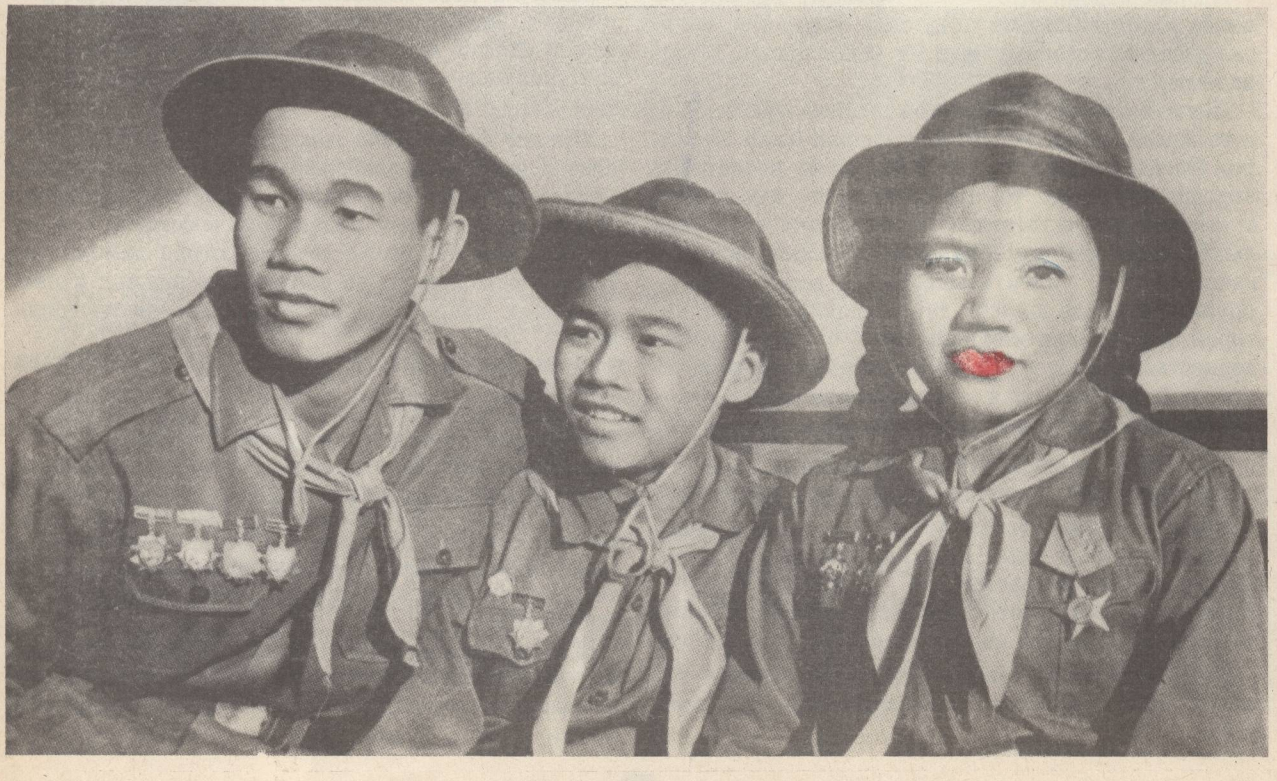
«Дорогие мама и папа!

Я мало видела вас, но успела полюбить. Мне так не хочется расставаться с вами, но я должна ехать на родину. Туда, где борется мой народ. Я знаю, вы меня поймете!

Ваша дочь Тху».

Э. БРАНДЕС

Тхань, Кэт и Тху в Москве.

Владислав **КРАПИВИН**

ПО КОЛЕНО В ТРАВЕ

ПОВЕСТЬ *Окончание* **Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.**

В траве, среди седых одуванчиков, блестела тусклая медь. Я брякнулся на колени и раздвинул стебли. Там лежала пряжка от широкого ремня. Она лежала вниз лицевой стороной, и я видел только скобки для пояса. Неужели это та самая пряжка, о которой я мечтал? Страшно было перевернуть: вдруг не та!

Я вздохнул от волнения и перевернул пряжку. На ней был тяжелый выпуклый якорь со звездой.

Сжимая в ладони сокровище, я отыскал в стене трибуны дыру и нырнул в сумрак. Его протыкали тонкие, как рапиры, лучи. Они казались такими твердыми, что я обходил их, когда искал выход на стадион.

Я нашел оторванную доску и вылез на первый ряд трибуны, прямо у ног пожилого гражданина, который очень удивился.

На поле разворачивались яркие колонны. Среди них метался на зеленом «газике» какой-то дядька в белом костюме и кричал в жестяной рупор команды. По-моему, он только мешал. Но потом он укатил, колонны замерли, лишь громадные знамена хлопали на ветру. Взвод старшеклассников, одетых в гимнастерки, трахнул в воздух из винтовок, взлетело несколько ракет, оркестр заиграл первомайскую песню «Москва моя», и физкультурники опять перестроились. Те, кто был в красных майках, образовали большую звезду. На трибунах закричали ура.

Все было так здорово! Когда кончился парад, начались разные выступления. Мне

больше всего понравились ребята с настоящими шпагами и в глухих шлемах. Они устроили целый бой. А еще — маленькие девчонки с большущими разноцветными мячами (вот бы мне такой!).

Радостный праздник окружал меня, сверкал и гремел.

И еще одна большая радость была тут, со мной. Настоящая большая морская пряжка. Я, не переставая, начищал ее о мягкий вельвет штанов и сам не заметил, как темная медь превратилась в осколок солнца. Она сверкала так же ярко, как трубы оркестра.

Оркестр был недалеко: справа от меня, на этой же трибуне. Когда кончились выступления и объявили перерыв перед футбольным матчем, я решил пройти рядом с музыкантами: все как следует рассмотреть.

Не очень-то легко было пробраться в людском потоке, но я сумел. И оказался перед барабаном.

Ух, какой это был великан! С меня ростом! С медной тарелкой на макушке, с тугими винтами на голубых боках и гладкой серовато-белой кожей. Важный, как генерал. Я, конечно, не удержался. Взял да и стукнул кулаком по его упругому пузу. Барабан добродушно загудел. А его хозяин — прыщеватый дядька в мятой кепке, — не теряя ленивой скуки на лице, поднял колотушку и двинул меня по шее.

Было не больно. Колотушка оказалась мягкой и ворсистой. В первую минуту я принял все спокойно. Крутнул головой и пошел дальше. И лишь у фанерного киоска, в очереди за стаканом ягодного морса, я почувствовал, как вырастает стремительная и тяжелая обида. За что он меня так?

Мне даже плакать захотелось, честное слово. Я ушел из очереди, сел на траву и стал думать.

Ну что ему, этому типу, жалко, что ли? Вот если бы я был барабанщиком, я бы всем давал стукать. Пускай хоть со всего стадиона собираются ребята. Только пусть не лезут кучей, а встают в очередь. Стукнул разик — отходи. Я знаю, что никто бы даже не сжульничал и не стал бы бить два раза подряд.

Я ушел со стадиона. Зачем мне этот праздник, если на нем самым главным музыкальным инструментом командует гнусный прыщеватый жадюга.

Подумаешь, музыкант! Пьяница, наверно. И глупее своей колотушки. Такого и на километр не подпустили бы к оркестру, который играл Пятую симфонию!

Эта мысль меня утешила так, будто я отомстил злому барабанщику. Кроме того, у меня была пряжка. Одной этой радости хватило бы на целый день. Я перестал грустить и зашагал домой.

Дома я показал свое сокровище маме. И стал вздыхать, что пряжка есть, а ремня нет. Как носить пряжку? Не пришивать же к малиновому пузу моего полукомбинезона.

— Ладно уж, — сказала мама. Она понимала. Знала, как для меня важно все, что связано с морем.

Мы пошли в кладовку, и мама вытащила из-под всякой рухляди старый кожаный чемодан. Он был весь изрезан: кусками этой кожи в недавние военные годы подшивали валенки. Но мама была просто волшебница. Взяла большие ножницы и каким-то способом ухитрилась выкроить из чемоданной крышки широкую прямую полосу.

Крючок для пряжки я сделал сам из алюминиевой проволоки.

Через полчаса я красовался во дворе, подпоясанный флотским ремнем. Ребята вздыхали и со сдержанной завистью щупали выпуклый якорь.

— Дай примерить, — попросил Толька. Впрочем, без всякой надежды. И не потому, что мы были врагами. Просто смешно было думать, что человек, только что получивший такое сокровище, может дать его в чужие руки.

С Толькой, кстати говоря, я помирился. И знаете как? Благодаря Таисии Тимофеевне.

У Тольки из-за нее была куча неприятностей. Он жил с Таисией Тимофеевной на одном этаже, и она постоянно ябедничала на него матери — крикливой, неласковой тете Даше. Тетя Даша работала вахтером в депо, возвращалась с дежурства усталая и злая и колотила сына, не разобравшись, виноват он или нет. А Толькин отчим не вмешивался, он побаивался своей жены.

Последний раз Тольке влетело за охотничий капсюль, который взорвался у двери Таисии Тимофеевны. Толька был ни при чем: капсюль подложил Дыркнаб. Но не мог же Толька выдать Дыркнаба!

Он решил отомстить. Нарисовал на тетрадном листе отвратительное пугало, написал «Таися — кикимора» и пришпилил эту картинку к соседкиной двери. Таисия Тимофеевна не стала поднимать крик. Она аккуратно сложила листик, а вечером показала его Толькиной матери. Напрасно Толька требовал: «Докажите, что это я рисовал, а потом уж лупите!» Ему досталось так, что даже во дворе было слышно, как он вопит.

И тогда Толька придумал хитрую и жестокую месть.

У окна Таисии Тимофеевны висел большой фарфоровый градусник. Она им очень дорожила. Градусник был немецкий, его привез из Германии муж Таисии Тимофеевны. Соседи завидовали: встанешь утром, глянешь за окно и сразу видишь, тепло или холодно. Очень удобно. Фарфоровую шкалу градусника украшали голубые цветочки и завитушки. Считалось, что он старинный и очень ценный.

— Расшибу я эту фрицевскую клизму,— сказал Толька на следующий день после расправы.

— Опять попадет,— резонно заметил Дыркнаб.

— Нет,— сказал Толька.

— Промажешь,— заявил Левка.

— Нет,— сказал Толька.

Он поклялся, что не промажет, если у него будет дальнобойная рогатка из красной резины.

Дыркнаб вздохнул. Он чувствовал себя виноватым перед Толькой — из-за капсюля. Он рад был бы помочь, да где взять красную резину? Она была редкостью. Все, кто стоял рядом, задумались и замолчали.

И тогда я небрежно сказал:

— Надо посмотреть. Может, достану...

И Дыркнаб, и Марик, и Петька Лапин, и даже Майка взглянули на меня с пониманием: оценили благородство. Лишь Толька угрюмо смотрел в сторону.

Но я не ради Тольки старался, а ради общего дела. Ведь Таисия Тимофеевна была недругом всех здешних мальчишек.

С тех пор, как Толька потерпел от меня поражение, стал я равноправным человеком в мальчишечьей компании. И эта радость равноправия была такая, что я готов был даже на жертву.

А жертва требовалась.

Дома у нас была большая красная грелка. Я ее любил. В давние времена, когда я еще не ходил в школу и целыми днями сидел один дома, она была любимой игрушкой. Я туго надувал ее, завинчивал пробку, и грелка превращалась в веселое прыгучее существо. Она скакала от меня по углам, как заяц от охотника, или послушно становилась коньком-горбунком, а порой заменяла футбольный мяч. Иногда после шумной игры я засыпал, привалившись к ней щекой, словно к подушке.

Сейчас я играл с ней редко, но все равно было жаль.

Дома я последний раз надул грелку и погладил тугие бока. Грелка отозвалась упругим звоном. Я взял ножницы, зажмурился и занес руку. Наверно, с таким же чувством древние воины приносили в жертву любимых коней...

Грелка испустила дух.

Я расширил пробоины и, когда мама пришла на обед, сокрушенно признался:

— Грелка проткнулась...

— Как это тебя угораздило?

— Я нечаянно,— бессовестно соврал я и ненатуральным голосом сказал: — Может быть, ее заклеим?

— Как же! Заклеишь тут! Вон какая дыра. Придется выбросить.

— Жалко,— искренне сказал я и унес грелку в кладовку. И там вырезал из нее две узких полосы...

Операцию разработали тонко. Уныло и долго Толька выпрашивал у матери деньги на кино. Она плюнула и дала. Толька тут же сбегал в кассу кинотеатра и будто случайно показал матери билет. Потом спохватился, что опаздывает, и умчался.

Билет он сразу перепродал Левке, а сам ушел в лог пристреливать рогатку.

Через полчаса Толька чужими дворами пробрался к нашему забору, а оттуда — на пустой сеновал. Дыркнаб, я и Майка ждали его. Позиция была что надо: мы видели весь двор, а нас никто не видел.

Градусник сверкал белым фарфором на фоне темного косяка.

— Ну? — нервно сказал Дыркнаб.

Толька деловито зарядил рогатку железной гайкой. Он встал у крошечного оконца, и мы смотрели сквозь щели.

Рогатка щелкнула.

Конечно, Толька был вредный тип, но стрелял он здорово. Градусник словно взорвался. Мало того! Гайка рикошетом ударила в оконное стекло, и оно украсилось большой дырой.

Мы покинули место засады бесшумно и стремительно. Уже в переулке Дыркнаб выхватил на бегу у Тольки рогатку и сунул мне в карман. И правильно! Если бы у Тольки кто-нибудь ее увидел, не помогли бы никакие оправдания. А меня взрослые считали воспитанным ребенком. Кто бы поверил, что я участвовал в таком ужасном деле?

Вечером Толька встретил меня на улице и хмуро сказал:

— Рогатульку отдай...

Он просил не рогатку, а лишь рогатульку — ручку с развилкой. Она была его собственная, он смастерил ее из толстой сиреневой ветки.

Я бросил рогатку на тротуар. Не глядя на меня, Толька поднял ее и стал снимать резину. А зачем она мне? Я мог нарезать из грелки еще хоть для десятка рогаток.

— Ты лучше подшипник отдай,— сказал я.

Толька перестал возиться с резиной. Глянул исподлобья. Сказал сумрачно:

— Потерял.

Видимо, он не врал. Я засунул кулаки в карманы, обошел Тольку, слегка зацепив плечом, и не спеша зашагал домой.

— Да отдам я! — досадливо крикнул он вслед.— Найду и отдам!

Я не обернулся. Но с тех пор мы не ссорились.

Мы не ссорились больше, но ремень я Тольке не дал. Я снимал его лишь перед сном да еще на реке, когда купались. И пряжку чистил прямо на животе, не расстегивая. Драил суконкой и зубным порошком. Я извел за неделю столько порошка, сколько не истратил за всю жизнь для чистки зубов.

Штаны и колени у меня были постоянно

в белой пыли. Зато пряжка сияла. И не только на солнце. Даже при луне она светилась, как фонарик.

Луна в те вечера была удивительная. Когда уходило солнце и на востоке начинали густеть дымчатые сумерки, она выползала над заборами красная и такая громадная, что смотреть было страшновато. Потом она поднималась выше, делалась меньше, и яркость ее нарастала. Заря не гасла всю ночь. Золотистый свет ее смешивался с лунным серебряным светом, и в воздухе появлялся легкий, какой-то сказочный блеск.

Наверно, только в детстве бывают такие вечера, похожие на сказочный праздник. И я до сих пор благодарен маме, что она не запрещала мне этих поздних игр, хотя бывало, что я приходил домой лишь к полуночи.

Едва появлялась луна, как в тишине раздавались гулкие барабанные удары. Это Славка Дыркнаб колотил бамбуковой палкой по ржавой железной бочке (она с незапамятных времен валялась на улице рядом с нашим домом). И мы вылетали из калиток. Раньше всех успевал Марик Городецкий. Он вскакивал на бочку и, размахивая тросточкой, похожей на шпагу, весело кричал:

— Торопитесь, храбрые сеньоры! Вас король приглашает на бал!

В те дни в кино «Север» шел фильм «Золушка», и мы понимали, что Марик не кривляется, а изображает придворного.

За плечами у Марика тихо позванивал и струился плащ из легких металлических лент. Они назывались у нас «золотинки»:

Мы с большим трудом выковыривали их из негодных конденсаторов, которые добывали на свалке.

Конечно, такие плащи были у каждого. Они требовались для игры.

Игра была простая и древняя, как мир. Названий у нее множество. Мы называли ее «колечко».

Мы делились на две группы. Одни ждали, считая до ста, а другие разлетались во все стороны, серебристо звеня лентами. Потом начинались поиски и погони. Поймать всех, кто прятался, было нелегко. А когда наконец пленников приводили к бочке, надо было еще отгадать, у кого из них кольцо. Обыкновенное железное колечко от висячего замка. Если с трех раз удавалось отгадать, пленники превращались в «сыщиков». Если нет — все сначала.

Конечно, убегать и прятаться было интереснее, чем искать и догонять. Мне даже трудно рассказать, как это здорово! Сначала — разлетающийся стук подошв, и ты мчишься, оставляя для «сыщиков» насмешливые знаки: на перекрестке, на тротуаре — стрелы в четыре стороны. Ищи ветра в поле!

А потом приткнешься у незнакомого палисадника или в заросшей лопухами канаве и с тревожным замиранием ждешь. Стараешься не шелохнуть звонким плащом. Ленты отзываются на каждое движение, могут выдать. А без них играть не разрешается. Как заметишь в сумерках притаившегося беглеца, если он без плаща?

И вот сидишь. Иногда рядом, у самой щеки, тихо дышит товарищ. Но даже шепотом нельзя вымолвить словечко. Всюду — тишина...

И вдруг снова смех, крики, стремительный бег, а позади — затихающий топот обманутой погони...

Один раз, когда у меня было колечко, мы с Майкой, спасаясь от «сыщиков», с разгона выскочили к логу.

В логу, в глубине, лежали белесые пласты тумана. Склоны были в сумерках. Пахло болотом, и тянула снизу влажная прохлада. А на том берегу врезались в розовато-желтый закат высокие и острые, как пики, ели. Они поднимались над низкими крышами кварталов, которые назывались Большое Городище. Это было как рисунок для сказки.

Мы притихли. Спускаться в лог сейчас было страшновато, да и ни к чему: погоня заглохла.

— Давай постоим, — шепотом сказала Майка.

— Давай,— согласился я.— На всякий случай. А то еще попадемся...

Над Городищем дрожала, как ртутная капля, одинокая звезда. Где-то далеко патефон играл песню «Вечер на рейде»...

— Слушай,— сказала Майка.

— Я слушаю. Я эту песню знаю.

— Ты меня слушай,— серьезно сказала она.— У тебя когда день рождения?

— А зачем?

— Ну, так. Надо. Когда?

Я сказал.

Майка вздохнула и призналась:

— Я хочу поздравить тебя.

— Но ведь он не сегодня. Он же давно был.

— Ну, все равно,— с легким нажимом сказала Майка.— Ведь тогда я тебя не знала. А сейчас знаю. Пусть это будет за тогда.

— Хорошо... Спасибо, Майка,— сказал я.

— Подожди,— строго остановила она.— Я ведь еще не поздравила.

Она встала передо мной и в сухие горячие ладошки взяла мою руку.

— Владик. Я тебя поздравляю с днем рождения. И желаю тебе хорошего счастья.

Я подумал, что счастье всегда хорошее, плохого счастья не бывает, и стало немножко смешно. Но я ничего не сказал, потому что сделалось не только смешно, а еще и чуть-чуть грустно. И хорошо.

Надо было сказать Майке, что я тоже поздравляю ее с днем рождения. Но я почему-то постеснялся. И Майка молчала.

Так мы еще постояли друг перед другом, и я наконец сказал:

— Побежали.

Она кивнула. И мы побежали в глубь наших переулков, где светились теплые окна и нагретый за день воздух мягкими пластами лежал над пыльными дорогами и тротуарами.

Бери моих лошадей...

В этих стремительных солнечных днях, в этих вечерах с большой луной и приключениями все было хорошо. Все, кроме одного: я разлюбил Майку.

Я и сам не заметил, как это случилось. А когда понял, начал мучиться. Но что я мог сделать? Майка стала совсем не такая. Она всегда и везде была с нами и сделалась как мальчишка. Даже научилась плавать вразмашку и свистеть. Волосы, чтобы не мешали, она заплетала в две тощие косы. Бегала в старых мальчишечьих ботинках, чтобы удобнее было гонять футбольный мяч: она любила играть в полузащите.

И вообще была она теперь длинная, худая, исцарапанная.

И я наконец спохватился. Что это в самом деле? Не могу же я быть влюбленным в левого полузащитника!

Я стал грустить. О той Майке, которую увидел впервые сквозь дыру в заборе. О прекрасной незнакомке с золотой паутиной волос. О Майке, которая мне сказала, смущаясь: «А хочешь, покажу, как открывается калитка?» Теперь-то для меня секрета не было: я знал, как дергать за шнурок, мог прибегать к Майке хоть сто раз в день. А еще проще было влезть на забор и три раза свистнуть — Майка выбегала сама.

Все было хорошо. А любовь кончилась.

Чтобы погрустить без помех, я убегал от ребят и бродил в одиночестве по логу. Там неподвижно стоял пропитанный солнцем и полынью воздух. Звенели кузнечики. А может быть, звенела тишина. По сухим тропинкам ходили жуки-пожарники. Красные с черными узорами на спине. Тропинки вились по дну лога у самых откосов. На откосах среди зарослей желтели проплешины. Оттуда временами скользили на тропинки ручейки пересохших глиняных крошек. Крошки попадали в ботинки и мешали спокойному, грустному настроению. А босиком ходить было нельзя: из домишек, прилепившихся к обрывам, сбрасывали вниз битую посуду и стекла.

Да и не только стекла были опасны. Однажды я чуть не распорол ногу о полоску оцинкованной жести. Но я не огорчился, полоска мне понравилась. Красивая, блестящая, как серебро. Пригодится! Потом я нашел еще несколько. И наконец, наткнулся на целую россыпь замечательных обрезков.

Видно, артель жестянщиков устроила здесь свалку.

Для кого свалка, а для кого клад!

Я набрал этого добра, сколько мог унести. А дома взялся за работу. Скобками из алюминиевой проволоки начал склепывать рыцарские доспехи. Из тонких полос я сделал набедренники и широкий пояс, из треугольных обрезков — налокотники, наколенники и наплечники. Из бракованного ведерного донышка получился сверкающий нагрудник. И еще я смастерил много всяких деталей, про которые не знал, как они называются, а только видел на картинках в книге «Дон Кихот».

Больше всего я провозился со шлемом. Получилось что-то среднее между королевской короной и волчьим капканом. Но забрало опускалось и поднималось, как настоящее.

Я облачился в железный костюм и, погромыхивая, подошел к зеркалу. Здорово! Жаль, что мама на работе. Она часто говорила, что я не довожу до конца ни одно дело. А вот, пожалуйста, начал — и довел. Хоть сейчас в бой!

Но выйти во двор, покрасоваться перед ребятами я не решился. Знаем мы такое дело! У меня есть доспехи, а у них нет. Сразу начнут зубоскалить от зависти. А может быть, начнут испытывать на прочность. Если человек идет просто так, никто не будет стукать его палкой по голове, а если он в железном шлеме, разве удержишься... А шлем все-таки не такой уж крепкий.

Я сложил рыцарские латы в большой ободранный портфель (мы в нем зимой носили картошку с базара), сунул за ремень деревянный свой меч и опять отправился в лог. Там было одно местечко — заросшая коноплей и бурьяном выемка в отлогом берегу. В этих зарослях я и облачился в доспехи.

И думал все время про Майку.

Наверно, ее заколдовал злой волшебник. И мне придется вступить с ним в бой, как Дон Кихоту. Только Дон Кихот дрался с ненастоящими волшебниками, а у меня будет такой, что страшнее не придумаешь.

Я уже знал, как он выглядит. У него похожее на толстое бревно туловище, все в чешуйках и грязной шерсти, косматая лопоухая голова, желтые глаза и клыки длиной с мизинец. У него шесть обезьяньих лап, он, как великанский паук, шевелится в глубине пещеры, поджидая добычу.

Где эта пещера, я тоже знал. Неподалеку, на крутом откосе, чернела в зарослях глубокая дыра. Жители окрестных кварталов раньше добывали там песок, а потом весенние ручьи подмыли громадный пласт глины, и он съехал, разрушив тропинку.

В неприступном черном логове жил теперь колдун по имени Черибузо.

Стараясь не звякнуть, я стал подбираться к вражьей берлоге. Было солнечно и пусто в огромном логу, звенел знойный воздух. Мне стало жутковато. Вдруг придуманный Черибузо и в самом деле сейчас выползет на свет...

Мы покинули место засады бесшумно и стремительно.

Но он, конечно, не выползал. Он выслал вперед злых солдат. Шеренги чертополоха, бурьяна и репейника крепко защищали своего хозяина-колдуна.

Ах, так? Я плавно вытянул из-за пояса меч. Ш-шэх! — свистнуло лезвие, и куст бурьяна, постояв секунду, мягко лег мне под ноги.

Р-раз, р-раз! Я старался рубить отточенным кончиком клинка. Срезанные под корень враги валились без шума и треска.

Но вдруг — трах — меч упруго подскочил и чуть не вырвался из ладони. Это жилистый и твердый стебель репейника оказался клинку не по зубам.

Ну, держись! Я серединой меча несколько раз ударил вражеского генерала. Он стоял. Я разозлился. Тут уж не до страхов, не до колдуна. Я обрушил на противника такие удары, что он рухнул наконец с шумом, похожим на вздох.

Я откинул забрало и вытер мокрое лицо. Было жарко, солнце успело нагреть мои доспехи. Черибузо не подавал признаков жизни. И по-прежнему тонко пела в ушах тишина. Но вот в это пение проник другой звук. Он был негромкий и басовитый. Он был грозный. У меня в один миг натянулись все жилки.

Я научился уже многого не бояться. Мог ночью забраться на чердак, прыгнуть в крапиву, отлупить Тольку, читать повесть Гоголя «Вий» при коптилке и сказать здоровенному Петьке Бryндину по прозвищу «Зер Гут», что он драная сколопендра. Но мохнатых шмелей и злых кусачих ос я боялся пуще огня.

Гудение нарастало. Я завертел головой. Громадный, чуть ли не с грецкий орех, шмель совершал вокруг меня неторопливый облет. Тут же я представил, как он заберется мне под латы и будет жужжать и биться там...

Черибузо, наверно, с ехидной улыбкой наблюдал из пещеры, как рыцарь в сверкающих доспехах, звеня и погромыхивая, летит вниз, не разбирая дороги.

Я отдышался у ручья, на лужайке, окруженной мелким ольховником.

— У, ж-животное,— сказал я в адрес шмеля, чтобы не было так стыдно за свое отступление.

— Чиво говоришь?

Я даже подскочил.

За кустом, у самого ручья, пятками в воде сидела Манярка.

— Чиво говоришь? — повторила она, и на лице у нее проступило сильнейшее любопытство. Узнала.

— Ничего,— буркнул я.— Ты что здесь делаешь? Вот Славка узнает, где ты болтаешься, он тебе задаст.

— Не,— рассеянно откликнулась она.— Не задаст. Он меня не лупит.

— Зря,— сурово сказал я. Больше всего я боялся, что Манярка догадается о моем по-

зорном бегстве. Но как она могла догадаться?

Я с ожесточением начал дергать тесемки и срывать крючки доспехов. Если человек струсил, он всегда потом злится. Манярка следила за мной, не двигаясь.

Было в ней что-то птичье. Глаза, как черные пуговицы, шея тонкая, будто у птенца. И даже острые лопатки под платьем были похожи на неотросшие крылышки.

Не нравилось мне, как она сидит и смотрит: разболтает теперь всем про мое снаряжение. А тут еще крючок наплечника намертво вцепился в рубашку. Я дергал, дергал...

— Давай отцеплю,— сказала Манярка. Но не двинулась, пока я не ответил:

— Ну отцепи... Чего сидишь?

Она встала, подошла сзади и деловито задышала мне в шею. Отцепила. Потом села на корточки над моим снаряжением.

— Это раньше солдаты носили такие железины... Ты сам делал?

— А кто, Пушкин, что ли?

— Я знаю,— сказала она.— Пушкин — это писатель. Он кино про царя Салтана сочинил.

(Был тогда такой фильм. Не цветной, не широкоэкранный, но все равно хороший.)

— Ну-ка, помоги,— велел я. Она послушно помогала мне уложить в портфель доспехи.

— Пойдем,— сказал я.— Нечего тебе здесь одной делать. Славка, наверно, по всем улицам ищет.

Я знал, как Дыркнаб нервничал, если Манярка исчезала.

— Не пойду,— нахмурилась она.— Я с ним поругалась.

— Ну, подумаешь, поругалась. А сейчас помиришься.

— Пускай он первый мирится.

— А как он будет мириться, если тебя нет?! Пошли!

— Не пойду.

— Ну, что ты будешь здесь делать, а?

— Я рыбу ловлю.

И тут я увидел на берегу здоровенную палку с привязанной ниткой. На конце нитки была расстегнутая безопасная булавка, а на острие булавки сидела дохлая зеленая муха.

Вот потеха!

— Этой удочкой ловишь?

— Ага.

— Ничего ты ею не поймаешь. Да тут и рыбы нет.

— Южка говорил, что есть маленькая.

— Ничего здесь нет. Айда!

Она повернулась спиной. Вот вредная! Пришлось пойти на хитрость:

— Если пойдешь, я тебе настоящую удочку сделаю.

Она обернулась.

— А ты не врешь?

— Маняра! — сурово сказал я.

Она подумала. Потом глаза ее остановились на моей пряжке.

— А дашь ремень поносить?

— Ты же не мальчик!

— А девочки тоже бывают моряки.

Что с ней делать?

— Только не зажиль, отдай потом.

Она быстро затолкала платье в трусики и подпоясалась. Но ремень сваливался. Пришлось мне передвигать пряжку.

Нацепив ремень, Манярка полюбовалась пряжкой, закинула на плечо свою удочку (не снимая мухи с булавки) и зашагала впереди меня.

Во дворе я сдал ее Дыркнабу, который и вправду уже беспокоился.

— Выдеру,— жалобно сказал он.— А ну, дай сюда ремень!

Но Манярка ускакала, как коза.

Под вечер Дыркнаб вызвал меня на крыльцо: Манярка была с ним рядом.

— Ты ей обещал удочку сделать?

— Ну и что? — сказал я.— Она никак домой не шла.

— Вот видали! — в сердцах сказал Дыркнаб.— А теперь она от меня не отлипает: почему ты удочку не делаешь?

— Она чья сестра? — взвился я. — Моя? Она твоя сестра! Ты и делай!

Дыркнаб тоже разозлился.

— А она не хочет! Понятно? Хочет, чтобы ты!

Видали фокусы?

— Ты ее спроси, не хочет ли она по шее.

Манярка молча смотрела на меня и слушала. Серьезная такая. Когда я сказал про шею, она повернулась и зашагала прочь. Потом остановилась. Вернулась, не глядя на меня. Сняла мой ремень, положила на крыльцо и снова пошла от нас.

Что тут будешь делать? Нельзя же, чтобы человек вот так уходил.

— Постой ты,— сказал я.

Пришлось искать подходящий прут для удилища. Нашел. Но нужную нитку отыскать не смог и сделал леску из шпагата.

— Зачем такая толстая? — недовольно спросила Манярка.

— А если большая щука попадется?

— Тогда крючок тоже большой надо.

— Крючок — завтра. Проволоку найду и сделаю.

— Ладно,— снисходительно сказала она и убежала, оглядываясь.

Поздно вечером, когда я, набегавшись, уже собирался спать, мама сообщила:

— Там тебя барышня спрашивает.

— Кто? Майка, что ли?

— Не Майка. Маня.

— Маня?... Ах, Манярка! Ну, что ей опять надо?

Она стояла у крыльца с моей «удочкой».

— Маняра! Ты чего не спишь? Ну, Славка намылит тебе шею!

— Не намылит,— отмахнулась она. И, встав на цыпочки, зашептала мне в ухо: — Владька, а можно, чтобы это была не удочка, а кнут? Все равно ведь крючка нету, а только палка с веревкой. Можно? — Ну, смех, да и только! Шепчет, будто какая-то тайна у нее.

— Зачем тебе кнут? — спросил я громко. Она смутилась.

— Играть... Как будто в цирке. С лошадями. Учить их прыгать.

Понятно. Она видела цирковую афишу. В открытие цирка уже никто не верил, но афиши время от времени появлялись, и на одной из них был нарисован худой дрессировщик во фраке, цилиндре и с длинным кнутом. У этого кнута было какое-то трудное название. Мама говорила, да я забыл. По сторонам от дрессировщика стояли, вздыбившись, красивые лошади с перьями на головах.

Мне эта афиша не нравилась. Я не любил, когда мучили животных, а этот дядька в цилиндре был определенно мучителем: вон какой хлыст!

— Во-первых,— строго сказал я,— надо говорить не «лошадями», а «лошадьми». А вторых , бить лошадей кнутом — это свинство. Дай-ка я тебе врежу! Понравится тебе?

Манярка насупилась.

— А чего... А как их тогда учить?

— По-хорошему, вот как.

Ей, наверно, стало неловко, и она сказала обидчиво:

— Будто ты лучше всех знаешь... У тебя, что ли, есть лошадь?

И я неожиданно ответил:

— Три.

Это получилось так просто и уверенно, что Манярка приоткрыла рот и лишь через минуту сказала:

— Врешь...

— Три,— спокойно повторил я.— Только они не здесь.— И почувствовал, как холодок прошел по спине. Над заборами, над старинной башней библиотеки, задернувшись наполовину дымчатым облаком, висела большая луна. Непонятно лопотал листьями тополь, хотя воздух казался неподвижным. Было самое время для сказок и тайн.

— Ты не веришь,— сказал я.— Ну и не надо.— А у меня есть три лошади. Они живут в дальнем лунном поле. Там серебряные облака. А когда все спят, они приходят ко мне...

Манярка вцепилась в мой локоть, и я почувствовал, как в ее ладошке бьется маленькая жилка. Я думал, что она испугалась. Но нет.

— Пойдем,— прошептала она.

— Куда?

— Ну, туда, на корягу. Здесь не надо рассказывать. Там лучше.

Она повела меня в дальний угол двора, где лежал обрубок толстенного бревна. Он был такой необъятный и такой сучковато-жилистый, что даже в самые жестокие военные зимы его не смогли ни украсть, ни разрубить на месте. Кроме того, все забыли, кто его хозяин. Этот обрубок лежал здесь с незапамятных времен. Он давно лишился коры и был отполирован штанами еще «довоенных» мальчишек, друзей старшего Славкиного брата.

Мы звали это удивительное бревно корягой и собирались иногда здесь поболтать.

Это было подходящее место для вечерней сказки. Кругом стояли высокие темные травы, нависала над забором густая рябина, а прямо над головой было ясное небо с растворенным лунным светом и редкими большими звездами.

Мы сели.

— Рассказывай,— шепотом попросила Манярка.

И я стал рассказывать. О том, как приходили ко мне Черные лошади, о наших дальних дорогах и приключениях, о сказках, в которые они заносили меня...

Манярка тепло дышала мне в плечо и молчала. И немножко вздрагивала иногда.

— Холодно? — спросил я.

— Не... А они еще придут?

— Может быть.

— А сейчас? Придут?

— Сейчас?.. Нет, Манярка. Они чаще всего приходят зимой.

— А если мы позовем?

— А их не зовут. Их просто надо ждать. Они сами знают, когда их ждут.

— А сейчас?

— Что «сейчас»?

— Знают?

— А кто их сейчас ждет?

— Я жду,— твердо сказала Манярка и подтянула коленки к подбородку. Всем своим видом она показывала, что будет ждать хоть до утра.

Я забормотал, что, в общем-то, сейчас не время, что лошади могут оказаться на каникулах, что вообще-то они приходят не так уж часто. Вовсе они не обязаны приходить каждый вечер...

— Ну, давай подождем немножко...

Пришлось согласиться. Мы подождали немножко. Потом еще. Затем еще чуть-чуть.

Потом на крыльце появилась мама и стала звать меня.

— Не пришли,— сказал я. И, чтобы успокоить Манярку, добавил: — Может быть, завтра...

На следующий вечер, в это же время, пришел сердитый Дыркнаб.

— Иди, разбирайся там с ней.

— С кем?

— «С кем, с кем»! С Маняркой! Сидит на коряге и уходить не хочет. Спать пора, а она не идет. Я говорю: «Чего сидишь»,— а она говорит: «Уходи, не скажу тебе, а Владьке скажу».

— А тебе жалко? Посидит и придет.

— А если куда-нибудь опять сбежит? Ищи потом...

— Не сбежит. Ты иди. Я с ней поговорю.

Манярка сидела так же, как вчера. Молчаливая, маленькая.

— Слушай,— нерешительно сказал я.— Понимаешь... Ну, я вчера маленько нахвастал. Они редко приходят.

— Ну и что? Все равно интересно. А вдруг — сегодня...

Я ее понимал. Ведь ожидание сказки — это почти как сама сказка.

— Манярка... Ну, ведь их можно ждать, когда уже спать ляжешь.

— Не... Там Славка услыхает и отберет.

— Не «услыхает», а «услышит». Не услышит ничего твой Славка. И они его не послушаются. Они слушаются только того, кто... Ну, ладно. Вот!

Я решился. Вынул из кармана крошечную подкову, которую весной подарил мне всадник.

— Вот, Манярка. Это такая тайная вещь. У кого она есть, того они и слушаются. И к тому приходят... Бери.

— Насовсем? — прошептала она.

— Насовсем.

Даже в сумерках было видно, какая она стала счастливая.

Ни одного кармашка у нее не было, и подковку она надела на руку, повыше локтя. Как браслет.

Пошевелила рукой, посмотрела на меня и снова спросила:

— Насовсем?

— Насовсем,— сказал я.— Бери моих лошадей.

Я не жалел. Ничего, что лошади ушли. Пусть Манярка радуется. А у меня есть Каравелла. И будет всегда.

Гладиаторы

Когда-то в нашем дворе был хлебный магазинчик, и знакомая продавщица Катя всем соседям оставляла их пайки, чтобы зря не стояли в очереди. Но такая хорошая жизнь давно кончилась. Теперь за хлебом приходилось бегать в большой магазин № 7 на Первомайской улице.

Иногда придешь — и ни одного человека, а хлебом все полки загружены, а иногда — страшно вспомнить: очередь на улице до самого угла.

Особенно длинные очереди были в начале августа. Приходилось вставать пораньше, бежать на Первомайскую и ждать: когда откроют магазин, когда придет повозка с хлебом, когда начнут продавать (или, как говорили, «отпускать»).

«Отпускали» медленно. Сначала очередь шла вдоль магазина по тротуару, потом втягивалась внутрь. На улице было еще не так скучно: можно пробежаться, поиграть с ребятами. А в магазине начиналось мучение. Ровно гудела очередь. Надоедливо звякали ножницы, вырезая хлебные талоны. Сонно жужжали мухи. От хлебного запаха прорезался едкий, как боль, голод и начинала кружиться голова.

От дверей до прилавка очередь двигалась около часа. Скамеек в магазине не было. Те, кто успевал, устраивались на широких подоконниках и ждали, когда подойдет очередь.

Однажды я увидел на подоконнике Быпу. На коленях Быпа держал растрепанную книжку, но не читал, а лениво смотрел поверх голов.

— Быпа, здорово!

Он обрадовался. Я даже не думал, что он так обрадуется.

— Айда ко мне!

Локтями Быпа пораздвинул соседей и сказал тетке, которая рядом с собой на подоконник поставила корзину:

— Убери-ка багаж, тетенька. Тут не камера хранения, людям сидеть негде.

Тетка завела скучный разговор о хулиганах, которые не уважают старших, но корзину поставила на пол.

Я сел рядом с Быпой.

— Давно я тебя не видал,— сказал Быпа.

Вот чудной! А где ему меня увидать? Бывал он в нашем дворе совсем редко, купаться с нами не ходил. У них там, на Вокзальной, была своя компания. Но я из вежливости ответил:

— Я тебя тоже...

Мы поговорили о том, что через три недели — в школу, а еще совсем неохота и что скоро, говорят, отменят хлебные карточки, и тогда уж не будет очередей, а хлеба — сколько хочешь...

Потом я спросил:

— Что за книжка?

— «Спартак». Здорово интересная, да я уже всю прочитал.

— Про футболистов?

Быпа вытаращил глаза.

Надо сказать, что во многих вопросах я был страшный невежда, хотя разбирался в парусах, в географии, в устройстве вселенной. Насчет «Спартака» я был уверен, что это всего-навсего футбольная команда. Мало того! Я считал, что название происходит от слова «спорт» и пишется «Спортак».

Оправившись от изумления, Быпа тут же на подоконнике коротко поведал мне о восстании гладиаторов. И когда он кончил, я, конечно, сказал:

— Дай почитать.

«Не даст»,— подумал я. И в самом деле, зачем он будет давать? Может, что-нибудь в обмен попросит? Но у меня ничего же нет.

Быпа подумал, вздохнул. И разрешил:

— Ну, бери... Только смотри. Она вон какая растрепанная.

Я кивал, ошалев от радости. Такая толстая, такая интересная!

А Быпа так раздобрился, что поставил меня в свою очередь, которая была гораздо ближе моей. Женщины зашумели, но он решительно и деловито доказал, что мы занимали вместе.

Потом мы шагали по звенящей от зноя улице и грызли хлебные маленькие кусочки — привески.

— Слушай...— нерешительно сказал Быпа.— Ты вот что... Знаешь, дай мне твоего ремня поносить, а?

Я даже шаги замедлил. Мой морской ремень? А если Быпа зажилит? Это ведь не Манярка.

— Да не бойся, я не насовсем прошу,— объяснил Быпа.— Маленько поношу и отдам. Ну, пока ты книжку читаешь. Ладно?

Может, он нарочно книжку подсунул и в очередь меня поставил, чтобы ремень выманить? Но ведь он мог бы его просто отобрать. Вон какой он здоровый! Я бы и не пикнул.

— Ты не думай, что я за книжку прошу,— сказал Быпа.— Мне надо Хрыщу одно дело доказать. Знаешь Хрыща? Он в нашем доме живет.

— Что доказать? — спросил я, чтобы оттянуть время.

— А он, паразит, не верит, что у меня отец был моряк. Я ему ремень покажу и скажу, что отец оставил, когда в сорок третьем году в отпуск приезжал.

— А на самом деле он ничего не оставил?

Быпа помотал головой:

— Он был подводник... Их не нашли. А в отпуск он и не приезжал, только собирался.

— Бери,— сказал я.— Только не потеряй.

Два дня без передыха я читал «Спартака». Даже купаться не бегал. Вечером второго дня ко мне постучался Южка и вызвал во двор.

— Почему не выходишь? Не отпускают?

— Читаю,— вздохнул я.

— Целый день читать заставляют? — изумился он.

— Никто не заставляет! Сам! Знаешь, какая книжка!

И тут же на крыльце начал я рассказывать Южке о суровых бойцах-гладиаторах, которых в Древнем Риме богачи заставляли драться друг с другом, а сами смотрели, как цирк или кино.

Подошли другие ребята. Никто, кроме Марика и Дыркнаба, раньше не слыхал про Спартака — вождя гладиаторов.

— Брехня все это,— обидчиво сказал Петька Лапин.— Писатели насочиняют, а вы верите.

— Ничего подобного,— вступился Марик.— Это исторический факт.

— Про Спартака в учебнике написано,— поддержал Дыркнаб.— Ты, Лапа, зря не ругайся на писателей.

— А чего они такие балбесы, ваши гладиаторы? — возмущенно заявил Петька.— Друг друга убивали! Лучше бы революцию устроили! Они же все с мечами! Как бы начали рубить этих самых... как их...

— А они и так начали! Не дослушал, а кричишь!

Книжку у меня растащили по частям. Читали, обмениваясь тонкими пачками листов. Собрал я всего «Спартака» лишь через неделю.

Во дворе начались гладиаторские бои. Стучали деревянные мечи, гремели крышки от больших кастрюль, ставшие щитами. Мощные наступательные крики потрясали квартал. Таисия Тимофеевна получила новый повод, чтобы обвинять нас в невоспитанности.

Мы рубились и спорили. Сколько раз надо задеть противника мечом, чтобы он считался убитым? Чья очередь быть легионерами?

Никто, конечно, не хотел идти в легионеры. Ведь это были все равно, что фашисты, только старинные. Приходилось по десять раз делиться, считаться, тянуть жребий. Но, несмотря на это, в самый решительный момент римские легионеры нарушали все правила и бессовестно орали:

— Ура! За свободу! Бей фрицев!

Мы все переругались и устали от таких споров. И собрали, наконец, военный совет. На совете решили: во время игр не орать и не бросаться друг на друга, как сумасшедшие, а все делать по плану.

Игра должна состоять из двух частей. Сначала — гладиаторское представление: бой между двумя группами. Чья группа победит, та и будет спартаковцами. А во второй части — восстание и битвы с легионерами. И чтобы все по правилам!

Такая игра требовала подготовки, и мы объявили двухдневный перерыв.

На следующий день, в субботу, все клепали себе доспехи, вырезали новые мечи, рисовали мелом на щитах львов и носорогов. А я бездельничал. Боевые латы у меня были еще раньше. Щит и меч не требовали ремонта.

От нечего делать я решил пробежаться с гонялкой. Вышел на улицу и увидел Быпу.

Он брел навстречу, и на животе у него сияла пряжка моего ремня.

— Эй, Быпа!
— А, Владик!
Он сразу оживился, как увидел меня. И даже не по фамилии меня назвал, а по имени. У нас в классе все друг друга по фамилиям называли. Или по прозвищам. А он сказал «Владик».
— Ты куда? — спросил я.
— В кинушку ходил. Билетов нету.
— Жарища,— сказал я.— Делать ничего не хочется.
— Ага,— охотно сказал он.
Я снова поглядел на пряжку.
— Слушай, Быпа. Я «Спартака» уже прочитал. Все ребята прочитали. Пойдем ко мне, заберешь.
— Айда.
Мы пошли, и он все поглядывал на меня весело и смущенно. Такой большой, лохматый, толстогубый.
— Ты что, Быпа, все меня разглядываешь?
— Так просто... Все ребята куда-то подевались, скучно одному. А тут ты встретился.
— А Валерка Хрыщиков? Он же рядом с тобой живет.
— Да что он, этот Хрыщ...
Дома я отдал Быпе книжку. Он ее подержал перед собой, шмыгнул носом и хрипловато сказал:
— Да ладно... Ты ее бери, если тебе ее надо. Если нравится.
Я озадаченно поморгал.
— Как «бери»?
— Ну так... На память.
— Разве уезжаешь куда-нибудь?
— Да нет. Просто так. Раз тебе ее надо...
Мне ее не так уж было надо сейчас. Я ее запомнил от корки до корки. Но я это не стал говорить.
Быпа... Как он сказал: «На память». А тогда вот взял и поставил в магазине в свою очередь. А еще раньше ни с того ни с сего заступился за меня перед Вовкой Вершининым...
Я взял книжку.
— Спасибо, Быпа. Я ей новые корочки сделаю.
— Если хочешь, я тебе еще толстую книгу притащу. Под названием «Собор Парижской богоматери». Только я еще ее не читал. Прочитаю и принесу.
И почему я раньше думал, что Быпа некрасивый? У него были такие хорошие, коричневые глаза. Как у доброй лошади. Вы не смейтесь! У лошадей очень ласковые и красивые глаза.
И вообще лицо у Быпы было доброе. Почему кто-то придумал, что он хулиган?
Он снял ремень, обмотал вокруг пряжки.
— На. Поносил я... Хороший ремешочек. Хрыщ все подговаривал поменяться на ножик. Ну, я говорю: «Катись ты, чего пристал...» Что я, стукнутый, что ли, меняться, если не мой ремень...
Черт возьми, не умели мы говорить друг другу хорошие слова. А так захотелось мне сказать Быпе что-то хорошее. И я сказал:
— Ну, ты тогда... носи уж его еще. Насовсем. У меня и так штаны не свалятся. Да ты не думай, что это я из-за книжки. Это я просто так...
И такую свою драгоценность я отдал сейчас легко и радостно, потому что Быпа мне нравился. Я только сказал еще:
— Ты смотри не меняйся с Хрыщом на ножик.
И Быпа опять сказал:
— Что я, стукнутый?
И мы вышли из дома и зашагали по горящей от солнца улице.
— Ты приходи завтра,—сказал я.—Знаешь, какой бой будет! Как в книжке. Будто все по правде. Придешь?
— Ага,— сказал он.

Он пришел, когда мы готовили к бою арену: обкладывали кирпичными обломками круг на земле и посыпали землю опилками. Опилки Манярка украдкой выгребала из шаткой завалинки нашего флигеля и приносила в подоле.
Петька Лапин выравнивал кирпичный круг. Он кончил работу, распрямился и головой зацепил Манярку: она проходила мимо. Опилки взметнулись желтым облаком и с ног до головы обсыпали Петьку.
Петька яростно взвыл, затряс головой и хотел треснуть Манярку.
— Ты! — сказал я.— Не трогай.
— Чего «ты»? Чего «не трогай»? — закричал Петька.—А чего она опилками обсыпает! Обсыпать можно, а трогать нельзя, да? Заступаешься за невесту!
— Ты дурак,— сказал я.— Как разозлишься, так сразу всякую чепуху орешь. В тот раз мы с Майкой, когда играли, тебя на лестнице в плен взяли, и ты сразу закричал, что Майка — моя невеста. А сейчас — Манярка. Я же не турецкий султан, чтобы столько невест было.
— Не султан ты, а девичий пастух,— заявил Петька.
Я сказал, что он клизма и голова у него редькой вверх.
Петька перестал вытряхивать из-за ворота опилки и сообщил, что сейчас покажет мне «редьку».
— Покажи лучше мне,— вмешался Быпа и неторопливо расправил плечи.—А то Владька маленький, а ты вон какая оглобля.
— Ничего, Быпа. Я с ним сам,— сказал я.
Дыркнаб велел нам заткнуться и спросил, будем мы в конце концов играть или нет. Мы сказали, что будем.
Только Быпа отказался:
— У меня меча нет и щита. Я пока зрителем буду.

— Я жду,— твердо сказала Манярка и подтянула коленки к подбородку.

Майка и Манярка тоже были зрителями. Манярка — по молодости лет, а Майка сама так захотела. Последние дни она опять стала появляться в пестром нарядном платье, похожем на парашют, аккуратно причесанная и даже иногда с бантом. Я уже подумывал, не влюбиться ли опять.

— Я буду Валерия Мессала,— сказала Майка.— Буду сидеть и болеть за Спартака.

— Ух и достанется тебе, когда будет восстание,— злорадно сказал Петька.

— За что? — возмутился Марик.— Она же возлюбленная Спартака!

— Ну и что? Будем мы, что ли, разбираться? Как бросимся! Она ведь все равно рабовладелиха!

— Не «рабовладелиха», а «рабовладыня», — сказал Дыркнаб. — Я вот тебе брошусь.

Он отказался быть Спартаком, хотя мы его заранее выбрали.

— Кто смелее всех будет драться, тот и Спартак. Ясно?

И началась битва!

Мы сошлись шеренга на шеренгу, подняв подошвами тучу опилок. Я увидел перед собой щит Дыркнаба с нарисованным драконом, ударил по нему своим щитом, отбил чей-то меч...

Небо стало темно-красным, в голове взорвалась горячая бомба, и я оказался на земле.

Когда небо снова стало синим, я почувствовал, что меня поднимают за плечи, и сел. В голове гудело, как в нашей железной бочке, когда Дыркнаб бьет по ней колотушкой. Из носа густыми струями лилась на жестяной нагрудник темная кровь.

Меня снова положили. Манярка притащила воды. Намочили чью-то рубашку, положили на лицо. Помню, что я подчинялся, даже не стараясь ничего понять, и без всякого страха.

Кровь постепенно унялась. С нагрудника стерли красные пятна. Я снова сел и лишь тогда узнал, что случилось.

Толька, дравшийся рядом со мной, замахнулся на Вовчика Сазанова. Широко замахнулся, и в этом замахе, отбросив руку назад, рубанул мне мечом по переносице.

Сейчас он стоял такой виноватый, каким я его никогда не видел.

— Это он нарочно,— заявил Петька Лапин.—Он с Владькой драться боится, а отомстить охота.

— Что вы, ребята...— сказал Толька и тихо заплакал.

— По-моему, это исключается,—сказал Марик.— Не мог он нарочно.

— Не мог,—сказал я.—Не реви, Толька.

— Если бы нарочно, я бы ему дрыгалки повыдергал,— сурово заметил Бышa.

— Не надо,— сказал я.

— Здорово болит? — спросила Майка.

Я покачал головой. Болело несильно, только я чувствовал, что переносица стремительно распухает.

Стали обсуждать, что делать. Одни говорили, что надо пойти домой и полежать. Другие утверждали, что домой идти не надо: мама перепугается, а, может быть, всем еще и попадет за такую игру.

Гул в голове прошел, и я почувствовал себя героем. Я был ранен в гладиаторской битве! И мне хотелось быть героем до конца. Я заявил, что лежать не собираюсь, а лучше всем нам пойти искупаться, раз уж сражение пока не получилось. От купанья все раны заживают.

Предложение моментально приняли.

— Только домой сбегаю, скажу, что на реку иду.

— Ты что? — изумился Дыркнаб.— Все еще не очухался? Тебя же из дома не выпустят больше!

— Выпустят. Меня мама никогда не держит.

— Ты на свой нос посмотри, — сказала Майка.

Я не мог посмотреть на свой нос. Кроме того, у нас с мамой была железная договоренность: если иду купаться, должен предупредить. Впрочем, я надеялся, что мама ушла к знакомым, и я просто оставлю ей записку.

— Вы идите,— твердо сказал я.— Подождите меня у кино, где часы. До шести. Я приду, вот увидите.

Недавно гудок в депо просигналил половину шестого, и у меня было минут двадцать.

— Не придешь ведь,— грустно сказал Быпа.

Во мне все еще играл геройский дух. Я взял за концы свой меч и с размаха перешиб о колено (меч был с трещиной от удара о Дыркнабов щит, и я его не жалел). Ногу я отбил здорово, но гордо выпрямился и поднял в руках обломки.

— Вот! Честное спартаковское, что приду!

Мне казалось, что так давали клятву гладиаторы.

Смотрите, я пришел!

Мама была дома. Она с кем-то разговаривала, это я услышал еще за дверью.

Сначала я решил, что у нас Сергей Эдуардович: он иногда заходил. Но нет, голос у собеседника был незнакомый.

До меня донесся конец фразы:

— ...наверно, стал еще больше похож. Почти взрослый, как Виктор.

Что еще за Виктор? Кто на кого похож?

— Конечно,— сказала мама.— Хотя, по правде говоря, Виктора я не очень помню. То есть помню, как он голубей гонял, как играл с моей дочерью, а вот представить лицо, голос уже трудно.

— Да...— со вздохом сказал собеседник.— А я вот уже не забуду...

— Еще бы,—откликнулась мама.

Подслушивать нехорошо. Но ведь я и не подслушивал нарочно. Я просто стоял перед дверью и боялся ошеломить маму видом своего носа.

Мама продолжала разговор:

— А Славика я хорошо знаю. Он у здешних мальчиков вроде командира. Я даже рада, что мой сын все время с ним играет. Как-то спокойнее на душе.

— Хорошие товарищи — великое дело,— сказал мужчина.

— Разумеется. И хорошо, что именно Славик — заводила в нашем дворе. Он рассудительный и не хулиган. А ведь бывают среди больших ребят такие, что подойти страшно.

— Бывают...— согласился незнакомец.

— Впрочем, за своего Владика я спокойна,— сказала мама, и в голосе ее проскользнула горделивая нотка.— На него хулиганы не повлияют. Есть в нем, знаете ли, такая врожденная интеллигентность.

В этот момент с меня соскользнул наплечник и загремел на полу. Скрываться стало невозможно. Я толкнул дверь, сказал «здрасте» и постарался отвернуть нос от света, чтобы мама не заметила.

Но разве от нее скроешь!

— О-о-о! — с глубоким стоном сказала мама.— О-о-о! Что это такое?

Мой растерзанный вид, жестяные латы, кудлатая голова и, главное, разбухшая, с кровоподтеками, переносица никак не вязались со словами о врожденной интеллигентности.

— Что с твоим носом? — трагическим голосом спросила мама, и глаза ее стали круглыми.

— Стукнулся...

— Ты с ума сошел! Тебе наверняка перебили переносицу!

— Не волнуйтесь,— добродушно сказал мужчина. — Когда перебивают переносицу, человек валится без сознания. Это штука серьезная. Я в таких вещах немного понимаю.

Он сидел у окна, и я не сразу разглядел его. Потом он подошел, осторожно потрогал большим жестким пальцем несчастный мой нос и сообщил:

— Через два дня все пройдет.

Я смотрел на него снизу вверх. Это был крупный полный человек, почти лысый, с круглым лицом и хорошими светлыми глазами. На отвороте пиджака был у него привинчен орден Отечественной войны. Пиджак был новый, а орден потертый, с отбитым уголком эмали. (Я вспомнил, что на папином таком же ордене, который нам прислали,

тоже был отбит эмалевый уголок. Он откололся, когда папа упал на мостовую. В том городке.)

— Но смотрите, какая опухоль. Это ужасно,— сказала мама, слегка успокоившись.

Я решил обидеться:

— Что ужасно? Разве я виноват?

— Все ужасно! — отрезала мама.— То, что ты каждый день являешься в ссадинах и царапинах. То, что я постоянно боюсь, как бы ты не сломал себе шею. То, что у тебя такой дикий вид. Что о тебе подумает незнакомый человек?

Ну, что подумает? Кажется, он не думал ничего плохого. С интересом поглядывал на мое вооружение.

— Снимай все железо и ложись,— велела мама.—Я сделаю компресс. Живо.

Я знал, что нельзя спорить, если мама берется за лечение. Хуже будет.

Пришлось лечь на кровать вверх носом, и мама принялась обмывать его кипяченой водой, а потом обкладывать смоченными ватками. Жидкость на ватках была холодной и отвратительно пахла больницей.

Ходики на стене между тем стукали да стукали. И до шести часов осталось наконец только пять минут. Как раз, чтобы добежать до кино.

— Мам, все,— бодро сказал я и вскочил.

— Что значит «все»? Кто тебе разрешил встать?

— Уже совсем не болит!

— Это ничего не значит. Может быть внутреннее кровоизлияние.

— Мама,— сказал я как можно убедительнее.— Ничего не может быть. Меня ребята ждут. Я же обещал.

Мама очень удивилась:

— Что? Ждут? Ребята? И ты думаешь, я тебя куда-нибудь отпущу, пока нос не придет в порядок?

— Ма-ма!

— Немедленно ложись.

Пришлось пойти на отчаянный шаг. Не очень это хорошо, но ничего не поделаешь. Я постарался зареветь.

— Зря,— сказала мама.— Не трать силы. Я прекрасно знаю, когда ты ревешь по-настоящему.

Я заревел по-настоящему.

— И не стыдно? — спросила мама.— Как девчонка! При постороннем человеке. Знаешь, кто это? Фронтовой друг Виктора. Славиного брата. А ты распустил нюни.

От удивления я перестал плакать и сквозь мокрые ресницы взглянул на гостя. Оказывается, это не мамин знакомый, не работник редакции, а фронтовой друг Дыркнабова брата!

Я смутно помнил Виктора, он приходил иногда к Таньке. Это был худенький невысокий парнишка, чуть постарше нынешнего Славки. А друг его — вон какой большой. Лысый. Совсем взрослый.

Но все же это правда был настоящий фронтовой друг. Он посмотрел на меня выручающим взглядом и неторопливо заговорил:

— Мы были с Виктором в одном взводе... А потом я искал, кто у него остался. Мать, братишка, сестренка... Вот приехал нарочно, а их нет дома. Зашел к вам. Думаю, соседи знают... Где же Славка-то?

Вот оно спасение!

Я, укоряюще поглядывая на маму, сообщил, что Славкина мать на дежурстве в депо, а Славка и Манярка ждут меня под часами. Очень ждут. Я дал честное слово. А если я не успею, они уйдут на реку без меня, и никто их не найдет до самого вечера, потому что берег большой и укромных мест на нем целая тыща.

И никто не скажет им, что приехал фронтовой друг их старшего брата!

Мама смутилась.

— Действительно...— сказала она.— Извините меня. Я так перепугалась, что совсем не подумала. Конечно, надо их позвать. Только не было бы кровоизлияния...

О том, что кровоизлияния не будет, я крикнул уже из-за двери.

Ух как я мчался! Прохожие прыгали с тротуаров, чтобы я не врезался в них. И смотрели вслед. Но зря я так бежал. Ребят под часами уже не было.

И на берегу их не было.

Я прошел от пристанского спуска до водной станции и обратно. Другие, незнакомые мальчишки бултыхались в желтоватой от глины воде, другие загорали на песчаных пятачках и лужайках, прыгали и веселились на откосах среди полынных зарослей.

Мне стало так грустно, будто я в незнакомой стране оказался. Будто никогда уже не встречусь с друзьями.

Я, конечно, встречусь. Этим же вечером. Но что я им скажу? Как я оправдаюсь?

«Клямпик,— презрительно скажет Толька.— Не пустили детку из дома». И я не смогу ответить ему, как надо, и он не испугается меня, потому что у других ребят не будет ко мне сочувствия.

«А еще клизмой обзывался, — обрадованно заметит Лапин.— Сам ты...»

«Зря только ждали,— хмуро скажет Дыркнаб.— Лучше бы не трепался».

Если бы я просто пообещал... Но я же честное спартаковское дал! Они же все будут презирать меня как дезертира! Только Майка, наверно, жалостливо смотреть будет. Да еще, может быть, Южка. Нет, Южка не будет. Как он восхищенно смотрел, когда я перешиб о колено меч! А теперь я перед ним просто хвастун.

И чего мне вздумалось меч ломать? Воображала несчастный! Даже вспоминать стыдно. Зря только ногу рассадил...

Я брел вдоль воды, все еще поглядывая по сторонам и надеясь на чудо. Но чудес не бывает. Я уже понял, куда они отправились. На другой берег, на желтый мыс. Вон на тот бугор, в километре отсюда. Там у берега мелкий, самый чистый песок, а один из склонов зарос черемухой. Ягоды у нее крупные, чуть не с вишню, а из сучьев получаются отличные луки. Быпа про это недавно говорил.

При мысли о Быпе мне стало совсем грустно. Что он обо мне подумает? Наверно, отдаст обратно ремень, вот и все. Зачем ему мои подарки? Зачем ему я? Там, на мысу, ему хорошо с ребятами. Без меня...

Я догадывался, что они переправились на ту сторону в большой перевозочной лодке. А сейчас лодку разве дождешься? Она в это время уходит вниз: перевозить рабочих кожевенной фабрики. Да и за билет надо пятьдесят копеек платить, а у меня — ни гроша.

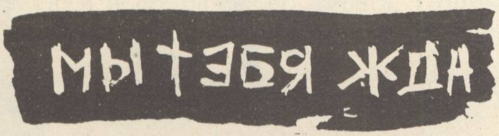
Я лениво побрел к перевозу. Причальный плот был пуст. Я грудью лег на перила с облупленным спасательным кругом и стал смотреть в воду. В желтой воде стаями ходили мальки.

Даже этим безмозглым малькам было куда лучше, чем мне: они были все вместе.

Я отвернулся.

Что это?

С другой стороны плота к перилам был прибит железный лист с правилами для пассажиров. Никто уже не мог прочитать эти правила, потому что от постоянных брызг железо стало грязно-бурым и строчки слились с ржавчиной. И вот на этом листе я увидел яркие, косо нацарапанные мелом буквы.

Я хоть где, хоть когда сразу смог бы узнать эти буквы! Это «е» наоборот и «т» крестиком! Так писала Манярка.

Не успела дописать, затащили в лодку.

«Мы тебя жда...»

Я чуть снова не пустил слезу, второй раз за этот час. От обиды и злой беспомощности. Но не пустил, потому что увидел небольшую лодку. Мальчишка в милицейской фуражке лениво греб недалеко от берега.

— Эй, перевези! — заорал я, как сумасшедший.— Ну, перевези! Эй!

Он приподнял козырек, глянул на меня, отвернулся и опять замахал веслами.

Помню, что я прокричал ему слова, которые даже Дыркнаб употреблял лишь в самых крайних случаях.

Ну, что ему стоило перевезти меня? Долго, что ли? Река обмелела к августу и стала совсем неширокой. Тот берег — вот он. Метров сто каких-то. А до плотов, которые вплотную у берега,— еще ближе.

Сто метров — это разве много?

Когда мы ходили на водную станцию завода «Механик», я проплывал там пятьдесят. Правда, рядом была кромка бассейна и ребята. Но ведь я за кромку не хватался и на помощь не звал. И даже не очень устал. Если бы захотел, мог бы еще проплыть...

«Не сходи с ума»,— сказал во мне взрослый испуганный голос.

«Не буду»,—торопливо согласился я. Потому что и сам испугался своей отчаянной мысли.

Но все-таки... Как бы это было здорово!

Я подошел бы к ним небрежной, чуть усталой походкой и сказал бы:

«Не могли уж чуть-чуть подождать...»

Они вытаращили бы глаза:

— Ты откуда? Через мост бежал?

«Через мост? Ну, конечно! Целых семь километров! И все бегом! Видите, даже вспотел, весь мокрый...». И стал бы деловито отжимать на себе трусы.

И тогда Майка сказала бы: «Плыл? Ненормальный!» — и все посмотрели бы так же, как во дворе, когда я переломил меч. А Дыркнаб для порядка проворчал бы:

«Еще раз поплывешь один — будешь иметь по шее... Сперва опаздывает, а потом в чемпионы лезет».

«Я же из-за дела опоздал. Там один человек приехал, друг вашего Виктора. Все про вас с Маняркой расспрашивал. Вот я и задержался».

И опять стало бы все хорошо!

Я понимал, что желтая речная вода словно смыла бы с меня всю горечь неудачи, все презрение друзей.

Но какой из меня пловец! Ведь месяц назад я едва держался на воде.

Я ушел с плота. Разделся. Спрятал одежду в сухой глинистой расщелине среди бурьяна. Я еще ни капельки не верил, что всерьез поплыву через реку. Но что-то меня толкало к воде.

Я вошел по колено. И вода впервые за все лето показалась холодной.

«Стой, что ты делаешь! Не надо».

«Я только попробую».

«Не валяй дурака! Сто метров — не пятьдесят! И здесь не бассейн. Здесь течение».

«Ну и что? Я же не против течения. Пусть несет. Мне бы только на тот берег»...

«Не смей! Ведь рядом нет никого. Никто не поможет».

«Ну, не буду, не буду... Я только попробую. Немножко проплыву — и обратно...»

Я зашел по горло. Ну вот: еще и не плыл, а метров семь уже позади. Я оттолкнулся и сделал несколько гребков.

«Ты куда? Ты же хотел только немножко!»

«Заткнись!»

Я ни разу не оглянулся. Боялся, что увижу свой берег слишком близко и узнаю, что мало проплыл. И боялся, что увижу его слиш-

Меня снова положили.
Манярка притащила воды.
Намочили чью-то рубашку, положили на лицо.

ком далеко и тогда совсем испугаюсь. Помню, что поверхность воды казалась мне серебристой и выпуклой, и я не видел плотов, до которых мечтал добраться.

Течение мягко несло меня. И это хорошо— ближе к мысу.

Плохо было другое: с самого начала я стал слишком рваться вперед, и скоро устали руки. А еще плохо работал распухший нос. Дышать пришлось ртом. А где-то на середине реки я хлебнул воды.

Хлебнул, закашлялся, забултыхал руками, окунулся с головой, хлебнул снова.

«Вот и все. Этого ты хотел?»

Кашель душил меня. Рывком я выскочил из воды почти по грудь, глотнул воздуха. Несколько секунд барахтался «по-собачьи», стараясь держать голову повыше. И все это время отчетливо представлял, как мое тело будет колыхаться в желтой глубине. А потом его вытащат баграми, и я не буду этого чувствовать...

Затем показалось, что подходит лодка. Значит, меня сейчас вытащат через борт, отвезут на берег, а потом дрожащего, мокрого станут расспрашивать и поведут к маме. Этого еще не хватало...

И тут я понял простую вещь: раз боюсь лодки, значит, еще не тону.

Ну, глотнул воды! Ну, устали руки! Что из этого? Ведь плыву.

И вообще не может человек утонуть, пока

не выпустит воздух из легких. Только не надо барахтаться от страха.

Я отдышался, набрал побольше воздуха, окунул голову и опустил одеревеневшие руки. Не тону. Река свободно несет меня.

Вперед!

Никакой лодки нет. И не надо. Вот если бы рядом была Каравелла...

Я представил, как у плеча движется обросший зеленью и ракушками борт, а сверху насмешливо смотрит Павлик.

«Ты что там плюхаешься? Устал?»

«Кто тебе сказал?»

«Сам вижу. Может, бросить кончик?»

«Привяжи этим кончиком свой язык! Ты вообще что-то стал зазнаваться. Думаешь, ты один капитан?»

«Ладно, ладно. Ты лучше дыши как следует, а то опять хлебнешь...»

«Не хлебну... Ты думаешь, будто я все еще такой же хлюпик? Ты в каком классе был, когда уехал? Ведь в четвертом. Ну и я сейчас в четвертый перешел. И в футбол я умею играть не хуже тебя. Да! А на мечах дерусь, наверно, даже лучше! А «Спартака» ты читал?»

«Ну, расхвастался!»

«Да я не расхвастался. Я просто...»

И тут я увидел край плота! Метрах в десяти.

Ну, еще немного. Чуть-чуть. Раз... Два...

Я вцепился в проволочный трос и целую минуту висел в воде, отдыхал. Потом выволок себя на плот, полежал на шершавых бревнах. Встал. В голове гудело, а в ушах плотными пробками сидела вода.

По бревнам я добрался до берега. Попрыгал на дрожащих ногах. Вода вышла, в ушах стало тепло, и, словно включился радиоприемник, я услышал голоса, гудки на пристани, смех на том берегу.

Вечернее теплое солнце мягко светило мне в лицо и рассыпалось искрами на мокрых ресницах. Я пошел туда, где поднимался плоский бугор желтого мыса. Солнце висело прямо над ним.

Я жмурился и поэтому не сразу увидел ребят.

Они стояли на вершине холма. Шеренгой. С длинными тонкими палками. То ли для удилищ вырезали, то ли для луков, я не разобрал. Издалека палки были похожи на копья.

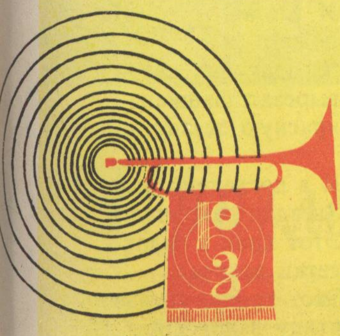
Ребята махали мне руками и кричали что-то. Или радовались, что я отыскал их, или ругали за отчаянный поступок. А может быть, и то и другое.

«Смотрите, я пришел», — хотел крикнуть я, но побоялся, что сорвется голос. Я просто помахал им в ответ и стал подниматься по отлогому склону. По сухой глинистой тропинке, теплой от солнца. Влажный запах реки смешивался с горьким и сухим запахом полыни. Ее пыльные листья ласково щекотали мои коленки.

Ребята ждали на гребне. Они уже не кричали и не махали копьями. Только Манярка все еще не опускала вскинутую руку. Короткий рукавчик сполз к плечу, и я видел на Маняркиной руке подковку...

Такими я и запомнил их, товарищей детства. Легкая шеренга на фоне светлого неба, волосы горят и золотятся от вечерних лучей. Манярка ждет с поднятой, как для салюта, рукой. А над ними — большой туманный шар солнца.

КОНЕЦ

радиостанция „Здравствуй!"

Внимание! Специальное сообщение!

Ты собираешься в Поход дружбы?!

Два месяца трудились ребята в своих школьных мастерских, лабораториях, кружках и сделали для своих друзей-октябрят из сельских школ прекрасные игротеки, наглядные пособия, самоделки для октябрятского уголка. А еще принесли из дома самые интересные книги и собрали замечательные библиотеки, и подготовили рассказы о самых полезных, самых веселых, самых удачных дружинных и отрядных делах.

Все эти подарки октябрята получат в дни осенних каникул. Пионерские дружины пошлют в сельские школы своих лучших спортсменов, художников, затейников, мастеров на все руки. Встреча с октябрятами села должна стать большим праздником, деловым, радостным и веселым.

А твоя дружина, твой отряд участвуют в Походе дружбы?
Готовы ли твои подарки друзьям-октябрятам?
Смогут ли посланцы твоей дружины провести в селе парад октябрятских звездочек, спортивные игры, трудовые десанты в колхозы и совхозы, тимуровские рейды, словом, все, что поможет октябрятам села жить интересно и весело?!
Желаем успеха твоей дружине!
Радиостанция «Здравствуй!» ждет от тебя подробных сообщений!

Мира АЛЕЧКОВИЧ

БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАНЕ

Звездан — маленькое село
о семи дворах.
Семь неярких звезд
высоко в горах.
Звездан — маленькое село...

Холмик небольшой
на краю села.
С гор несут цветы
пастухи сюда.
Слава о тебе
в мире не гремит,
Звездан...
Но в груди
у меня щемит.

Мальчик Звездан
жил
в этих вот местах.
Может быть, его
звали и не так.
Может быть, народ
так его назвал,
а потом селу
имя Звездан дал.

...Осень. Грязь дорог.
Дальний гром войны.
Этот горный край —
остров тишины.
В стороне село.
Не отыщет враг
раненых бойцов,
спрятанных в горах.

Возле родника,
у студеных вод,
в зарослях густых
скрыт в пещеру вход.
Там, внутри горы,
спрятаны бойцы.
Носят им еду
из села мальцы.
К раненым спешат
каждый день чуть свет,
смотрят, чтобы враг
не напал на след.

Нынче к ним идти
Звездана черед.
Сумку и кувшин
в руки он берет,
тайною тропой
к роднику бежит.
Там его отец
раненый лежит.

Вот и скрытый вход,
полумрак внутри.
Радуйся, отец,
на сынка смотри,
гладь ему вихры
нежною рукой:
вот, мол, у меня
вырос сын какой!
И у остальных
прояснился взгляд.
Кажется, не так
раны их болят.

И тогда один
раненый привстал,
красную звезду
из мешка достал.
Смотрит на нее,
тихо говорит:
«Я когда-то с ней
защищал Мадрид...»

Мальчик со звезды
не спускает глаз,
о былых боях
слушает рассказ.
И глаза горят
так,
что наконец
подарил звезду
Звездану боец...

Весь обратный путь
Звездан песню пел.
Не глядел вокруг —
на звезду глядел.
Не скрываясь, шел
по траве густой.
Вдруг
разбойный свист,
пьяный окрик:
«Стой!»

Это был разъезд
четников-собак.
«Мальчик без овец?
Что-то тут не так!»
Звездан сжал звезду —
пальцев не разжать,
И не чуя ног
кинулся бежать.
Добежать успел
мальчик до села...
Выстрел прогремел.
Пуля догнала.

Над его лицом
наклонился враг.
Он глаза открыл
и разжал кулак.
Звездочка горит,
не отвесть очей
от ее пяти
пламенных лучей.

И тогда
ножом
Звездану на лбу
вырезал фашист
красную звезду.

И в последний раз
Звездан закричал.
Этот крик в садах
ветки закачал.
Этот крик в гнезде
птицу всполошил.
И судьбу врагов
этот крик решил...

Звездан — маленькое село.
Много есть таких
и в моей земле
и в краях других.
Но нигде второй
могилы не найду,
где бы спал герой
со звездой во лбу!

Приглашаем всех на выставку

В самом большом зале Москвы — Центральном выставочном зале разместилась выставка «Советская Россия». К этой выставке художники готовились несколько лет. Около четырех тысяч работ прислали они из самых дальних городов нашей страны. И нам показалось обидным, что не все ребята могут посмотреть эти картины. Вот почему на страницах журнала мы открыли филиал выставки. Правда, мы не можем показать вам четыре тысячи работ и даже четыреста не сможем. На нашей выставке вы увидите всего шесть картин, познакомитесь с шестью разными художниками. Зато вы можете положить журнал перед собой, сесть поудобнее, можете близко рассмотреть каждую картину и подумать и пофантазировать немного.

Выставка «Советская Россия» была посвящена столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. И нашу экспозицию мы открываем работой **Л. КРИВИЦКОГО «Председатель Совнаркома».**

Каждый человек представляет себе Ленина по-своему. Кривицкому ближе всего оказались простота Владимира Ильича, его умение сосредоточиться, его удивительная целенаправленность.

Вы видите, только что кончилось совещание. Еще отодвинуты от стола стулья, деревянные, с округлыми спинками — такие стулья можно встретить и сейчас. Высокое окно заклеено полосками газет, но мы чувствуем, как холодно в этой комнате, как холодно должно быть человеку в накинутом на плечи пальто. Жесткий холодный свет падает от лампы, прикрытой жестяным колпаком. Остыл стакан с чаем. Ленин не замечает ничего: он погружен в работу, ушел в нее.

Теперь закройте журнал и еще раз взгляните на обложку — на обложке «Пионера» напечатана картина ленинградского художника **Ю. РЕЙНЕРА «Красная площадь».** «Красная площадь» — серия картин. Художник рисовал Красную площадь в трудные и счастливые для страны минуты: в дни ленинских субботников и потом — суровую — в военные дни, ликующую — в часы

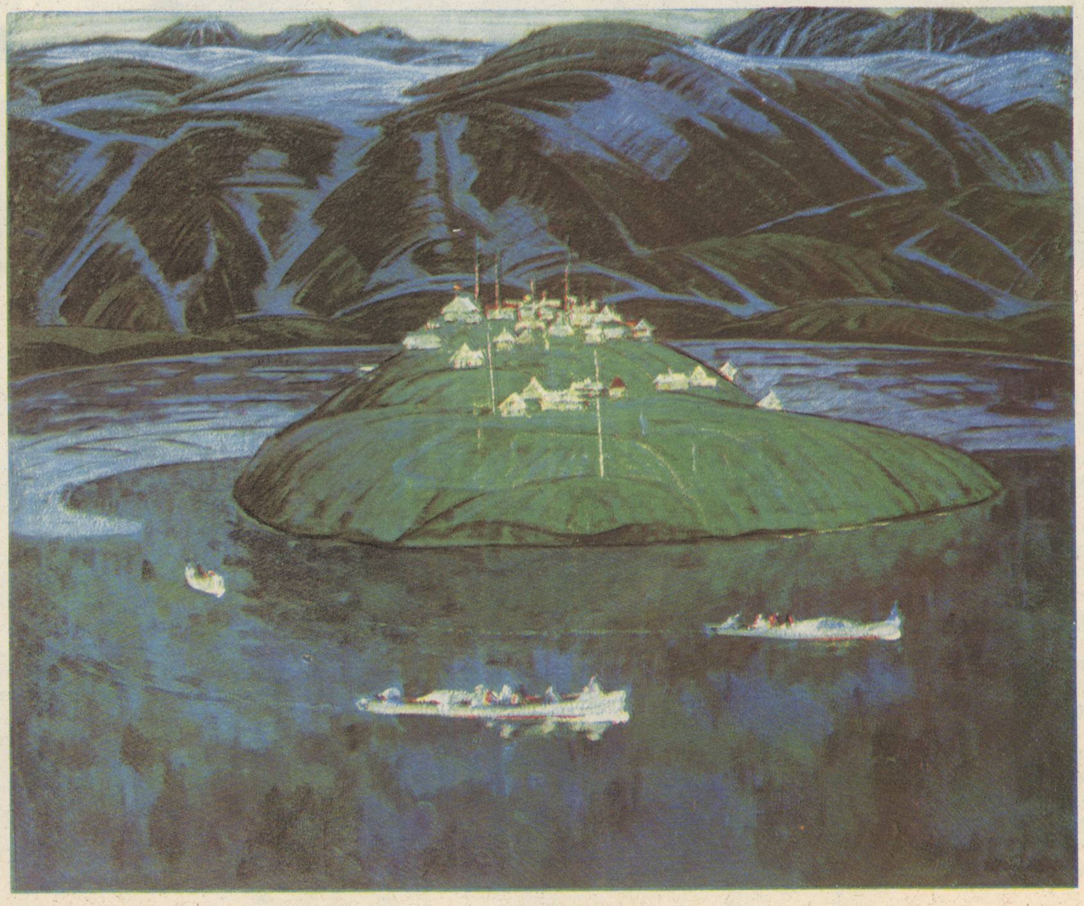
праздничных салютов. Сама история как бы промаршировала по Красной площади. Вот она, красная от знамен. Торжественно и молча тянутся к Мавзолею люди, их много, им не видно конца. И такая тишина стоит над площадью, которая громче, чем победный крик фанфар.

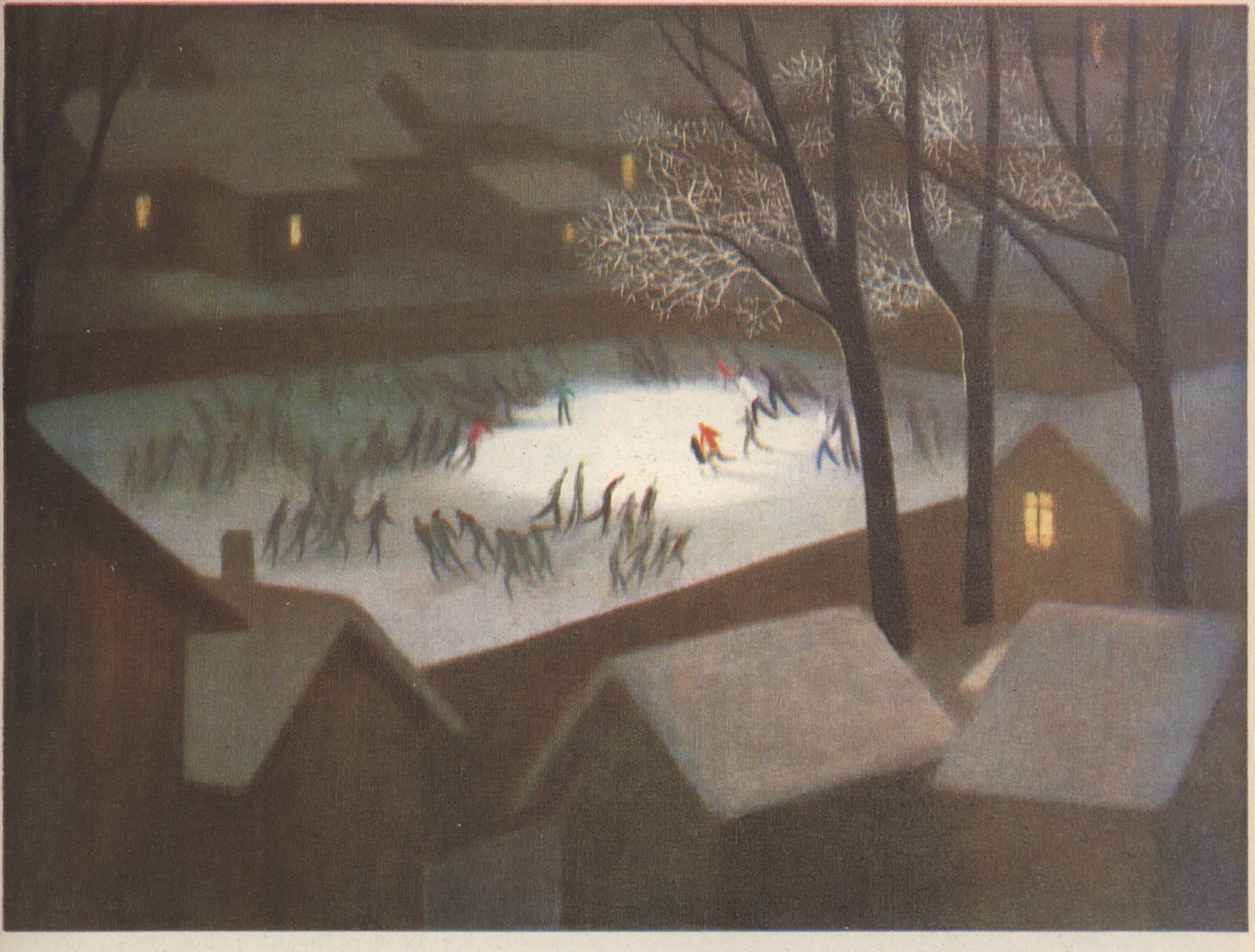
По-разному видят художники, по-разному рассказывают они о своей стране. Вот картина **Г. ФРЕНЦА «На Кольском»**. Только что выпал снег. Неожиданно, врасплох. Еще рыжи по-осеннему деревья, и готовы бежать по реке лодки, даже дома светятся теплым светом осени, но зима пришла на Кольский.

А картина владивостокского художника **К. ШЕБЕКО «Чукчи вышли в море»** похожа на звонкий веселый крик, застывший в воздухе, как пожелание удачи тем, кто в вельботе. Пожелаем и мы удачной охоты чукчам-охотникам. Верно, этим летом они впервые вышли в море.

Картина художника **М. ВАЛЛИМЯЭ** вам, наверное, понравится. Она называется **«На катке»**. И даже если вы сами ни разу не были на катке, вы почувствуете радость движения — движения конькобежцев, и музыки, летящей по кругу, движения света и тени, от которого все делается таким таинственным. И кажется, что домам, отступившим в глубину ночи, и всем, кто остался в н е ледяного радостного круга, по эту сторону забора, чуть завидно, что они в стороне и живут такой обыкновенной жизнью.

«Рабочая застава» назвал свою картину художник **В. ВИЛЬНЕР**. Как вам кажется, что напоминает это торжественное шествие? Четкими, ровными шеренгами вы-

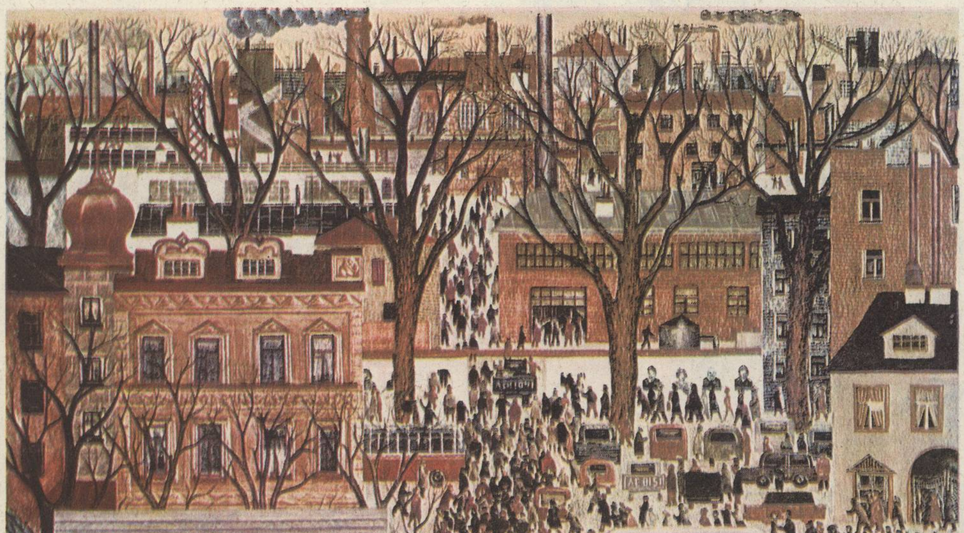

строились дома, движутся колонны автомашин, и портреты героев завода вынесены над головами людей, как транспаранты на демонстрации. Это и похоже на демонстрацию. Толпа людей течет и уносит за собой нас туда, к заводским корпусам, и остановиться невозможно. Вот что такое заводское утро.

«Рабочая застава» — только одна картина из серии, которой автор придумал хорошее название — «Дни нашей жизни».

И это все правда, дни нашей с вами жизни: заводское утро, и выход чукчей-охотников в море, и первый снег, который выпал на Кольском.

А. ШАРОВ

Кукушонок, принц с нашего двора

СКАЗКА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Кукушонок знакомится с Гномом

В маленьком городе, на окраинной улице, в доме номер десять, жили-были одиннадцать принцев и одна принцесса.

Принцы были самые обыкновенные — гоняли в футбол, иногда дрались, а иногда мирились, а вот принцесса!... Словом, принцесса была такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Звали ее Таня.

Старший принц, по имени Кешка, был лучшим форвардом дворовой футбольной команды и умел шевелить ушами. А младший принц, Сашка, которому только исполнилось одиннадцать лет, был вратарем, и ребята чаще звали его не по имени, а Кукушонком оттого, что лицо у него было все в крапинках-веснушках.

Раз вечером принцесса вышла во двор. Принцы бросили мяч и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

— Вот чего, принцесса Танька, скажи правду: кого ты из нас полюбишь, когда мы вырастем?

Принцы ждали ответа спокойно, только маленький Сашка, который ужасно любил Таню, открыл рот от волнения, шагнул к ней и смотрел не отрываясь.

— Вот еще,— фыркнула Таня, закинула русую косу за спину, посмотрела своими огромными синими глазами на ребят и сказала: — Никого я не полюблю — очень надо. А уж тебя, Кукушонок, и подавно. Закрой рот, а то воробей влетит. И айда в кино на семичасовой!

Она побежала через ворота на улицу, и принцы за ней.

Только Сашка остался стоять посреди опустевшего двора. Постоял немного и тоже побрел за ребятами. По улице мчались машины, автобусы и троллейбусы. Электрические часы на столбе, пошевелив черным усом, показали без четверти семь. Шло множество пешеходов, торопясь со службы домой. Принцессы не было видно, и принцев тоже. Совсем грустно стало Сашке. Он уже решил идти домой, когда рядом остановился маленький старичок в высокой остроконечной синей шапке с красной кисточкой и тихим голосом попросил:

— Не можете ли вы... кхе, кхе... молодой человек, перевести меня на другую сторону?

Сашка взял старичка за руку и перевел через улицу.

— Спасибо! — сказал старичок и вежливо приподнял высокую синюю шапку с красной кисточкой.

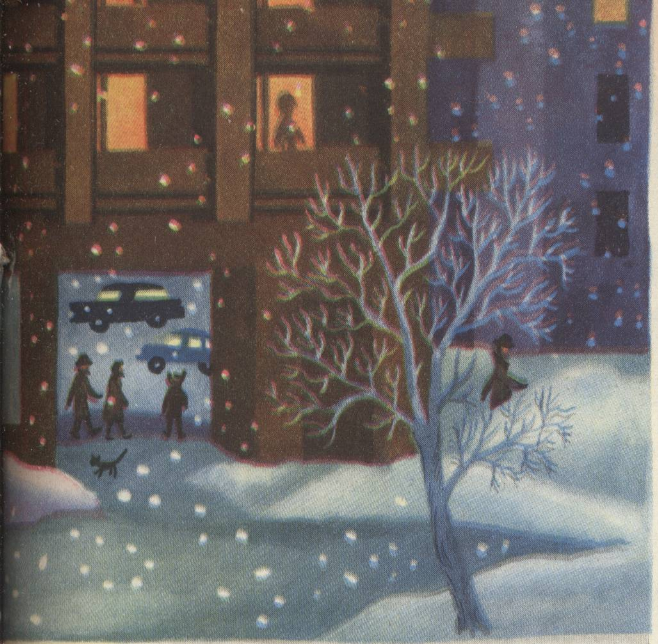
Он приподнял шапку только на одну секунду, но Сашка успел заметить, что на голове у старичка растут не волосы, а цветы — одуванчики и ромашки. И хотя Сашка знал не очень много древних старичков, все-таки он подумал, что это странно; да и зима ведь — какие зимой одуванчики и ромашки?!

Сашка не подал вида, что разглядел цветы, но старичок сам догадался, поднялся на носки, чтобы дотянуться до уха мальчика, и зашептал:

— Тут нечего удивляться, потому что я ведь не обыкновенный гном, а Гном Цветочный. Сам посуди, чему же расти на голове Цветочного Гнома? В молодые годы росли пионы и розы, а теперь... кхе, кхе... одуванчики и ромашки. Это ведь тоже не так уж плохо?..

— Нет, я ужасно люблю одуванчики и ромашки,— сказал Сашка и по лицу Гнома увидел, что тому его ответ понравился.

— Да,— сказал Гном,— одуванчики и ромашки — хорошие цветы. И я очень рад, что встретился с тобой, потому что ты воспитанный мальчик и у тебя на лице

У Цветочного Гнома

столько прекрасных веснушек, таких ярких, что они даже светятся; а веснушки — цветы весны. И я рад, что встретился с тобой сейчас, потому что сегодня у меня особенный день. Десять тысяч лет я был Цветочным Гномом, а теперь перехожу на пенсию и становлюсь Гномом-Пенсионером! Пойдем ко мне и посидим вместе: в такой вечер не очень приятно быть одному. А я сделаю для тебя свое самое последнее волшебство.

Гном жил на четвертом этаже обыкновенного шестиэтажного дома. В комнате его около двери стоял кактус, согнувшийся от старости, с длинными колючками. На полу и на подоконнике выстроились горшки с цветами: розами, гвоздиками, фиалками, астрами и всякими другими, названий которых Сашка не знал.

Между цветами, громко жужжа, летало множество пчел и шмелей. Посреди комнаты стоял стол — лист водяной лилии на зеленом стебле.

— Милости просим! — сказал Гном и повесил на одну из колючек кактуса пальто и свою синюю шапку.

Сашка тоже повесил на кактус куртку и кепку.

— Тжи-тжи! — сказал Гном — Тжи-тжи!..

Пчелы и шмели еще быстрее стали летать от цветка к цветку. Они роняли в чашки — ландышевые колокольчики капли цветочного нектара.

— Скоро мы расстанемся, мой мальчик,— сказал Гном.— Запомни: если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, скажи такие слова: «Тамбарато клутореo римбеоно» — и я появлюсь. Но я могу прийти к тебе только, если ты будешь один. И только два раза в жизни я откликнусь на твой зов.

Гном и Сашка выпили цветочный нектар за счастье всех хороших людей и всех хороших гномов.

— А теперь,— торжественно сказал Гном,— подумай хорошенько, какое волшебство ты хочешь, чтобы я сделал для тебя.

Сашке и думать было нечего: больше всего на свете он хотел, чтобы веснушки у него на лице стали невидимыми.

...Ах, наверно, Сашка слишком тихо высказал свое желание. Да еще пчелы и шмели громко жужжали,

заглушая голос мальчика. Поэтому-то и произошло ужасное несчастье, о котором будет рассказано в этой правдивой истории.

— Быть по-твоему! — воскликнул Гном и высыпал на середину стола — листа водяной лилии — зеленый порошок из зеленой коробочки. Зеленый туман, пахнущий цветами и травами, поднялся над столом и окутал все, что было в комнате. Из дымки парами стали появляться цветы: пион с бледной желтой розой, тюльпан с астрой, важный львиный зев с маргариткой.

И почему-то Сашка совсем не удивился: как это цветы ходят, словно человечки, мягко ступая крошечными ногами.

Лица цветов были печальные. Они выходили из зеленого тумана и, коснувшись руками мальчика, повторяли одно и то же:

— Что же теперь с тобой будет?!

И, сказав это, снова скрывались.

А потом зеленый туман рассеялся, и Сашка увидел, что он снова стоит у ворот своего дома, под ярким уличным фонарем, там, где Гном попросил перевести его через улицу. Только автобусов, автомобилей и пешеходов к вечеру стало гораздо меньше.

Сашка подумал, что, может быть, вся история с Цветочным Гномом приснилась ему да и сейчас он спит, и быстро проговорил стишок, по которому Таня узнавала, снится ли это или происходит на самом деле:

Кит по улице бежит,
Прямо к солнцу слон летит.
Я гляжу и удивляюсь
И, конечно, просыпаюсь.

Сашка проговорил Танин стишок, как можно шире открыл глаза и понял: нет, он не спит.

Часы показывали без десяти девять, значит, подумал он, Кешка и другие принцы и принцесса вот-вот вернутся с семичасового сеанса.

Он обрадовался и решил, что расскажет обо всем ребятам — вот удивятся-то.

Сашка понимает, что произошло

Только он успел это решить, в конце улицы показались принцесса и принцы. На ходу они переговаривались веселыми голосами, значит, картина была хорошая.

Принцы подбежали и остановились на своем любимом месте у часов. Принцесса стояла так близко от Сашки, что могла бы погладить его по голове, как она иногда делала.

— И куда это Кукушонок подевался? — невесело проговорила принцесса.

Она смотрела огромными синими глазами вперед, но почему-то не видела Сашку.

— Ой, ребята! — воскликнула она.— Смотрите, какие красивые желтые искорки. Вон, около часов!

Принцесса сказала это и побежала к воротам; и принцы — за ней.

Только Сашка не двинулся с места. Он зажмурился, протянул вперед руку, а потом стал медленно открывать глаза. И когда он совсем открыл их, то увидел... В том-то и дело, что он ничего не увидел. Он снял варежку, но и без варежки рука не стала видимой.

Теперь Сашка понял, что с ним произошло. Старичок Гном не расслышал и превратил в невидимку его, а веснушки оставил видимыми.

Кукушонок бежал домой и думал: «Но мама-то меня увидит!»

На звонок мама открыла сразу: время было позднее.

— Опять ребята балуются,— негромко сказала она и закрыла дверь; Сашка под ее рукой проскользнул в квартиру.

Мама позвонила по телефону Тане, спросила: «Ты Сашку моего не видала?» — и медленно опустила трубку.

— Боже мой! Боже мой! Где же он пропадает? — прошептала она.

— Я здесь! — сказал Сашка.

— Не смей играть со мной в прятки. Я и так переволновалась.

Но Сашка и не думал играть в прятки.

— Где же ты? — уже сердито окликнула мама.

Тогда Сашка рассказал, что с ним произошло.

— Глупый, скверный Гном! — воскликнула мама и заплакала.— Сколько раз я предупреждала: не смей говорить с незнакомыми! Какой злой Гном!

— Нет,— сказал Сашка.— Гном добрый, просто он не расслышал.

— Веснушки видны,— сквозь слезы сказала мама.— Они даже светятся. Одни только веснушки... И что скажет Мария Петровна! У тебя ведь и так четверка по поведению. И как ты будешь играть Зайца в новогоднем спектакле? А я такой хороший костюм хотела сшить из бабушкиной заячьей горжетки и старой муфты.

Мама пошарила в воздухе и посадила сына себе на колени.

— Я выпью бутылку чернил,— сказал Сашка.

— Выдумал! Доктор Феликс Феликсович говорит, что чернила ужасно вредные. Я тебе никогда не позволю...

— Тогда я вымажусь черной... нет, лучше желтой ваксой. И ты меня натрешь щеткой.

— Нет! Нет! — сказала мама. Она выбежала на кухню и скоро вернулась с чашкой гоголя-моголя и бутылкой с рыбьим жиром.— Это обязательно поможет. Феликс Феликсович говорит, что это всегда помогает.

Сашка терпеть не мог гоголь-моголь, но съел все, что было в чашке, и, взглянув на маму, умоляюще спросил:

— Немножко видно? Чуточку?

— Иди спать,— сказала мама, даже забыв о рыбьем жире. — Иди спать. Помнишь, когда мы выиграли аккордеон и когда ты получил по арифметике четверку с плюсом — у меня было предчувствие. И сейчас у меня предчувствие, что завтра мы проснемся, и все будет... ну, как всегда!..

Она подождала, пока Сашка разденется, подоткнула одеяло, наугад поцеловала сына и вышла из Сашкиной комнаты.

Гном гадает по ромашке

— Тамбарато клуторео римбеоно! — прошептал Сашка, как только остался один.

Гном сразу появился.

Он снял шапку, аккуратно расчесал гребенкой ромашки и одуванчики и подошел к Сашиной постели.

Лицо у Гнома было очень довольное.

— Здорово получилось,— сказал он, наклонив голову, маленькой сморщенной ладонью погладил Сашку по лицу и удивленно воскликнул:— Да ты плачешь? Почему? Ах, вот в чем дело, я, старый дурак, ослышался. Но это же так прекрасно — быть невидимкой! Кино?! Кхе, кхе — на любой сеанс, все равно, можно до шестнадцати лет или нельзя. Футбол?! На любую трибуну! В трамвай?! Милости просим без билета. Хоть в космический корабль...

Саша всхлипывал.

— Пусть, пусть хоть мама меня видит. И пусть меня видит Таня. И Мария Петровна, если я приготовил уроки...

— Да, да...— печально сказал Гном, в глубокой задумчивости шагая из угла в угол.— В сущности, у гномов все, как у людей. Думаешь сделать самым прекрасным образом, а получается хуже некуда. Конечно, неделю назад или даже вчера я бы тебя в два счета расколдовал. Но теперь я на пенсии. А гномам-пенсионерам нечего и думать о волшебстве.

Гном поднял голову и огляделся. На стене висел солдатский вещмешок.

— Хм...— пробормотал Гном.— А если попробовать все-таки?... Чей это мешок?

— Дедушкин! — сквозь слезы выговорил Сашка.— Он с ним уходил на фронт и с ним вернулся домой в сорок пятом.

— Прекрасно,— сказал Гном.— Солдатский мешок счастливый, раз солдат вернулся с войны... А если не выйдет?.. Так ведь другого не придумаешь! Погадать?! Хотя я не очень верю во всякие суеверия... Ну, а вдруг!..

Гном сорвал с головы самую большую ромашку и стал отрывать лепесток за лепестком, приговаривая: «получится», «заблудится», «с дороги собьется», «домой вернется»...

Лепестки падали на пол.

— «Страшной смертью умрет»,— бормотал Гном,— «счастье найдет», «получится», «заблудится», «с дороги собьется», «домой вернется», «страшной смертью умрет»...

Последний лепесток оставался на ромашке. Только странный какой-то. Вроде бы и лепесток, но очень маленький, и кривой, и чуть синеватый.

Гном протянул было руку к этому лепестку, но не тронул его и тихонько проговорил:

— Принц Звездочка — теперь я буду звать тебя так. Есть одно-единственное средство расколдовать тебя. Но средство это трудное и опасное!..

— Я ничего не боюсь! — сказал Сашка, хотя он многого боялся: темноты, диктантов, Марии Петровны, когда она сердитая, Кешки, когда тот с мячом несся к Сашкиным воротам.— Я ничего не боюсь! — твердо повторил Сашка.

— Это великолепно, что ты ничего не боишься! — воскликнул Гном и от радости захлопал в ладоши.— Мое средство по плечу только самому храброму. Вставай! Одевайся потеплее — шубу, валенки, шапку-ушанку. Вещмешок за спину! Вот так. Ну, посидим перед дорогой. На всякий случай запомни: последнюю неделю перед Новым годом и в первый новогодний день все звери понимают людей, а люди — зверей. Может быть, тебе это пригодится... А теперь — самое главное. Когда встретишь веснушчатого человека, скажи про себя: «Веснушка, веснушка! С носа слезай, в мешок полезай!» А как наберется полный мешок веснушек, возвращайся домой, позови меня, и я тебя в два счета расколдую.

Не очень приятно в декабрьский мороз — а всего-то одна неделя оставалась до Нового года — да еще глухой ночью уходить из теплой комнаты в неведомый путь. Но что поделаешь, если иначе нельзя.

— Согласен? — еще раз спросил Гном.

— Согласен,— ответил Сашка.

Как только Гном услышал это, он ухватился за кривенький, синеватый лепесток — последний у ромашки, сказал:

— Маленький ты маленький, но маленькие чаще всего и говорят правду,— и оторвал лепесток.

Едва только он оторвал его, лепесток превратился в белую птицу с синими крыльями, как у зимородка. Птица стрелой взвилась в воздух и звонким голосом пропела: «Счастье найдет!»

Сразу исчез потолок, тонкая стенка, за которой спала, горько всхлипывая во сне, Сашина мама. Исчезли Гном, весь дом № 10.

Кругом шумел дремучий бор. Ярко освещенные луной, стояли высокие ели. Кутаясь в снежные шубы и потрескивая от мороза, они пели:

Не бойтесь, ели, холода,
Не бойтесь, зайцы, голода
И люди — колдунов.
Не бойтесь странных снов!
Не бойтесь страшных слов!
Дорожка вьется, вьется,

Бежит, бежит, несется
С бедой вперегонки.
Спеши и ты, не мешкая,
Как белка за орешками,
Как птица за весной,
Ты — за своей судьбой!

Сашка прислушался к песне и побежал в глубь леса.

Сашка знакомится с Зайцем, варит с ним суп и говорит о жизни

Невесело было на душе у Сашки. А тут еще мимо пробежал Заяц и изо всех сил крикнул:

— Спасите!

Сашка посмотрел и видит два зеленых огня. Он вначале подумал: «Машина с зелеными фарами». Вгляделся, а это волк. Сашка едва успел юркнуть за сосну; волк прыгнул и опустился совсем рядом. Потом снова сжался для прыжка, взвился в воздух, и еще б секунда — конец Косому.

Сашке так страшно стало за Зайца, что он, забыв об опасности, закричал:

— Стрелять буду!

От человеческого голоса волк шарахнулся в чащу. Глядит из-за стволов зелеными глазами, думает: «Голос человеческий, но тоненький. Да и какой охотник станет предупреждать волка?! Взял да и пристрелил. Нет, это не охотник, а мальчишка заблудился. Заяц убежал, не догонишь. Хорошо бы хоть человечинкой закусить. В мороз ложиться натощак — самое вредное дело». Подумал все это волк, вышел на дорожку и сказал сладким голосом:

— Ты чего испугался? Я с Косым в прятки играл. Теперь, если хочешь, с тобой поиграем, погреемся. Я ведь хорошо вижу — вон ты где, в-о-о-н!..

Очень хотелось Сашке сказать волку: «Старый, а врешь! Ничего ты не видишь, потому что я невидимка». Но он удержался и тихонько, на носках, пошел прочь.

А потом побежал что есть духу.

И все ему казалось: кто-то дышит близко, за спиной — догоняет.

Бежал Сашка, бежал, чувствует, нет больше сил, и остановился — будь, что будет...

— А я думал, ты волк! — сказал Сашка, обернувшись и увидев Косого.

— Какой я волк, если я Заяц. Волк давно спит. А мне не захотелось тебя одного в лесу оставлять. Мало ли чего...

— Как ты меня нашел? — спросил Сашка.

— По следам,— ответил Заяц.— Следы, а над ними искорки золотые.

— Есть хочется, и холодно,— пожаловался Сашка.

— Беда невелика.

Заяц убежал и скоро вернулся. Идет на задних лапах, а в передних у него морковка, три картошки и петрушка. Заяц бросил все это на снег и говорит:

— Давай супчику горячего сварим! Посмотри, что у тебя там, в мешке. В солдатских мешках много чего бывает.

Сашка вытряхнул мешок, и на снег вывалились соль в тряпочке, коробок спичек, завернутый в клеенку, закопченный котелок и две ложки.

Наломали Заяц с Сашкой хворосту, сидят у огня, варят суп в котелке и разговаривают.

— Дедушка у тебя живой? — спрашивает Заяц.

— Его с войны раненого привезли... Он через год умер... А у тебя дедушка живой?

— Охотники убили.

Понравился Сашке Заяц, он и рассказал, что с ним приключилось.

— Не знаю, что и посоветовать,— ответил Заяц.— Если бы тебе шишки были нужны или желуди, а то — веснушки. Где их найдешь в лесу — веснушки?! Веснушчатых волков я не встречал, и лисиц, и медведей веснушчатых тоже не встречал. Дедушка, когда живой был, рассказывал, будто есть такие звери с длинной шеей — выше сосны, так у них по всей шкуре вроде веснушек, и кошки есть больше человека, тоже вся шкура в веснушках.

— Это он о жирафах и леопардах,— догадался Сашка.— Есть-то они есть, но за морем, в Африке.

— И еще дедушка рассказывал, что где-то недалеко тут царство-государство, называется — Золотое; может, там... только очень оно страшное.

— Чем же страшное? — спросил Сашка.

— Дедушка рассказывал, окружено Золотое царство золотой оградой. А за оградой золотой дворец. И там на золотом троне Царь Колдун. Приведут тебя к Царю Колдуну, и он задаст один-единственный вопрос, а какой — никому неизвестно. Ответишь как нужно, скажи три, каких хочешь, желания, Колдун выполнит. А не ответишь — отрубят голову.

Сказал это Заяц, положил соли в суп и заплакал.

— Чего плачешь? — спросил Сашка.

— Жалко мне тебя,— ответил Заяц.

— Не жалей прежде времени. Я иногда очень хорошо отвечаю на вопросы. Раз на контрольной по арифметике четыре с плюсом у Марии Петровны получил; а она, знаешь, какая строгая!

— Строгая-то строгая, да ведь голов не рубит?

— Нет, голов она не рубит,— ответил Сашка и спросил: — Плохо зайцам живется?

— Вроде бы ничего, только все дразнятся.

— Как? — спросил Сашка.

— И «Косой» и «что это такое — кругом шуба, внутри жаркое?»

— Ну, это и меня дразнят — и «конопатый» и «Кукушонок», по-всякому...

— И обижают очень волки, лисы... — вздохнул Заяц.— От волка надо так бежать — «вздвойкой» называется — в одну сторону бежишь, а после по своему следу — обратно. Или «петлей»; или «скидку» делаешь — бежишь, бежишь, а потом к-а-а-к прыгнешь в сторону, сколько сил хватит—волк и собьется со следу. От лисы по-другому, от охотника тоже надо уметь улизнуть... Пока научишься...

— И людям не очень легко учиться,— сказал Сашка.— А тебя б на человека можно выучить. Ну, на отличника — не знаю, а на троечника, как я... Хочешь?

— Да нет, я заячью капусту люблю.

— И человеческая капуста есть!

— Есть-то есть, да я у мамы один. Она меня «мой Зайчушка» зовет. Как бы она меня стала называть, если бы я человеком заделался?

— Не знаю,— подумав, сказал Сашка.

— То-то и оно. Нет, я как был Зайцем—«комочек пуха, длинное ухо, прыгает ловко, любит морковку»,— так и останусь.

За разговором незаметно суп поспел. Поели Сашка с Зайцем, подложили хворосту в огонь, прижались друг к другу, чтобы было теплее, и уснули.

Проснувшись, Сашка решил, что обязательно пойдет в Золотое царство: веснушки ведь тоже золотые, там их должно быть видимо-невидимо.

Поднялись они с Зайцем, как только рассвело, позавтракали — и в путь.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

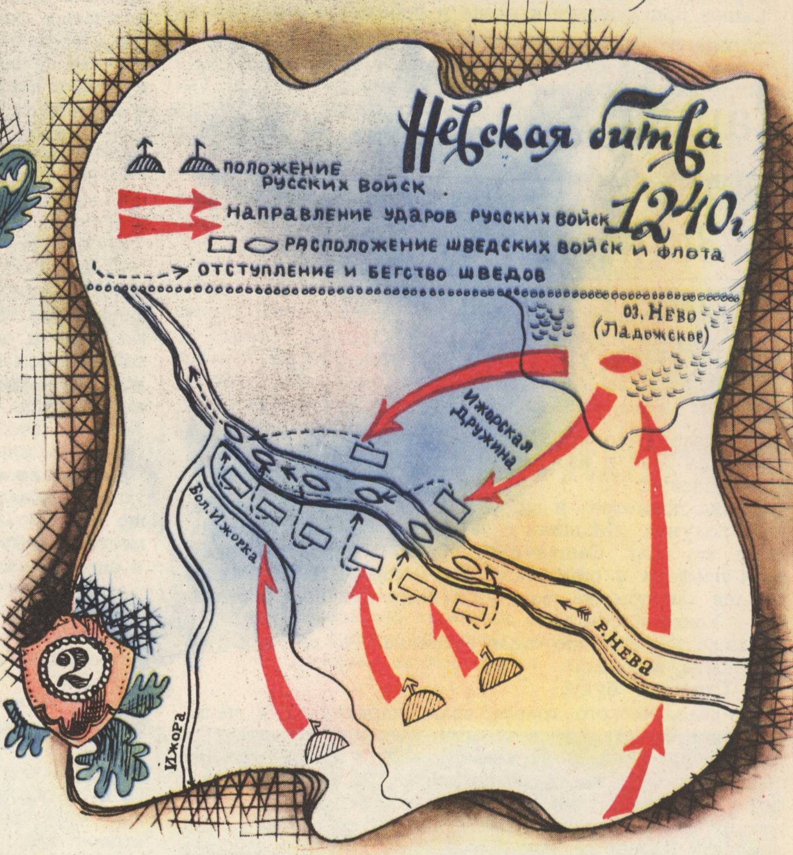
„ПОБЕЖДАТЬ НЕ

Военно-исторический конкурс

I. На гербе Александра Васильевича Суворова изображена рельефная карта Италии, буква «К» с алмазным пером, река Рымник и туча, из которой бьет молния в опрокинутый полумесяц.

ПОЧЕМУ ЭТИ СИМВОЛЫ УКРАСИЛИ ГЕРБ ПОЛКОВОДЦА?

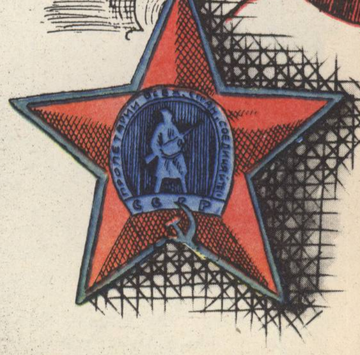
II. В нашей стране дважды учреждался военный орден, названный именем знаменитого полководца. Первый раз Петром I, второй — в 1942 году по указу Советского правительства. В статуте советского ордена говорится, что им награждаются командиры за выбор «удачного места для внезапного и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск».

КАКОЙ ЭТО ОРДЕН? В КАКОЙ БИТВЕ ПОЛКОВОДЕЦ, ПОТЕРЯВ ДВАДЦАТЬ СВОИХ ВОИНОВ, РАЗБИЛ ЦЕЛОЕ ВОЙСКО НЕПРИЯТЕЛЯ?

III. Боевые ордена Красного Знамени и Красной Звезды были первыми в Советской стране. Ордена за труд учреждались позже, когда были разбиты враги молодой республики и началось на нашей земле большое строительство. Орден Красного Знамени № 1 и орден Красной Звезды № 1 получил знаменитый полководец Красной Армии.

КТО ОН? КАКИМИ ПОБЕДАМИ ПРОСЛАВИЛСЯ?

ЧИСЛОМ, А УМЕНЬЕМ"

(из заветов генералиссимуса Суворова)

IV. 17 августа 1944 года по улицам Москвы под конвоем прошли 60 тысяч пленных гитлеровцев. Советские воины пленили их в сражениях наступательной операции, которая называлась «Багратион».

ГДЕ ПРОХОДИЛА ЭТА ОПЕРАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ? ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О ГЕРОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ПЕТРЕ ИВАНОВИЧЕ БАГРАТИОНЕ, ПО ИМЕНИ КОТОРОГО НАЗВАНА ЭТА ОПЕРАЦИЯ?

V. Ночное небо над Москвой 5 августа 1943 года осветилось разноцветными огнями. Это был первый салют — в честь воинов, освободивших от врага Орел и Белгород. Закончилась Курская битва.

Битва эта началась наступлением фашистских армий, а завершилась победным контрнаступлением советских войск.

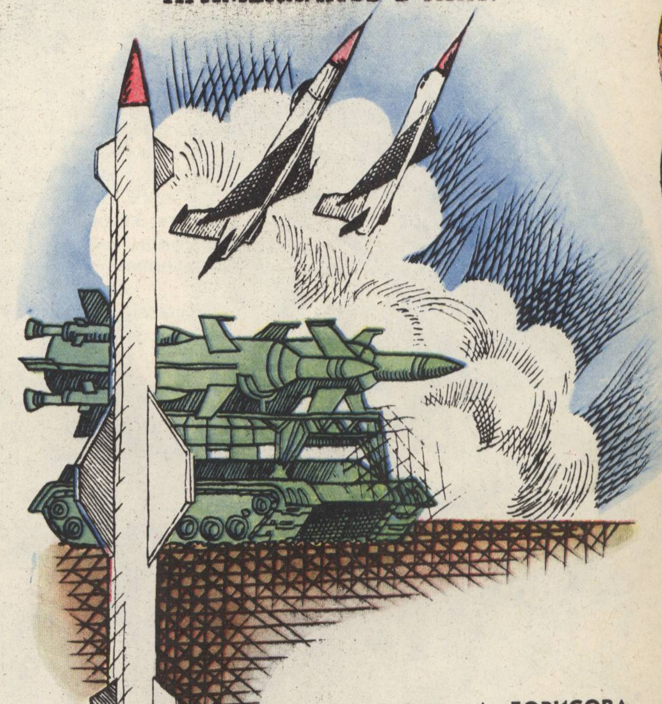
ПОЧЕМУ ФАШИСТСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЫБРАЛО ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ РАЙОН КУРСКА? КАКОЙ ВОЕННЫЙ ПЛАН ПРОТИВОПОСТАВИЛИ НАШИ МАРШАЛЫ ВОЕННОМУ ПЛАНУ ПРОТИВНИКА? ПОЧЕМУ ФАШИСТЫ, ЕЩЕ НЕ НАЧАВ НАСТУПЛЕНИЯ, ПОНЕСЛИ ОГРОМНЫЕ ПОТЕРИ?

VI. В наши дни на защите мира стоит боевой союз армий стран Варшавского договора.

ВОЙСКА КАКИХ СТРАН ВХОДЯТ В ЭТОТ СОЮЗ? КТО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ОБЪЕДИНЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ?

VII. Советский народ гордится своей армией. У нее самое мощное, самое совершенное оружие. Наши солдаты и командиры постоянно совершенствуют свое мастерство.

КАКИЕ УЧЕНИЯ НАШЕЙ АРМИИ И ФЛОТА ТЫ ЗНАЕШЬ? КАКОЕ ОРУЖИЕ, КАКИЕ БОЕВЫЕ МАШИНЫ ПРИМЕНЯЛИСЬ В НИХ?

Рисунки А. БОРИСОВА.

Итак, наш конкурс объявлен. Отправляйтесь в библиотеки, разыскивайте нужные книги, ройтесь в справочниках, спрашивайте у взрослых. В вашем распоряжении три месяца: письмо с ответом должно быть отправлено не позже 1 февраля. Конечно, мы ждем от вас не только ответов, но и рисунков, карт, схем. Наиболее полные и правильные ответы с интересными рисунками и схемами сражений будут премироваться. Премия — пока секрет...

Юрьевская прорубь

Ю. ВРОНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

То, о чем я собираюсь рассказать, произошло в 1471—1472 годах в Юрьеве Ливонском, или Дерпте, как его еще называли. Теперь это город Тарту. С незапамятных времен здесь жили эсты, нынешние эстонцы. Русские звали их чудинами, оттого и озеро, раскинувшееся на границе эстонских и русских земель, называется Чудским.

В центре Тарту возвышаются два холма. На одном из них видны развалины древней Домской церкви, холм этот называют Домской горой. Другой холм пуст. Много веков назад на нем росла священная дубрава бога Таара, в которого веровали предки эстонцев. В роще находился жертвенный камень, посвященный богу песни Ванемуйне. Камень этот, круглый, с двумя углублениями, и теперь можно увидеть в парке, что на Домской горе.

В 1030 году сюда пришел с войском великий русский князь Ярослав по прозвищу Мудрый. На холме, где была священная роща, он построил крепость и назвал ее Юрьевом. Минуло без мала двести лет, и в 1224 году явились немецкие рыцари-крестоносцы с силой несметной и осадили город. В Юрьеве в то время княжил доблестный Вячко. Храбро бился он с пришельцами. В войске его было двести русских, остальные чудины. Но держались они друг за друга, как братья. Рыцари предложили Вячке с русскими воинами выйти из города и спасти свою жизнь. Однако русские гордо отказались, рассудив, что лучше им погибнуть вместе с чудскими братьями, нежели спастись одним. Когда рыцари наконец ворвались в крепость, они перебили русских воинов, лишь одного пощадили, суздальца, посадили его на коня и велели скакать на Русь — поведать о случившемся.

На месте разрушенной крепости был построен замок епископа, ставшего властителем этого края. Из Германии начали прибывать любители легкой наживы, которые селились у подножия холмов, под защитой рыцарей епископа и мощных городских стен. Так Юрьев превратился в немецкий Дерпт.

Но в городе была слобода, населенная русскими. Называлась она Русский конец. Жители слободы никогда не порывали связи с остальной русской землей и считали ее своей истинной родиной.

Глава первая

В доме Трясоголова

Лето близилось к концу, однако дни стояли знойные, не хуже, чем в июне. Жара проникла даже в толстостенный каменный дом немецкого купца Георга Фекингузена, где всегда бывало сумрачно и прохладно. Давно уже не топили никаких печей, кроме кухонного очага, но обитатели дома изнывали. От духоты кружилась голова, а окон не отворяли, чтоб не налетели мухи. Мух меж тем было видимо-невидимо, они роились над столом, падали в тарелку, непременно сразу по две, а иные с нескончаемым жужжанием бились на окнах, навевая дремоту.

После обеда все разбрелись кто куда: кто вниз, в лавку, кто наверх, в спальни. Старый купец отправился вздремнуть в самое прохладное место — в подвал, где помещался склад товаров. В столовой остался только Ма́ртин, внук купца. Дедушка, как обычно, усадил его после обеда за священное писание, ибо считал, что нет ничего полезнее, нежели чтение этой книги.

Положив на стол огромную толстую библию с позолоченными застежками, Мартин раскрыл ее в том месте, где лежала узорчатая закладка. Читал он стоя, ибо сидя он утыкался в книгу носом. Дедушка велел Мартину выучить наизусть псалом.

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых...»

Мартин поймал муху, задумчиво оторвал ей голову, потом тяжело вздохнул и снова углубился в чтение.

«И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод...»

Мальчику померещился шелест листьев, и он с тоской поглядел в окно, на небо, пылавшее, как бледно-голубое пламя. На замшелой черепичной крыше дома напротив суетились дикие голуби. И Мартин подумал о том, что на свете есть Русский конец, Николкина голубятня, река, луг, а он должен сидеть в этом мрачном доме и читать непонятную бесконечную книгу.

Еще недавно Мартин и Николка даже не знали друг о друге. Мартин родился и вырос в знаменитом торговом городе Любеке, а сюда, в Дерпт, приехал лишь в этом году. Здесь все не так, как в Любеке. Дом дедушки, у которого он живет, гораздо богаче, чем их любекский дом. Зато здесь тоскливо.

Родителей у Мартина нет. Отец в прошлом году утонул с кораблем, шедшим из Нарвы. Мартин знал, что еще до его рождения отец поссорился с дедушкой и уехал в Любек. Там он служил у богатого купца. Отец и погиб, везя его товары. Мать стала чахнуть, лицо ее пожелтело, у глаз появились темные коричневые круги. Когда она перестала вставать, их кормили добрые люди. В последние дни мать тихо плакала, глядя на Мартина, и говорила, как это хорошо, что она умирает,— дедушка позаботится о внуке, а она была бы помехой. Умерла она за день до письма, в котором дедушка писал, что забирает внука к себе, а мать Мартина пусть делает, что ей угодно.

Мартин слышал от кого-то, что дедушка не разрешал сыну жениться на матери Мартина, потому что она «не немка» — так называли ливонские немцы местных жителей.

Дедушка был одним из городских старейшин и происходил из старинного купеческого рода Фекингузенов, но за глаза его обычно называли Трясоголовом. Прозвище это он получил лет десять назад. С того дня, как он выгнал из дому непокорного сына, у него стала трястись голова, и никакой лекарь уже не смог его от этого избавить.

Сперва у Мартина в Дерпте не было друзей. Немецкие мальчишки, жившие в той же части города, что и он, не желали иметь с ним дела, потому что его мать эстонка. Они кидались в него гнилой брюквой и выкрикивали оскорбления. Раз Мартин слышал, как один из мальчишек сказал:

— Перестань! Если он пожалуется Трясоголову, с нас шкуру спустят.

Действительно, пожалуйся Мартин дедушке — мальчишек взгрели бы. Но дедушки он боялся еще больше, чем мальчишек. И они, словно чувствуя это, становились раз от разу наглее. Они тоже были сыновья и внуки бюргеров — купцов или богатых ремесленников. А несколько мальчишек презирали остальных, потому что перед их фамилиями стояло словечко «фон». Это словечко означало, что они дворянского происхождения. Както раз один из этих «фонов» оседлал Мартина, обхватив его руками за шею, и стал погонять его, будто сидит на лошади:

— Но, поехала, кляча несчастная!

Послышались крики:

— Отпусти его! Он задохнется!

— Ничего ему не сделается! А сдохнет — невелик убыток!

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы один из мальчишек не подставил Мартину ножку. Мартин упал, но с ним упал и его мучитель, расквасив при этом нос. Брызгая кровью и задыхаясь от ярости, он бросился на того, кто подставил ножку. Мартин тем временем вскочил и пустился наутек.

А как-то один из мальчишек, остановив его на улице, стал забавляться, давая ему пощечины — то правой рукой, то левой. Бил он несильно, но Мартин не стерпел унижения и дал ему в ухо. Тогда остальные кинулись на Мартина. В этот раз робкий Мартин так рассвирепел, что успел сильно двинуть двоих или троих, прежде чем его сбили с ног.

Мартин возненавидел ту часть города, в которой жил, и уходил бродить туда, где его никто не знал. Но и вдали от дома он встретил своих мучителей. Увидев мальчишек издалека, он быстро зашагал прочь, полагая, что его не заметили. Но вот мимо него пролетел камень, следом еще один и еще. Мартин побежал. За ним с гиканьем и свистом помчались мальчишки. Скоро Мартин оказался в незнакомом месте, непохожем на остальной город. Он увидел обширное бревенчатое строение без окон и дверей, Русский торговый двор, как он узнал впоследствии, и побежал вокруг него, надеясь обмануть преследователей. Но они угадали его намерение. Когда он выскочил с другой стороны, собираясь бежать обратно, он наткнулся на троих мальчишек, они захохотали отвратительным, глумливым хохотом. Мартин оглянулся кругом, как загнанный звереныш. Бежать было некуда. Впереди эти трое, сзади приближается топот остальных. Возле единственного проулка, в который можно было бы юркнуть, стоит мальчишка с луком и стрелой. И в Мартине вдруг вспыхнула такая злоба, какой он еще не испытывал. Он бросился вперед к троим хохочущим и с разбегу ударил самого большого. Тот упал. Вместо того чтобы задать тягу, пока враги в замешательстве, Мартин неожиданно для себя ударил другого, потом третьего. Тем временем подоспели остальные. Мартин оказался у стены. Ему разбили губу, и он чувствовал во рту неприятный вкус крови. Но это было уже неважно. Мартин сделал открытие. Оказывается, если стоять спиной к стене, можно держаться одному против нескольких. И как только рядом появлялась одна из этих ненавистных рож, он бил по ней кулаком.

Накануне того дня Николка изготовил себе лук из вересины, что сохла у него на голубятне. Все было как следует. На тетиву Николка украл у отца воловьей жилы. Берестяной колчан наполняли длинные оперенные стрелы. Наконечников Николка на стрелы не надевал — просто обжег на огне для пущей крепости заостренные концы. Наутро он пошел к торговому двору охотиться на ворон. Здесь он увидел, как несколько немецких мальчишек напали на одного и как этот один вступил в бой со всей оравой. Николку всегда подмывало вмешаться, если он видел, как несколько нападают на одного, а тут он был к тому же взволнован отчаянной храбростью незнакомца.

Николка натянул лук, и стрела, предназначенная для вороны, полетела в толпу дерущихся. Раздался вопль. Стрела отскочила от ягодицы одного из мальчишек и упала в пыль. Следующему пришлось хуже. Когда он побежал, вопя чуть не на весь Юрьев, стрела болталась у него в спине. Николка выстрелил в третий раз. Снова послышался крик, и орава бросилась наутек.

— Ты чей? — спросил Николка. Мартин ответил, что не понимает. Николка заговорил с ним по-немецки — он вырос в Юрьеве и знал немецкий язык. Так они познакомились.

Пострадавшие бюргерские сынки пожаловались родителям. Те потребовали от Николкиного отца, серебряника Варфоломея Платонова, чтобы стрелок был наказан. Отец сломал Николкин лук, отмочил в ушате пучок розог и выпорол Николку так, что он неделю не мог сидеть. При этом отец внушал, что никогда не следует встревать не в свое дело. Для Мартина этот случай имел более счастливый исход: преследователи наконец оставили его в покое.

Приходя к Николке, он приносил сахар — невиданную в семье Платоновых роскошь. Ему хотелось чем-нибудь скрасить жизнь друга, с которым так жестоко обошлись. Впрочем, скоро он убедился, сколь мало огорчило Николку наказание. На отца он не обижался. Чего ж обижаться, коли встрял не в свое дело! Николка после порки преспокойно лежал на животе, грыз кусок сахару и рассказывал сказки и разные смешные или страшные случаи.

Мартин отвернулся от окна и попытался читать библию дальше:

«Не так нечестивые; они — как прах, возметаемый ветром...»

Тут ему вспомнилось, как перед грозой ветер подхватывает дорожную пыль, завивает ее белым столбом и быстро-быстро гонит по дороге, а потом — раз! — и пыльный столб исчез, как будто ничего и не было. Мартину до смерти захотелось свободы. Дедушка говорит, что свобода — это мешок, набитый золотом. У Мартина о ней свое представление. Свобода — это ветер, облака, птицы... И дорожная пыль... И пойти в Русский конец к Николке — тоже свобода. Конечно, чем дольше он там, тем сильнее страх розги, но свобода от этого кажется только слаще!

Поглядев еще раз в окно, Мартин закрыл книгу, подошел к двери и прислушался. Скрипучие деревянные ступени молчали. Мартин подошел к огромному темному буфету. Ему показалось, что наверху хлопнула дверь. Он затаил дыхание, но не услышал ничего, кроме стука собственного сердца.

Открыв буфет, Мартин сунул за пазуху несколько кусков сахару и тихонько прикрыл дверцу. По лестнице он спускался своим способом, так что лестница ни разу не скрипнула. Способ состоял в том, чтобы, держась за перила, идти не по ступеням, а по боковой плахе, в которую они врезаны.

Глава вторая

В городе Юрьеве

Дедушкин дом стоял на углу двух улиц, Ивановской и Лавочной, неподалеку от подножия холма, на котором возвышался замок дерптского епископа. Замок был окутан зловещей тайной. Говорили, что за два с лишним века его существования в нем замучено бесчисленное множество людей. Мартин не мог смотреть без робости на эти угрюмые стены и башни. Сейчас он, правда, замка не видел. Он шагал по тесной Ивановской улице, с которой видно было только небо. Вдоль улицы вплотную стояли каменные амбары и дома с узкими фасадами и высокими фронтонами.

Солнце освещало лишь верхние окна. Внизу царил

душный сумрак. Пахло перекисшей капустой, тухлой рыбой и гнилыми яблоками — горожане выплескивали помои из окон прямо на улицу. Среди гниющих отбросов копошились дети бедноты. Иногда попадались высокие тощие свиньи, которые бродили где хотели. Мартин слышал, что свиньи нередко пожирают детей.

Он миновал ратушу и площадь, застроенную длинными зданиями — торговыми рядами. Это место называлось Большой рынок. Здесь два раза в год, весной и зимой, устраивалась ярмарка. Каждая ярмарка длилась три недели, и в это время здесь можно было увидеть и местных купцов, и псковичей с новогородцами, и купцов из Нарвы, Ревеля, Риги и из более дальних городов — Гданьска, Ростока, Любека и бог знает откуда.

Пройдя еще немного, Мартин оказался на перекрестке, с которого был хорошо виден Домский собор. Собор был огромен и великолепен, два его высоких, стройных шпиля были словно из кружева. А издалека эти шпили казались иглами, вонзенными в небо. В городе Юрьеве не было ничего выше их. Собор, как и замок, всегда приковывал внимание Мартина — о соборе тоже ходили зловещие и загадочные слухи.

Но Мартин уходил все дальше от дедушкиного дома. Его так и подмывало запеть или побежать вприпрыжку. Наконец он увидел маленькую церковь — куда меньше Домского собора! — белую с куполом, покрытым деревянной чешуей. Это был православный Никольский храм, отсюда начинался Русский конец.

Босоногая женщина в сарафане доставала воду из колодца. Колодезный журавль скрипел, будто живой журавль на болоте. Возле колодца голые ребятишки вымазывались грязью и осыпали самих себя и друг друга горячей белой пылью. А вот и изба Платоновых с двумя крохотными окошками на улицу. За бревенчатым забором, в глубине, хлев с голубями на крыше. На чердаке хлева Николкина голубятня. Николки дома не оказалось, и Мартин помчался к Омовже.

Глава третья

На Омовже

Николка сидел в лодке с удочкой. Не клевало, словно и рыбу разморило от духоты. Николке надоело смотреть на неподвижный поплавок, и от скуки он озирался по сторонам.

Отсюда был виден весь Юрьев. За прибрежным лугом, на котором паслась скотина горожан, тянулась светло-серая городская стена с толстыми башнями. В каждой башне зияли ворота. Из-за стены выглядывали черепичные крыши и церковные шпили, а дальше возвышались два зеленых холма. На одном стоял замок, на другом — Домский собор. У городской стены виднелись кузницы, литейные и гончарные мастерские. Там же, возле Русских ворот, была кузница Николкиного отца. В самом городе не разрешалось заниматься ремеслами, связанными с огнем, из-за опасности пожаров.

Николка увидел бегущего со стороны Русских ворот мальчишку. Он узнал Мартина и повеселел. С первого дня их знакомства он почувствовал к этому «бедному богачу» дружеское расположение, смешанное с жалостью, и стал относиться к нему как старший к младшему, хотя они были ровесники. Николка смотал удочку и быстро поплыл к берегу.

Покатавшись на лодке, мальчики стали купаться. Они грелись на солнце, били слепней, вскакивали и носились друг за другом.

А все вокруг пребывало в оцепенении. Воздух был горяч и недвижим. Коровы — и те перестали бродить по лугу и улеглись в тени. Тут и там, поодиночке и скопом замерли овцы, и казалось, будто луг усеян множеством валунов. Мало-помалу угомонились и мальчики. На них тоже напала лень, и они развалились на траве. За рекой над полем звенела, то поднимаясь, то опускаясь, бесконечная песня невидимого жаворонка.

Вверх по реке на веслах прошла стройная ладья. Безжизненно висевший парус колыхался в лад весельным взмахам. Николка долго глядел вслед уплывающей ладье.

— В дальние страны охота! — сказал он наконец.

— В какие? — спросил Мартин.

— В заморские: в Индию, в Эфиопию, в Тапробану, в Сину... А больше всего хочется в Индию. Вот где чудеса-то!

— Чудеса? — лениво переспросил Мартин.

— Ага. Народу там видимо-невидимо. И никто из тамошних на нас непохож. В одном краю живут рогатые люди, в другом — трехногие, а иные девяти сажен росту, зовутся великаны. Есть четырехрукие, есть шестирукие...

— Господи!.. И они тоже люди?

— А кто ж? Да это еще что! Там в одной земле такой народ живет: у них и рты и глаза — на груди! А есть с птичьими головами, с собачьими. А какие там звери! Первым делом слон. Ростом он, как наших сто быков, а то и поболе. Только сам-то похож не на быка, а на свинью. А нос у него длинный-предлинный. Он носом, как рукою, хватает все, что ему надо. Захочет — и в мешок и в корзину залезет!..

Мартин слушал, широко раскрыв глаза, а Николка продолжал с еще большим воодушевлением:

— Потом верблюд. Вроде лошади, только горбатый. Может год не пить, не есть: у него в горбах всего запасено. А то еще крокодил. Этого словом и не описать. Про него одно могу сказать: весьма лютый зверь! Если помочится, к примеру, на дерево, дерево в сей же час огнем сгорит! Есть там петухи, на которых верхом ездят. Есть птица-великан — на пятнадцати дубах гнездо себе вьет. Еще птица Феникс: свивает гнездо, едва народится молодой месяц, потом берет огня от солнца и сама зажигает свое гнездо! И тут же сгорает. А в том пепле зарождается червь, обрастает перьями и — глядь! — та же самая птица снова явилась!

Много еще чудесного рассказывал Николка о далеком Индийском царстве, а закончил свой рассказ так:

— И нету в той земле ни татя, ни разбойника, ни завистлива человека, потому что та земля полна всякого богатства!

Мартин спросил:

— А ты откуда про эту землю знаешь?

— Да я же к батюшке отцу Исидору хожу учиться грамоте. Это наш священник. Он нам, ученикам, все рассказывает, что в книгах написано. Книг у него видимо-невидимо!

Мартин с содроганием вспомнил невыученный псалом и возможные розги, но постарался отогнать от себя эти мысли.

— Неужто есть такие чудесные книги? — промолвил он.

— А как же! — отозвался Николка.— Греческий купец Козьма Индикоплов всю землю объехал и все, что видел, в книге описал. Эх, мне бы корабль, отправился бы я в те земли! И тебя бы с собой взял! Ты бы поплыл со мной?

Мартин кивнул, и Николка продолжал мечтательно:

— И захватили бы мы с собой моих голубей. И как приплыли в какую землю, сейчас голубя с вестью домой! Так, мол, и так. Приплыли в землю, где люди с собачьими головами. Мартин стал дразнить их, и один тамошний укусил его.

Мартин, вздохнув, сказал:

— Да!.. Только где взять корабль!

Время от времени со стороны города доносился глухой грохот, будто с телеги сбрасывали бочки. Вдруг по недвижной поверхности реки прошла рябь, и зашумела, низко пригибаясь к земле, прибрежная трава. Пахнуло холодом, как из погреба.

— Смотри, какая туча! — закричал Мартин.

Из-за города надвигалась иссиня-черная туча. Серая городская стена теперь казалась белой. Тучу расколола молния, похожая на трещину в печи, сквозь которую сверкнул огонь. Через мгновение послышался треск, словно разодрали полотно. Мальчики вскочили и натянули рубахи. У Мартина были еще башмаки, но он не стал обуваться, а схватил их, и оба что есть духу по-

У Платоновых был гость — старинный приятель Варфоломея, псковский купец Трифон Аристов.

мчались к дороге. Налетел порыв ветра. Упали в пыль первые капли, и то тут, то там на дороге появились маленькие дымки, словно в пыль падали не дождинки, а капли расплавленного свинца. Послышалось шуршание, оно стало нарастать и скоро перешло в сплошной шум. На мальчиков обрушился ливень. То и дело вспыхивали молнии и раздавался оглушительный треск, от которого сжималось в груди и в животе.

Мальчики добежали до Русской башни и укрылись под сводом ворот. И вовремя, потому что начался град. Полчища крупных градин скакали по дороге, как бесноватые, и через несколько мгновений дорога стала белой. Некоторые градины залетали в проем ворот, прыгали здесь по сухой земле и, уже совершенно неопасные, подкатывались к ногам. Николке и Мартину оставалось только радоваться, глядя из укрытия на неистовство стихии. Время от времени они что-нибудь отрывисто кричали, и каменный свод отзывался их голосами.

Мальчики были мокрые, а по проему гулял сквозной ветер. Им стало холодно, и они, едва перестал сыпать град, припустились к Николкиному дому, благо он был недалеко.

Глава четвертая

Трифон Аристов

Убранство в доме Платоновых было небогатое: стол под образами, лавки, возле печи еще один стол — для готовки, а над ним полка с глиняной, деревянной и медной посудой. Ничто в доме не напоминало, что его хозяин создает для храмов божьих и для жилищ знатных людей великолепные украшения из серебра и золота.

У Платоновых был гость — старинный приятель Варфоломея, псковский купец Трифон Аристов. Варфоломей и Трифон сидели за столом. На лавке стоял бочонок с пивом, из которого они время от времени черпали деревянными ковшами. В другом углу избы Николкина мать чинила рубаху. На полу перед большим комком воска сидел Саввушка, трехлетний Николкин брат. Он был поглощен своим любимым делом — лепил из воска собак, лошадок, голубей и кошек. Николка с Мартином лежали на печи, высунув головы из-под занавески.

У Трифона было красное, лоснящееся лицо и осоловелый взгляд. Он рассказывал:

— Ну, думаем, пришел наш последний час. Бросили мы весла, легли на дно — лежим, молимся. А ветер в снастях стонет-завывает, сердце рвет, будто мы уже покойники. Посудина моя скрипит, того и гляди, развалится. С каждой новой волной думаю: теперь конец. А сам лежу по горло в воде и — веришь, Варфоломей? — плачу. Да, лежу и, как дитя, плачу.

Трифон зачерпнул из бочонка и выпил. Это был плечистый мужчина с короткой черной бородой. На нем была чистая белая рубаха с черно-золотой вышивкой у ворота, схваченная в стане жгутом,— тоже из черной и золотой пряжи.

— Вспомнил обиды, какие причинил жене своей безответной, безропотной... Вспомнил малых своих детушек — тоже и перед ними я оказался не безгрешен!.. Вспомнил, кого когда обмерил-обвесил. Кого словом неласковым ушиб, кого — кулаком, а кого — кистенем... Больше, конечно, просто кулаком. Вот этим!

И он поднял крепко стиснутый пудовый кулак и поднес его близко к глазам, отчего глаза его скосились к носу и лицо приняло как бы недоумевающее выражение. Разжав пальцы и уронив ладонь на стол, он продолжал:

— Всех вспомнил. И помолился я в сердце своем: Никола Угодник, смилуйся! Как же мне умирать, не заслужив перед людьми великие вины свои? Да... А сам плачу. Вдруг меня словно кто толкнул и посветлело будто. Поднял я голову и вижу: идет к нашему судну Никола Угодник. Как на иконе. Волосы и бородка курчавая белеют, что пена морская. Облачения не подбирает — не боится, значит, полы замочить. Идет себе по волнам, как по горочкам. Да.

Слушатели затаили дыхание. И в это время избу потряс сильный удар грома. Все перекрестились. Трифон сказал:

— Вот и Илья Пророк подтверждает, что все так и было! Ведь сам себе не верю порой, Варфоломей! Да. Вступил он на корму, весь светлый, как бы серебряный. Гляжу: а полы-то и правда не замочил! И говорит он мне: «Трифон! Что это вы весла побросали и лежите вповалку, как мешки с солью?» А я отвечаю: «Отчаялись мы, Никола Угодник: настал наш последний час — лежим, богу молимся!» А он мне и говорит: «Ну-ка,— говорит,— беритесь за весла! Кто сам себе помогает, тому и бог помогает! А молиться за вас я буду». Ну, мне повторять не надо. Он молиться начал, я кричу работникам: «А ну, ребята, навались!» И сам первый схватился за весло. А их тоже уговаривать не надо. Встрепенулись мои молодцы, навалились! Тут и буря помаленьку стихать стала, и вой в снастях уже не такой заупокойный. Глядь, а на корме никого нет! Посмотрел на нос — тоже нет! Взглянул на своих ребят — работают что есть мочи, ничего не примечают... Тут-то я и дал обет: коли прибуду живой и невредимый в Юрьев, закажу Варфоломею лампаду серебряную, чтоб к Николину дню зажглась она в храме пред его, Николы Угодника, образом. Да.

Трифон с Варфоломеем зачерпнули еще по ковшу и выпили. Голос Трифона становился все громче. Он кричал:

— Верю, Варфоломей! Сделаешь! Верю! Но сделай, чтобы моя лампада не хуже была, чем в Колывани, в тамошнем Никольском храме! А за деньгами я не постою! Вот задаток!

И он бросил на стол горсть гульденов. Серебряные монеты засияли на столе, точно маленькие луны. Один гульден покатился по столу, со звоном спрыгнул на лавку, с лавки — на пол и докатился до Саввушки. Саввушка поднял гульден, некоторое время рассматривал изображенного на нем бородатого человека, а потом снова положил монету на пол.

Мальчики утратили интерес к разговору захмелевших мужчин, опустили занавеску и оказались в теплой, уютной темноте, словно отгороженные от всего мира. Они начали шептаться.

Глава пятая

Дева-ключница

Николке с Мартином не мешали пьяные голоса: мальчики почти не слышали их. Только раз застольный разговор ворвался в их тихую беседу — они вдруг услышали страшный грохот и треск. Сперва им показалось, что в дом ударила молния, но в следующее мгновение раздался оглушительный рев:

— Великий грешник — Трифон Аристов!..

И Николка догадался о причине треска. Выглянув из-за занавески, он увидел, что так оно и есть: великий грешник Трифон Аристов проломил кулачищем дубовую столешницу. Недаром среди русских ходила молва о его силе.

Сперва Николка пересказал Мартину по-немецки про Николу Угодника, а потом разговор так и пошел про удивительное и таинственное. Николка сообщил:

— Говорят, из замка в Домский собор подземный ход ведет.

— А зачем он? — спросил Мартин.

— Сказанул — зачем! — воскликнул Николка. — Да как же без подземного хода? Захотелось бискупу сокровища проведать в Домских подвалах,— что ж, ему поверху шлепать?

— Какие сокровища? — спросил Мартин.

— Обыкновенные. Золото, серебро, алмазы разные...

— А почему он их у себя в замке не хранит?

— Хранит и в замке, только в замке все не умещается.

Мартин был потрясен. Сколько сокровищ — даже в замке не умещаются! Он вообразил все это богатство, и оно предстало перед ним в виде горы монет, перстней, ожерелий и прочих драгоценностей. Куда столько одному! Мартин вспомнил дедушкины слова: «Свобода — это мешок, набитый золотом».

— Вот бы нам набить мешок,— сказал он задумчиво.

— Ты про что? — не понял Николка.

— Про сокровища,— смущенно ответил Мартин.

— Так тебя к ним и допустили! Там, небось, железные кованые двери да замки пудовые.— И, понизив голос, Николка добавил:— А может, кое-что и почище!..

Мартин встрепенулся. Он понял, что сейчас Николка что-то расскажет о зловещей тайне собора.

— Давным-давно, лет двести тому, а то и более, жил в Юрьеве, как и теперь, бискуп. Уж так дрожал над своим добром!.. Никому и ничему не доверял: ни дверям кованым, ни засовам, ни стражникам. В замке-то надежно — сам сторож. Только сокровищ день ото дня все больше, в замке уж и места нет. Долго ломал он голову: где хранить новые сокровища? И спознался с нечистой силой. Сатана ему и присоветовал: строй, говорит, церковь соборную и под ней рой подвалы громадные. А там видно будет. Бискуп так и сделал — начал строить Домский собор. Сложили стены подвалов — верхние выводят. И тут наваждение! День строят, а за ночь все разваливается. Работают, работают — и ни с места! Бискуп снова к сатане: как, мол, быть? И велел сатана замуровать в стену прекрасную девицу. Дело сразу начало спориться, и скоро собор был построен. Но с тех пор каждую новогоднюю ночь девица выходит из стены и бродит вокруг собора. На шее у нее висят ключи. Ее так и зовут — Дева-ключница. Ей нужно встретить другую девицу. Набросит она ей на шею связку ключей и навсегда освободится от обязанности ключницы.

Наступило молчание. Наконец Мартин спросил:

— А сокровище кто стережет?

— Она и стережет — ключи у нее, а без ключа в подвал не попадешь! Иные пробовали подкоп рыть — пустое дело! Рыли, рыли — никаких подвалов не нашли, будто их там и не было сроду. Ясно, что нечистый так подстраивает. А говорят, если встретить ее на Новый год ровно в полночь, особенно в полнолуние, она может отворить тебе подвалы с сокровищами. Но на совести у тебя не должно быть никакого преступления, и жалость в сердце должен иметь. А на безжалостных да на бессовестных, кто к ней явится, напускает она порчу. Многие здешние, из немцев, пытались ее просить — все теперь порченые. Видал бесноватых на Домской паперти? Это они и есть. Больше уж никто не просит у Девы сокровищ. Без толку.

— А что если нам попытаться? — робко сказал Мартин.

— На-ам? — Николка почесал в затылке.

— Мы ведь не безжалостные и не бессовестные,— сказал Мартин,— значит, нам бояться нечего?

— Да, оно, конечно, нам-то бояться нечего... Ай да Мартын! Как это я сам не додумался! Ведь проще пареной репы! Смилостивится Дева — вот тебе и корабль! А то и два!

— Два? — переспросил Мартин.— Да если взять по хорошему мешку да набить доверху, небось, двадцать два корабля купишь, а может, и сто! Эх, жаль, январь еще не скоро!

— Это ваш латинский Новый год в январе, а наш православный — первого сентября. Меньше трех недель осталось.

Мартин не был уверен, что католические привидения соблюдают православные праздники, но Николка сказал:

— Кто ж знает, какой веры Дева? Скорее всего не латинской. Зачем вашим свою замуровывать? Ну, а в сентябре не выйдет — попытаем счастья в январе.

На том и порешили. Гроза меж тем кончилась.

— Айда на голубятню! — сказал Николка.

Глава шестая

Голубятня

Когда мальчики поднялись на чердак хлева, где была голубятня, Николка достал из сундучка сверлильце и начал провертывать отверстия в ровных обтесанных жердях, из которых был сделан остов большой клетки. Мартин сел на охапку сена, обхватив руками колени, и стал смотреть на голубей.

Каких только нет — белые, сизые, красные, пегие!.. Многие с пепельно-голубым крылом. Два черных пояска, как нарисованные, отделяют пепельно-голубое от белых маховых перьев. Ноги мохнатые. Мартин уже знал, что голуби этой масти называются «чистые». Голуби вольно влетали и вылетали в окно. На чердаке стоял немолчный шум от хлопанья и свиста крыльев.

Николка провертывал отверстия в верхней и нижней жердях одно над другим. Время от времени он откладывал сверлильце и брал ракитовые прутья из лежавшего рядом вороха. Каждый прут он вставлял концами в верхнее и нижнее отверстие. Получилась деревянная решетка. В углу уже стояла одна клетка — поменьше новой. В ней сидело несколько крупных сизых голубей.

— Мартын, сбегай-ка, принеси свежей воды.

Мартин схватил дощатое ведерко и побежал на колодец. Вернувшись, он выплеснул воду из долбленого корытца и налил свежей. Потом отворил клетку с сизыми голубями, достал оттуда глиняную плошку и переменил в ней воду. При этом одни голуби забились в угол, а другие норовили клюнуть его в руку. Видно было, что голуби эти отнюдь не из ручных.

— Почему они все время сидят в клетке? — спросил Мартин.

— Это Трифоновы голуби,— отвечал Николка,— он еще весной привез их сюда из Пскова. Если их выпустить, они сразу полетят домой, никуда не сворачивая. Гонцы — такая порода. Иных уже выпустили, а эти пока сидят. Ты не думай, я их выпускаю полетать по чердаку, чтоб не засиделись. Затяну окно сетью и выпущу. А вот еще для них отсадок делаю, побольше.

— Зачем они здесь сидят?

— Зачем сидят-то? Да мало ли... Навезли, скажем, в Юрьев соли — видимо-невидимо! Дешевеет она не по дням, а по часам. Тут ее самое время покупать. Подаем Трифону весть: езжай, мол, сюда — соль дешева. Или другое что... Без голубей трудно! Кто же с вестью до Пскова так скоро доберется? Голубю тут дела часа на два — ход у него быстрый, путь прямой! Вылетел он из города — под ним блестит-сверкает Омовжа. Потом Омовжа побежит влево и скроется из глаз. Пойдут леса, болота, речки, деревни... А как перевалит наш гонец за половину пути, полетит он над Чудским озером,— справа берег, слева вода без края. Потом река Великая, там и Псков виден...

Мартин подумал и снова спросил:

— А как же Трифон узнает от голубя, что нужно?

— Ну, это проще простого. Если посылаешь голубя с вестью, берешь стебло от какого-нибудь большого пера, прячешь в него свернутую грамотку, привязываешь стебло к хвосту и пускаешь гонца на волю!

Мартин помолчал, как бы следуя мысленно за полетом голубя, и вздохнул;

— Здорово!.. Мне бы голубей!

— А что ж! Заведи! Я тебе для начала и пару птенцов подберу, каких получше. Вот эти, что летают, сизые,— это ведь все гонцы! Их тоже берут во Псков, когда надо. Или возьми «чистых» — эти зимние: зиму до страсти любят!..

— Дедушка не позволит,— печально сказал Мартин.

Николке стало жаль друга. Он предложил ему в утешение:

— Давай подымем всех голубей в небо и полюбуемся.

— Нет, мне пора,— ответил Мартин.— Хорошо тут у тебя, век бы не уходил! А дома...— И Мартин умолк.

— Эх, жизнь твоя! — с сердцем сказал Николка.— Не позавидуешь и богатству!

Глава седьмая

Трифонова лампада

Мартину не сошло с рук, что он так долго пропадал и не выучил псалма. До розог дело, правда, не дошло, но дедушка объявил что Мартин две недели не выйдет из дому и посвятит это время спасению души, которой, без сомнения, пытается завладеть дьявол. Мартин возблагодарил бога за то, что дедушкины подозрения пали на дьявола. Что было бы, если б дедушка узнал, что у внука появился друг в Русском конце!

Тяжко томиться в неволе, но Мартин за эти две недели ни разу не нарушил запрета выходить из дому и прилежно учился, боясь, как бы новый взрыв дедушкиного гнева не помешал ему отправиться за сокровищами Домского собора. Ровно через две недели, ни раньше, ни позже, дедушка объявил, что Мартину разрешается выходить из дому.

Казалось, будто к ногам Мартина приделали крылья,— он пересек бегом весь город и даже не запыхался.

Мальчики отправились на реку. Вода была уже холодна, чтобы купаться, но можно было сколько влезет кататься на лодке. Мартин учился грести, у него то и дело срывалось левое весло, и он обдавал Николку брызгами. Николка ругался, хохотал и требовал весла. Но Мартин умолял дать ему погрести еще немного, пока не натер на руках водяные мозоли. На обратном пути мальчики зашли в кузницу Варфоломея Платонова — взглянуть на лампаду, что скоро украсит Никольский храм. Их весело приветствовал на ломаном русском языке эстонец Ян, подручный Варфоломея. Чумазое от копоти

лицо Яна почти сливалось с сумраком кузницы, только сверкали зубы да белели светлые глаза.

Дело у Варфоломея двигалось споро, он не припоминал, чтобы ему когда-нибудь работалось так легко и радостно. Может быть, на этот раз труд доставлял ему столько удовольствия, потому что Трифонов заказ должен был остаться «дома». Почти все, что он создавал, навсегда уходило с глаз долой. А ему так хотелось еще хоть немного подержать у себя свое создание, насладиться его красотой! Подручный у него был парень умелый, хотя и молодой. Если нужно было починить замок, подковать лошадь или заклепать лопнувший обод, он справлялся не хуже хозяина. Так что Варфоломей без помехи трудился над лампадой. Отрывался он только в полдень — шел домой обедать. День пролетал незаметно: только что был обед — глядь! — уже вечереет, скоро часы на ратуше пробьют девять. Не зевай, в девять запирают все городские ворота! Замешкался — ночуй в кузнице.

Мальчики с любопытством наблюдали за работой Варфоломея. На верстаке стоял ящичек с застывшей смолой. В нем возвышалась донцем вверх лампада. В таком положении она напоминала небольшой колокол. Округлые бока лампады были опоясаны ряд за рядом маленькими выпуклостями. Их-то и обрабатывал Варфоломей. Он расшлепывал выпуклости тупым зубильцем — чеканом, постукивая по нему молоточком. Постепенно возникала чешуя, напоминающая рыбью или, может быть, чешую на куполе Никольского храма. Лампаду дважды опоясывал узор из цветов и листьев. Завершала ее шишечка, похожая на нераспустившийся цветок. На серебре светились отблески пылающих в горне углей. Гора епископских сокровищ в воображении Мартина пополнилась прекрасными серебряными лампадами.

Выйдя из кузницы, мальчики заговорили о богатствах, которые получат от домской Девы. Мартин сказал, что нужны мешки побольше, но Николка возразил с шутливой строгостью:

— Чересчур большой мешок не бери! Знаешь, какие случаи бывают? А вот послушай. Связался один купец с нечистым. Уже не ведаю, что за дела у них были, только пообещал нечистый отвалить купцу золота за услуги. Приходи, говорит, туда-то в такой-то день в такой-то час, не забудь мешок захватить! Купец пожадничал: возьму, думает, на всякий случай осьмерик — из большого не выпадет! А нечистый увидал, что купец с осьмериком явился, и решил над ним подшутить. Насыпал полный мешок — стал утрясать, утряс — еще насыпал. Купец не из слабых был, однако с трудом мешок от земли оторвал. Прошел несколько шагов, споткнулся и упал. А мешок на него. Так и раздавил купца мешок с золотом. Видишь, до чего жадность может довести?

— Ладно, можно взять и поменьше,— согласился Мартин. Это он просто так сказал, про большой-то мешок, ему лишь бы корабль, лишь бы отправиться в дальние страны!

Договорившись, когда и где они встретятся накануне Нового года, мальчики расстались.

Дело у Варфоломея двигалось споро, он не припоминал, чтобы ему когда-нибудь работалось так радостно.

Глава восьмая

Домский собор

Николка ждал Мартина долго. Хорошо, что он догадался надеть старый отцовский охабень — к ночи холодало. Николка сидел на склоне Домской горы под зарослями калины, подобрав под себя босые ноги и прикрыв их полами охабня, на голову он опустил откидной четырехугольный воротник. Ему было тепло, и он, словно из шалаша, глядел на затихший Юрьев. Под ним, у подножия Домской горы, были городские Яковлевские ворота, там светился тусклый огонек: это горел слюдяной фонарь привратных стражников. Сами стражники давно уже спали.

В Русском конце, несмотря на поздний час, в окнах горел свет: люди готовились к встрече Нового года; в Никольском храме отец Исидор служил всенощную. В гриднице, недалеко от церкви, у купцов предстоял пир.

А здесь было глухо и темно, лишь сиротливый огонек мерцал у Яковлевских ворот.

Внизу, шагах в пятидесяти от Николки, поднималась кирпичная стена женского монастыря св. Екатерины. В этот монастырь принимали только девушек из дворянских семей, и после того, как они проходили обряд пострижения, их больше уже никогда не выпускали за ворота. Николка один раз видел этих монахинь — в монастырь привезли подводу с разным припасом, и ворота были отворены. Все монахини были в белых одеждах, с черными венками на головах. Дева-ключница представлялась ему одной из этих монахинь, в таком же белоснежном одеянии и черном венке.

Сейчас монахини спали, а может быть, молились. Они никогда не выйдут на волю — они тоже как бы замурованы! От этой мысли у Николки мороз побежал по спине. Николкой стала овладевать жуть. Ему уже не очень хотелось повстречать Деву-ключницу. Он начинал зави-

довать другим мальчишкам из Русского конца, которые вертятся сейчас под ногами у взрослых, готовящих праздничный стол, получают подзатыльники и время от времени успевают стащить что-нибудь вкусное.

Когда Мартин тихонько окликнул его, Николка подпрыгнул. Мартин подошел неслышно, потому что на ногах у него были одни шерстяные чулки. В руке он держал башмаки, под мышкой — свернутый кожаный мешок.

— Что так долго? — спросил Николка сердитым шепотом.

— Дедушка все никак не засыпал,— тоже шепотом ответил Мартин,— после так спешил, видишь, даже не обулся.

Он надел башмаки, и мальчики стали подниматься на Домскую гору по тропинке, шедшей вдоль крепостной стены. Николка усмехнулся, увидев Мартинов мешок: «Напугала Мартына притча про купца — не взял он большого мешка!» Было полнолуние. Ночь стояла ясная, и небо казалось серебристым из-за обилия звезд. Белая тропинка была хорошо видна. Впереди из-за кустарников показался зубчатый верх четырехугольной Чертовой башни. Мальчики расстались с удобной тропинкой и взяли левее. Вряд ли среди юрьевских мальчишек нашелся бы такой храбрец, который без крайней надобности приблизился бы в такой час к Чертовой башне! Многие жители говорили, что своими ушами слышали, как по ночам из нее доносятся нечеловеческие крики и леденящий душу хохот. Николка с Мартином шли напрямик через кустарники и заросли дудок. Начался крутой подъем. Мальчики хватались за кусты, подтягивались, подсаживали друг друга.

Наконец крутизна кончилась. Дальше шел отлогий склон. Когда мальчики поднялись по склону, перед ними открылось ровное пространство. Впереди чернела громада Домского собора. По серебристому небу, едва не задев шпилей, пролетела падучая звезда. Она оставила за собой светящийся след, который тут же растаял. «Чья-то душа покинула землю»,— подумал Николка. Со страхом глядели они на безмолвное здание, в окнах которого кое-где светились красные лампады. Каждый из них повернул бы сейчас назад, если бы не стыдился товарища.

Мальчики подошли к собору, чувствуя слабость в ногах, точно отправлялись на казнь. За ними покорно следовали две узкие тени. Но вот тени одна за другой слились с огромной тенью, которую отбрасывал собор. У главного входа лежал большой камень с двумя круглыми углублениями. Немцы, входя в собор, всегда окунали пальцы в святую воду, которая была в углублениях, и осеняли себя крестом. Ян говорил, что этот камень — древний чудской жертвенник и что немцы нарочно приспособили его для своей церкви, чтобы пуще унизить чудинов.

Камень сейчас казался чудовищной совиной головой. Вместо углублений для святой воды зияли два круглых глаза. Николка с Мартином ускорили шаг и вышли на освещенную южную сторону. С ратушной башни донесся один удар. Половина двенадцатого, ждать им еще полчаса.

В стороне темнел сад однорукого соборного сторожа. Сторож был детина весьма мрачного вида, и все мальчишки в городе побаивались его. Ходили слухи, что он имеет дело с нечистой силой. Достоверного о нем было известно только то, что он потерял руку, сражаясь с русскими, и что он давал деньги под заклад, немилосердно обдирая своих должников. За это многие ненавидели его. Соборный сторож держал также голубей, разводил для продажи самые редкие породы, были у него и сизые гонцы, но держал он голубей прежде всего для стола, словно кур или гусей. Николка считал это ужасным злодейством.

Возле собора были заросли шиповника. Кое-где среди них стояли скамейки. Чтобы укрыться от глаз соборного сторожа, Николка нашел в зарослях укромное место, и они уселись там, прижавшись друг к другу. У Мартина поверх рубахи была надета только шерстяная безрукавка. Николка скинул охабень, и они завернулись в него вдвоем. Мало-помалу их начала одолевать дрема.

Глава девятая

Ростовщик и его гость

Мальчики очнулись оттого, что где-то рядом явственно звякнула связка ключей. «Дева!» — пронеслось в голове у Николки. Скрипучий мужской голос произнес по-немецки:

— Ну, вот, Томас, давай сядем сюда. Глазеть на нас некому, но здесь, среди кустов, будет потеплее.

Николка узнал голос: он принадлежал соборному сторожу. Сторож и тот, кого он назвал Томасом, подошли к скамейке, стоявшей совсем близко от мальчиков, и сели. Послышался звук вынимаемой пробки. Последовало продолжительное бульканье. Потом сторож крякнул и сказал:

— Славное винцо пьет епископ!

— Да,— подтвердил Томас,— епископ не позволит себе наливаться, чем попало! За твое здоровье!

Снова послышалось бульканье.

— Жаль, закусить нечем,— сказал соборный сторож.

— Такое вино грех закусывать,— ответил Томас.

— А не грех красть его у епископа? Хе-хе-хе!

Бульканье. Снова бульканье. Томас заговорил громче:

— Сказать по совести, мне незачем красть у епископа. Его погреба всегда в моем распоряжении! Мы с епископом — лучшие друзья! Мы оба из прекрасной солнечной Вестфалии! Ты тоже из Вестфалии! У меня два друга — епископ и ты!

— За здоровье епископа! — сказал соборный сторож.

— Канцлеры там разные,— продолжал Томас,— это все для него чепуха... Как я скажу, так он и сделает! — Неожиданно Томас провозгласил: — За здоровье магистра Ливонского ордена Бернгарда фон дер Борха!

— С чего это ты пьешь за здоровье магистра? — проскрипел сторож.— Ведь епископ с магистром, как кошка с собакой.

— Теперь они лучшие друзья! — ответил Томас.— Их помирило радение о святой католической церкви!

— Давно пора! — сказал соборный сторож.— Ну ладно. Говори, какое у тебя ко мне дело?

— Хочу попросить тебя, чтобы ты не пускал в распродажу мои доспехи: они мне скоро понадобятся,— сказал Томас.

— Я тебе дал под них сотню гульденов,— заметил соборный сторож,— с тем, чтобы ты весной вернул мне полтораста. Но уже и лето минбвало, а я еще не получил от тебя ни пфеннига. Не хранить же мне твой заклад всю жизнь!

Голос Томаса стал умоляющим:

— Прошу тебя как друга: повремени!..

— Дружба дружбой, а гульдены врозь. У тебя никогда не бывает денег, откуда же они теперь вдруг возьмутся?

— Ты прав, с этим чертовым миром я совсем обнищал. Но скоро все переменится!

— Что же переменится? Ведь срок мира еще не истек!

— Ладно уж, открою тебе... как старому другу,— проговорил Томас.— Но смотри, если проболтаешься! Правда, мой меч у тебя в закладе, однако ради такого случая...

— Если ты пришел грозить мне, можешь убираться, я пойду спать,— перебил его соборный сторож.

— Да нет, постой,— забормотал Томас,— это я так... Ты ведь знаешь: сильным мира сего ничего не стоит вздернуть человека за то, что он знает лишнее... Помнишь, как раскачивал ветер этих эстонцев, которые оказались соглядатаями русских? Я о твоей же пользе пекусь...

— О моей пользе предоставь печься мне самому,— процедил соборный сторож и умолк, приготовившись слушать.

— Словом, надумал магистр покончить со Псковом раз и навсегда! У него к зиме будет стотысячное войско! Еще ни один магистр за все существование Ордена не собирал такой силы! С ним будут все рыцари Ордена, прочие рыцари Ливонии, дворяне, бюргеры и даже много крестьян. Магистр нанял также огромное количество

иноземных воинов. У него без числа осадных орудий. Как только на реках и болотах станет надежный лед, он двинет всю эту силу на Псков!

— Зря магистр откладывает на зиму, зимой он только людей поморозит! — сказал соборный сторож.

— Не поморозит! — возразил Томас.— Магистр не намерен там рассиживаться! Ему и нужна зима с ледяными мостами: сейчас надо слишком много времени, чтобы стянуть ко Пскову такую прорву войска! Подготовка ведется в строжайшей тайне! Главное — застать врасплох! Поскольку еще недавно заключен мир, псковичи и не помышляют о войне. Не осада, а штурм! Удар — и Пскова нет! Что ни говори, а Бернгард фон дер Борх молодец! Не то что его предшественник, этот недотепа фон Вольтгузен. Ишь, чего надумал: жить с русскими в мире! Сиди теперь в Венденской башне, набирайся ума-разума...

— Дай бог удачи магистру! — сказал соборный сторож.— Дело доброе! Только ты-то как про это пронюхал? Ведь, небось, и рыцари магистровы не все знают, что задумал их магистр.

— Вчера к епископу приходил монах,— сказал Томас,— по виду из нищенствующей братии. Заперлись они вдвоем в опочивальне и долго беседовали. Когда монах ушел, епископ спрашивает: «Знаешь, кто это?» «Нет,— говорю,— ваше преосвященство, не знаю». А епископ и говорит: «Это ландмаршал Ливонского ордена. Его магистр прислал с тайным поручением: просить, чтобы я держал наготове своих рыцарей и дворян».

— Вот оно что! Значит, и ты пойдешь на русских?

— А как же! — ответил Томас.— Епископ отпустит меня ради святого дела. Я получу от магистра жалованье и выкуплю у тебя свои доспехи.

— Вот оно что! — повторил соборный сторож.— Ну, тогда за удачный поход: чтобы навеки сгинул в огне проклятый Псков, а ты привез побольше добра из этого похода. Я, так уж и быть, подожду. Только, когда получишь жалованье, принесешь мне не полтораста, а двести гульденов.

— Как тебе не совестно грабить старого друга! — с негодованием вскричал Томас.

— Ты пойдешь грабить русских, так неужто тебе жалко каких-то пятидесяти гульденов для бедной церковной крысы? — проскрипел соборный сторож.

— Ну, черт с тобой, пусть будет двести! — пробормотал Томас.— Видно, не зря тебя называют слугой нечистого...

Соборный сторож засмеялся шелестящим смехом и поднялся со скамьи. Поднялся и Томас. Ночь была тихая, и мальчики долго еще слышали удаляющиеся шаги. Лишь когда все смолкло, они осмелились вылезти из своего укрытия. Сегодня им не повезло: те двое, соборный сторож и Томас, как видно, спугнули домскую Деву. Простившись у монастыря, мальчики пошли каждый своей дорогой. Подходя к дому, Мартин обнаружил, что оставил мешок в кустах. Мгновение он постоял в нерешительности, но не нашел в себе мужества вернуться к собору.

Глава десятая

Псковские гонцы

Николку знобило, и он влез на печь. Согревшись, он скоро уснул, но спал беспокойно, ворочался, кричал и просыпался. Ему приснились удавленники с синими лицами — один без руки, другой огромного роста. Они висели на суку дуба на Домской горе. Ветер легонько поворачивал висящих, а они переговаривались вполголоса по-немецки. Удавленников освещало какое-то зарево. Тот, что без руки, проскрипел: «Горит, проклятый!»

И Николка увидал, что далеко-далеко, на краю земли, горит город, из огня встают белые, как сахар, храмы и сверкают, точно раскаленные, золотые купола. Но вот удавленники вылезли из своих петель, медленно спрыгнули на землю и пошли к Николке. Он хотел бежать и не мог. Огромный сказал злорадно: «Тебе жалко Пскова? Сейчас мы тебя повесим!»

Они схватили Николку и надели ему петлю на шею. Николка стал задыхаться, попытался крикнуть и проснулся.

— Домовой тебя, видно, душит,— услышал он сонный голос матери.

Николка поворочался и снова заснул. Ему приснилась мать. Она стояла в нише — вроде тех, в каких стоят высеченные из камня латинские святые. На ней была длинная белая рубаха и черный венок. Два немца-каменщика в кожаных передниках, с мастерками в руках быстро закладывали нишу кирпичом. Мать протягивала к Николке руки и молила глухим, далеким голосом:

— Николка... Николка... сынок... спаси меня!

Он поднял с земли камень и хотел крикнуть: «Прочь, лиходеи! Зашибу!»—но камень выпал у него из руки, а вместо грозного окрика из глотки выдавился беспомощный вопль.

Разбудили Николку еще затемно: надо было идти к заутрене. А когда вернулись и сели за стол, в маленькие слюдяные окошки ударило яркое солнце. Мать поставила на стол горшок со сметаной, оладьи и ватрушки, пироги с грибами и капустой. Налила в плошку свежего меду. Принесла из погреба жбан с холодным квасом и кувшин с пивом. Поставила сковороду лещей, томленных в сметане, холодную уху из яблок, груш и слив. Наготовлено было чуть не на весь Русский конец. На то и праздник! Саввушка уже вымазался в меду, мать и отец были веселы; ничто не напоминало об угрозе, нависшей над Псковом.

Сколько Николка помнил себя, жизнь Русского конца так или иначе была связана со Псковом. Постоянно бывало так, что кто-то ехал во Псков, кто-то приезжал оттуда, на ярмарках псковских купцов было больше, чем прочих. И псковичи и юрьевские русские считали Русский конец пригородом Пскова. Николка давно мечтал побывать в этом городе, который, по словам отца, был куда больше и красивее Юрьева. Отец обещал взять Николку с собой, как только поедет во Псков, и Николка с нетерпением ждал такого случая. И вдруг оказывается, что Пскова не будет! И дома и люди — все погибнет в огне! Николке до жути явственно представилось, как, проломав крепостные стены, в город хлынуло стотысячное магистрово войско, как по улицам бегают немецкие воины, подпирают кольями двери домов, чтоб никто не спасся, и зажигают дома смоляными светочами на длинных палках.

Чем больше Николка думал, тем ему становилось страшнее. Есть не хотелось, он выпил квасу и принялся ковырять леща. Рассеянно глядел он на праздничные яства, на любимые свои пироги с грибами — румяные и блестящие оттого, что мать помазала их яйцом. Подняться из-за стола, покуда не поднялся отец, он не смел: не было такого обычая.

Когда Николка вышел из избы, от солнца защипало в носу. На теневых скатах черепичных крыш еще белел иней, а скаты, обращенные к солнцу, были уже мокрые. Облик праздничного утра был столь радостен, что Николке на миг показалось, будто то ужасное, о чем он узнал нынче ночью, просто приснилось ему, как снились всю эту ночь разные страсти.

«Хоть бы Мартын пришел!» — думал Николка, поднимаясь на голубятню. Это был единственный человек, с которым можно было сейчас говорить: ведь он знал ту же тайну, что и Николка... «Сильные мира сего»... могли вздернуть и его за то, что он знает лишнее... На голубятню поднялся Саввушка. Он брал пшеницу из мешка и сыпал ее Трифоновым гонцам в новый большой отсадок. Потом он стал кормить других голубей. С упругим свистом крыльев они подлетали к нему не только со всех концов чердака, но и через окно с улицы. Голуби садились ему на плечи, на руки, а иные лезли прямо в мешок. Этих Саввушка отгонял, чтобы не попортили зерно.

Николка взял сеть для голубиной западни. Работая, он то и дело мысленно возвращался ко Пскову. Дело ясное, нужно известить псковичей. Но как? Может, открыть все отцу? А вдруг он скажет: «Не встревай не в свое де-

Сторож и тот, кого он называл Томасом, подошли к скамейке, стоявшей совсем близко от мальчиков, и сели.

ло», — как в тот раз, когда Николка заступился за Мартина? Взрослые живут с опаской да с оглядкой — немцы не раз учиняли погромы в Русском конце и всегда рады воспользоваться для этого любым поводом, хотя по мирному договору епископ с Орденом и обязаны оберегать русских от обид и притеснений. Нет, взрослых не надо впутывать в это дело... Вот кабы здесь был Трифон Аристов!..

Николка покосился на Трифоновых гонцов. Если псковичи смогут вовремя позвать на помощь Москву и Новгород, магистр возвратится от стен Пскова не солоно хлебавши, как уже не раз бывало. Но ведь псковичи ничего не подозревают. И если Псков останется один на один со стотысячным войском...

Ясно, надо послать голубя с вестью. Для того они тут, собственно, и сидят. Только вот незадача: читать-то отец Исидор его научил, а учить письму только собирается. Скоро ли выучиться письму, чтобы составить послание? Не доучишься ли до того, что от Пскова одни угольки останутся? Размышляя, он с привычной ловкостью орудовал плоской деревянной иглицей, на которую был намотан запас ниток. «Остается одно,— думал Николка,— пусть напишет Мартын. Он, правда, по-русски не может, но это и неважно: Трифон разумеет немецкую грамоту. Хоть бы скорей Мартын пришел...»

На лестнице послышались шаги. Что-то тяжеловаты они для Мартина. Николка с удивлением увидел отца, который почти не поднимался сюда с тех пор, как его сын научился управляться с голубями лучше всякого взрослого. Отец был добр и весел: его радовала работа над Трифоновой лампадой, а сегодня к тому же был Новый год и такое яркое солнце! Он сказал:

— У всех праздник, а они, сердешные,— отец кивнул на Трифоновых голубей,— томятся в клетке! Давай отпустим их, все равно до рождественской ярмарки они уж вряд ли понадобятся! Прилетят домой, и у них тоже будет праздник! Да и Трифон обрадуется, что мы о нем в Новый год вспомнили.

Николка остолбенел. Такого оборота дела он не ожидал. Прежде он всегда ликовал, когда голубей наконец отпускали домой. Но если голуби сейчас улетят, все пропало: как тогда предупредишь псковичей о грозящей беде? Ведь осенью ни туда, ни оттуда никакой оказии не бывает.

— Ты что, язык проглотил? — весело сказал отец.— Выпускай пленников на волю! — И он шагнул к отсадку.

— Погоди! — чужим хриплым голосом крикнул Николка и бросился к отсадку, опережая отца.

Варфоломей с изумлением уставился на сына.

— Что с тобой нынче стряслось? Ты не захворал случаем?

Николка, запинаясь, промямлил:

— Это... как его... надо покормить их перед дорогой...

— Да эва у них пшеницы-то в отсадке! Они ходят по зерну!

— То есть... это... я хотел сказать: напоить.

— И воды в плошке полно! — возразил отец.

— Надо свежей,— сказал Николка,— сейчас переменю и соли подсыплю, чтоб напились как следует.

— Добро! — согласился отец.

Насыпав в медную ступку крупной соли, Николка взял пестик и стал ее толочь, а отцу сказал:

— Идите с Саввушкой во двор: со двора лучше смотреть, как полетят! Я сейчас к вам спущусь!

Отец и Саввушка ушли, а Николка переменил воду в плошке, бросил в нее щепотку толченой соли, и голуби разом опустили клювы с большими наростами в воду и несколько мгновений пили, не отрываясь. Николка ловко схватил обеими руками самого крупного и пересадил его в малый отсадок, стоявший в углу. На отсадок он накидал сена и, оставив отворенным большой отсадок, бросился вниз по лестнице во двор.

Некоторое время Трифоновых гонцов не было видно, только свои голуби перепархивали с крыши на перекладину и обратно. Но вот из окна стремительно вылетел большой сизый голубь, горбоносый, с длинной шеей. А через мгновение один за другим выскочили еще четыре таких же. Они сразу сошлись в стаю и, сделав круг над Русским концом, понеслись в сторону Пскова.

— А почему их только пять? — спросил отец.— Их же было шесть! Может, один замешкался там, в отсадке? Надо его выгнать, пусть своих догоняет!

— Это самое...— забормотал Николка,— шестой, он того...

— Что «тово»? — спросил отец.

— Я их кормил намедни, да и упустил одного ненароком...

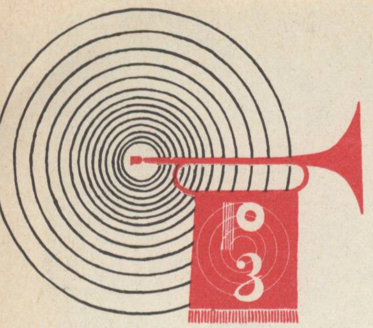
— Что ты мелешь,— сказал отец,— я только что своими глазами видел в отсадке шесть голубей!

— Тебе... тово... побластилось...

— Это тебе бластится! — проворчал отец и ступил на лестницу. Увидев пустой отсадок и окинув взглядом голубятню, отец покачал головой.— И верно, побластилось. Праздничный хмель шутит.

А Мартин в этот день так и не пришел. Не пришел он и на другой и на третий день...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

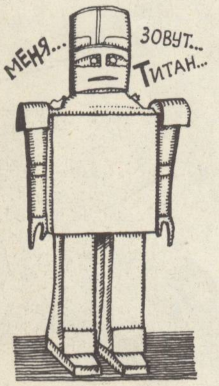

Ребята конструируют, ведут научные исследования, охраняют и умножают народные богатства страны — все отряды включились во Всесоюзный марш «Всегда готов!».

радиостанция „Здравствуй!" ждет сообщений от твоего отряда.

**Дружно ли шагает он в пионерском марше?
Есть ли у него достижения?
А может быть, отряду нужна помощь?**

РОБОТЫ — МАШИНЫ БУДУЩЕГО — считают конструкторы клуба «Электрон» г. Джезказгана.

По комнате спокойно шагает робот Титан. У него элегантный винипластовый наряд. Ростом он со взрослого человека.

Он появился на свет в клубе «Электрон» 22-й школы г. Джезказгана, а теперь приехал на республиканскую выставку в Караганду.

— Привет, Титан! — пробует пошутить кто-то из ребят. Робот останавливается, протягивает ему руку.— Ишь ты, какой вежливый!

— Это запрограммировано,— отзывается шествующий за роботом Женя Бословяко.

— А в темноте может ходить?

— Может. Это тоже запрограммировано.

— И не боится?

— Он же робот,— серьезно говорит Женя.— У него внутри электронный механизм. Вот смотрите: магнитофон, усилитель, десять электродвигателей, двадцать пять электромагнитных реле, шаговый искатель, трансформаторы.

— И ты сам все сделал?

— Почему сам? С Мишей Гребенниковым и Андреем Плинтовским.

— А робот не болеет? — шутит кто-то.

— Пока нет. Но мы хотим его немножко «подлечить», усовершенствовать. Расширить программу, чтобы он мог делать больше разных операций, сделать его радиоуправляемым.

— А чтобы робота сделать, что надо? — снова спрашивает кто-то из ребят.

Женя вздохнул:

— Физику знать на «отлично». Знать основы электроники. Ну и в кибернетике разбираться. Всем советую: идите на Центральную станцию юных техников. Или у себя в школе создайте научное общество, или клуб, или кружок. Учителя вам помогут.

КАБИНЕТ ЛЕСА ищет в школах и школьных лесничествах Люда Полибина из Карелии.

Я пишу вам из далекой Карелии, где солнце, умытое и светлое, встает из синеоких озер. Наш городок Суоярви затерялся среди лесов.

Вы любите лес? Что-то свое лопочут листья под ветром, важно шумят сосны. Птицы поют на все голоса. А вот совсем еще молодые деревья. Смотрите, как разрослись, переплелись ветвями березки и осинки. Тянутся вверх тонкие сосенки. Плохо им. Березы и осины загородили от них солнце. Они ведь быстрее растут.

Но что это? Слышите шум, голоса? Кто-то рубит ветки! Смотрите, это ребята! Кто им разрешил «портить» лес?

Нет, это я нарочно так написала. Ребята не портят лес. Это же наши, из трудового лагеря «Товарищ». Они осветляют лес, чтобы помочь расти молодым соснам, ведут санитарную рубку — очищают деревья от сухих веток. А дальше, на вырубках, идет посадка саженцев.

Нас спрашивают часто: «Не устаете?» Нет! В лесу и дышится легко и работается. После обеда мы свободны. А вечером... Так и вижу, как мы сидим, поем, шутим, рассказываем разные истории. Устраивали мы лесной карнавал. И еще конкурсы: на лучший букет, на лучшую лесную поделку...

Наше школьное лесничество существует уже три года. Заложен большой питомник. Оттуда саженцы сосны, ели, лиственницы каждый год перекочевывают на улицы и площади Суоярви. Мы посадили уже семьдесят два гектара леса!

Зимой к нам приходят работники лесхоза Леонид Адамович Романович и Иван Тимофеевич Шнитко. Они дают нам теоретические знания о лесе.

У нас вот какая забота: хотим создать свой кабинет леса. Чтобы он был настоящим научным центром. Ребята! Может, где-нибудь уже есть такие кабинеты? Напишите, поделитесь опытом. А мы вам о своей работе расскажем.

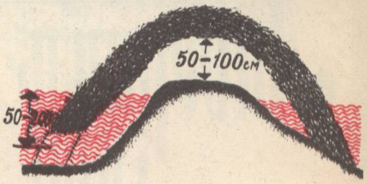
ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

Из Лапландского заповедника в Москву вернулась биологическая экспедиция. Ее участники — ребята из 135-й московской школы. О своих наблюдениях рассказывает Дима Домнинский.

А сфотографировал Диму за работой его товарищ.

Меня интересуют бобры. У них острые зубы, и они со всех сторон подгрызают деревья и валят их. Из веток и ила бобры строят хатки высотой больше метра и до трех метров в диаметре. Вход должен быть обязательно под водой, чтобы ни один хищник не потревожил бобриное семейство. Для этого бобры поднимают уровень воды в реке: из поваленных деревьев бобры строят прочные плотины.

Я много читал о жизни бобров. А летом увидел их в Лапландском заповеднике. Наблюдать за бобрами нелегко: они осторожны и днем отсиживаются в своих хатках. Зато ночью они деятельны.

По свежим погрызам, по диаметру веток и сваленных деревьев мы подсчитали, сколько коры съели бобры за определенное время. А сколько каждый бобр может съесть, мы знали. Так мы установили, сколько бобров в заповеднике. Вместе с работниками заповедника мы начертили план бобровых поселений.

На Кольский полуостров бобров завезли недавно. Когда-то они тут жили, но из-за теплой и красивой шкурки охотники всех их выбили. Теперь бобры снова тут прижились, расселились по рекам Чуна, Нявка.

Бобры питаются корой и тонкими веточками осины и ольхи, а летом травой. На Кольском полуострове нет ни осины, ни ольхи, и бобры приспособились — едят здесь березовую кору и траву. Некоторые питаются сосной, можжевельником. Находили мы даже погрызенную ель. Это странно и интересно: у хвойных кора грубая, и обычно бобры ее не едят. Зимой на Кольском полуострове холодно, корма не хватает. Приходится иногда бобрам вылезать в мороз из хатки и валить деревья!

В заповеднике мне очень понравилось. Там проводится большая исследовательская работа. Эта работа мне по душе.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

Дорогая радиостанция «Здравствуй!». Я верю, что ты нам поможешь.

В интернате мы организовали библиотеку. Ребята принесли книги из дому. Собрали немного денег и купили самые интересные книги в магазине. В библиотеке набралось двести две книжки, и мы думали, что это очень много. Но теперь ребята перечитали уже все по два раза и перестали ходить в библиотеку.

Меня выбрали библиотекарем, и я не могу видеть, как распадается такое хорошее дело.

ТАМАРА КОРНЕВА, ЯАССР
г. Мирный, с/з «Новый», интернат.

Ребята! Радиостанция «Здравствуй!» просит всех вас помочь ребятам из далекой Якутии. Если каждый пришлет им по самой интересной книжке, у них будет большая библиотека и очень много новых друзей...

СЕГОДНЯ ИГРЕК читает СТИХИ

ИГРЕК: Итак, сначала стихи. Эти строчки взяты из стихотворения английского поэта Редьярда Киплинга.

...Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам.

По-моему, превосходные стихи! Так и чудятся океанские волны и силуэты судов, исчезающих за горизонтом... Причем «всегда по четвергам»! Не кажется ли вам, что из всего этого могут получиться условия очень интересной задачи? Во всяком случае, мне это сразу пришло в голову, и вот вам моя задача:

Из Ливерпульской гавани

«Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам суда уходят в плаванье к далеким берегам. Плывут они в Бразилию, Бразилию, Бразилию...», в славный город Рио-де-Жанейро. Ровно за 14 дней судно покрывает весь путь — 9 800 км (по 700 км в день, что совсем неплохо для пароходов тех времен) и прибывает в Рио-де-Жанейро в четверг в 12 часов дня. После стоянки — она длится 4 дня — судно идет обратным курсом и через 14 дней, в понедельник, в полдень, оно прибывает в Ливерпуль. Еще через 3 дня оно снова уходит в Бразилию. Учитывая, что суда отплывают из Ливерпуля каждый четверг, ответьте на мои вопросы:

За время пути судна от Ливерпуля до Рио-де-Жанейро сколько оно встретит в открытом океане судов, идущих обратным рейсом?

В какие дни недели произойдут встречи?

На каком расстоянии от Ливерпуля?

Попытайтесь сначала ответить на все вопросы самостоятельно, без моих подсказок. Тогда вам будет интереснее читать дальше.

А теперь я хочу познакомить вас с особым способом решения этой задачи и других задач «на движение». Этот способ можно назвать графическим. Если вы уже решили задачу другим способом, сравните его с моим и напишите мне, какой из них вам больше понравился.

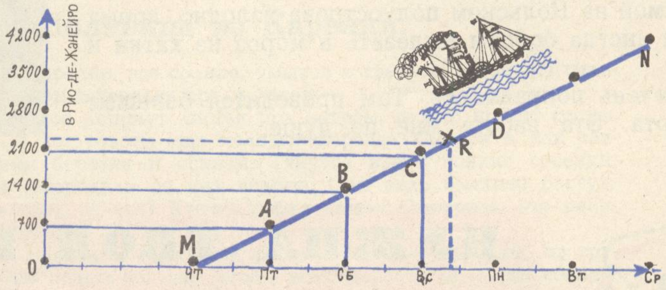
Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

В БРАЗИЛИЮ И ОБРАТНО

ГРАФИК ДВИЖЕНИЯ СУДОВ

Изобразим на графике движение судов между двумя портами. Такой график будет похож на графики движения поездов (их, наверное, многие из вас видели).

Начинаю строить график. Через точку O провожу вертикальную и горизонтальную прямые. На вертикальной (от точки O вверх) буду откладывать равные отрезки, каждый из которых изображает путь, пройденный судном за сутки (как вы помните, он равен 700 км).

На горизонтальной прямой последовательно отмечены дни недели (недаром эту прямую называют осью времени). Пн — понедельник, вт — вторник и так далее.

А теперь посмотрим, как же будет выглядеть на графике движение судов.

В полдень пятницы судно будет находиться в 700 км от Ливерпуля. Поставим точку A на пересечении вертикали, проходящей через «пт», и горизонтали, идущей на высоте «700».

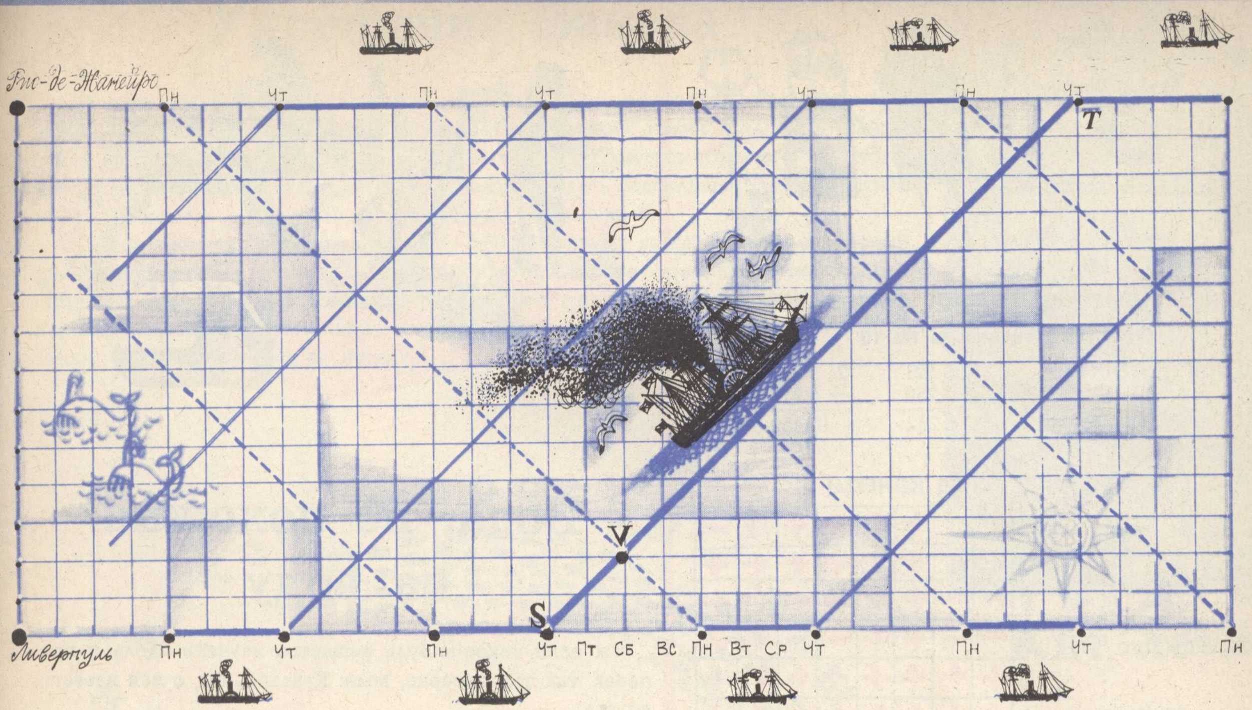
К субботнему полудню судно пройдет уже 1 400 км. Это изображается точкой B, находящейся на вертикали «сб» и горизонтали «1 400». Аналогично строятся точки C, Д и т. д. Они показывают положение судна в последующие дни (в полдень). Судно движется равномерно, и все эти точки оказались на одной прямой MN. Вообще каждая точка этой прямой изображает положение судна в некоторый момент времени. Например, точка R показывает, что на расстоянии 2 300 км судно будет в воскресенье после полудня.

Точно так же строятся графики движения судов, выходящих по понедельникам из Рио-де-Жанейро.

Изобразим теперь на одном графике движение всех судов. Каждая точка пересечения двух прямых на графике соответствует встрече двух судов.

Рассмотрим рейс из Ливерпуля в Рио-де-Жанейро. Он изображается отрезком ST. Этот отрезок 4 раза встречается с отрезками, изображающими движение встречных судов. Значит, **ответ на первый мой вопрос — 4 судна.**

Далее, из графика видно, что до первой встречи в точке V пройдет столько же времени, сколько понадобится встречному судну, чтобы проплыть от места встречи до Ливерпуля. Отсюда следует: **первая встреча произойдет в полдень в субботу, вторая — в полночь со вторника на среду.**

Контрольные вопросы

1. Ответьте на остальные вопросы задачи.
2. Докажите, что если в некоторый момент встретились два судна, то в тот же момент в другой части океана встречаются еще два судна.
3. На каком расстоянии друг от друга происходят эти две встречи?

ВСТРЕЧИ В ОКЕАНЕ

Ответьте на первый вопрос задачи «Из Ливерпульской гавани», если известно, что суда отправляются не еженедельно, а ежедневно.

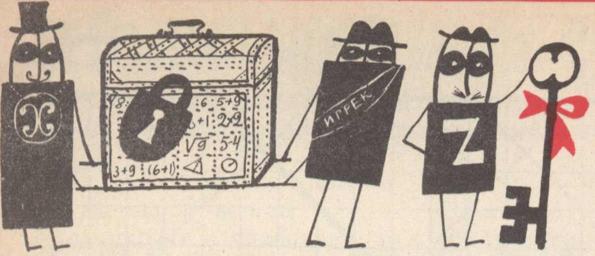
Океанолог Костя метит китов красными и белыми гарпунами. Метка определяется только количеством красных и количеством белых гарпунов (а не их положением). Какое минимальное число гарпунов нужно Косте, чтобы пометить разными метками 54 кита из большого стада?

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

В редакцию пришел пакет. Мы его распечатали и прочли. «Дорогие Икс, Игрек и Зет! В нашем классе учатся 18 мальчиков и 20 девочек. Мы сидим по двое на 19 партах — на 7 партах мальчик с девочкой...»

— Не может быть! — воскликнул Зет.

Мы согласны с ним. А как вы думаете: может такое быть или нет? И почему?

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Ответы на задачи из № 10

«НАШ ЛЯГУШАТНИК»

1. 9 521 − 1 259 = 8 262

2. 5 240 + 5 210 = 10 450

КОНКУРС ИКСА («ХОД КОНЕМ»)

Решение на рисунке. Чтобы выиграть, советуем пользоваться ключом: «Ставь на минус», как во всех задачах октябрьского номера.

	a	b	c	d	e	f	g	h
8	+	+	+	+	+	+	+	−
7	+	+	+	+	+	+	+	+
6	−	−	+	+	−	−	+	+
5	−	−	+	+	−	−	+	+
4	+	+	+	+	+	+	+	+
3	+	+	+	+	+	+	+	+
2	−	−	+	+	−	−	+	+
1	−	−	+	+	−	−	+	+

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗ ЛЕКЦИИ ИГРЕКА

«КТО ПЕРВЫЙ!»

Ответы на рисунках.

а	−	−	+	+	−	+	+	−	−	+	+	−	+	+	−
б	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+
в	−	−	+	+	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+

«ПОСЛЕДНИЙ КАМЕНЬ»

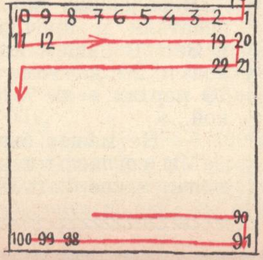
Воспользуйтесь решением предыдущей задачи (как рассказано в лекции).

КОНТРОЛЬНЫЕ ИГРЫ ИГРЕКА

Этой игре соответствует следующая игра с камнями: можно взять камень из любой кучки или по камню сразу из обеих. Остальные условия — как в «Играем в камушки».

Нужно взять доску 10×10, добавить еще одну клетку и написать на клетках числа, как показано на рисунке. Тогда правила такие — можно ходить вдоль красной стрелки на 1, 2, 3, ...9 клеток.

|	+	|	+	|	+	|	+
+	+	+	+	+	+	+	+
|	+	|	+	|	+	|	+
+	+	+	+	+	+	+	+
|	+	|	+	|	+	|	+
+	+	+	+	+	+	+	+
|	+	|	+	|	+	|	+
+	+	+	+	+	+	+	+

Вода, не похожая на воду

Уж если какое-нибудь вещество изучено вдоль и поперек, так это, наверно, вода. Казалось бы, о ней известно все.

И вот недавно появилось новое сообщение о воде, как говорится, из ряда вон выходящее: советский ученый член-корреспондент АН СССР Б. В. Дерягин получил воду, литр которой весит не килограмм, как обычно, а почти в полтора раза больше! Правда, литрами еще ее никто не мерил. В опыте ее получают всего около миллионной доли грамма. Необычную воду добывают в тончайших стеклянных или кварцевых трубочках-капиллярах в тот момент, когда тщательно очищенный пар, охлаждаясь, превращается в воду.

Воду из капилляров отличает от обычной не только большой вес. Она более вязкая, густая, при нуле градусов она не замерзает и, если еще понизить температуру, превращается не в кристаллы льда, а в стекловидную массу. Пока никто не знает, как можно будет использовать эти необычные свойства. Не совсем даже ясно, почему такая вода получается. Это как раз ученые и пытаются сейчас установить.

Некоторые специалисты допускают даже, что необычные свойства новой воды объясняются примесями, которые могли попасть в нее, например, из стеклянных трубок. Спор между сторонниками и противниками удивительной воды еще не закончен. Но уже во многих лабораториях мира повторены опыты советских ученых, собираются специальные научные совещания. И чтобы отличить удивительную, вызвавшую столько споров воду от обычной, бесспорной, ей дали скромное, может быть, временное имя «вода-II».

Новорожденный остров

Он обнаружен в Каспийском море неподалеку от Баку. Островок невелик: 100 метров в длину, 65 — в ширину. На нем нет никакой растительности, да и не могла она еще там появиться: остров поднялся над морем совсем недавно, после извержения подводного вулкана.

Укрощение факела

Пожар всегда страшен. Но особенно, когда горит нефтяная или газовая скважина. В гигантском факеле жар достигает нескольких тысяч градусов — из-под земли каждую секунду вырываются новые сотни кубометров горючего. К такому костру не подойти, обычные пожарные машины здесь бессильны. Чтобы погасить нефтяной или газовый пожар, нужны порой дни и недели.

Новая советская пожарная машина, АГВТ-100, гасит самый страшный газовый факел за считанные минуты. На автомобиле установлен самолетный реактивный двигатель. Он с огромной скоростью выбрасывает струю газа, смешанного с водой. Водяная пыль охватывает пламя, отнимает у него тепло, отрезает путь газу из-под земли. Факел сжимается и опадает.

Под тихое журчание крыши

На юге нашей страны, в теплом солнечном Ереване, строят легкие павильоны с крышами... из воды. Не подумайте, что воду просто зальют между стеклами. Эта крыша будет журчать, струиться, переливаться от одной стенки к другой. Электрический насос будет выбрасывать водяные струи, которые образуют над домом купол. А под куполом, в полутени и прохладе, которой так недостает в жарких краях, можно устроить магазин, кафе, читальню.

Кит летит над океаном

Как перевезти кита из зоопарка в зоопарк — в большой цистерне? На буксире по реке? Может быть, попробовать в самолете?

Недавно в Нью-Йорк самолетом доставили двух совсем еще молоденьких китов. Каждый из них весил по тонне. Чтобы им было легче в полете, приготовили постели из пропитанной водой губки. «Молодежь» перенесла полет хорошо. И тогда рискнули перевезти на самолете взрослого десятитонного кита — через весь Атлантический океан. Вылетев из Канады, кит с огромной скоростью пролетел высоко над головами своих свободных сородичей и благополучно приземлился в Англии.

М. ГУРЕВИЧ, О. ЛИБКИН

Телятам нравится пюре из нефти

Белок нужен всему живому. Много его в бактериях, дрожжах, водорослях — это давно известно ученым. И уже давно работают фабрики, выращивающие кормовые дрожжи для скота на отходах сахарной и бумажной промышленности, на подсолнечной лузге или кукурузных кочерыжках.

Недавно попробовали выращивать некоторые бактерии на нефтяных продуктах, и выяснилось, что они с удовольствием «поедают» нефть и очень быстро растут. И вот в нашей стране пущен первый в мире завод, вырабатывающий белок из нефти.

Продукция его питательная и вкусная. 100 килограммов дрожжей заменяют телятам почти 200 литров молока. Поросята, которым добавили в рацион эти дрожжи, быстрее прибавляют в весе...

ТЕАТР ВО ДВОРЕ

С. БОГАТЫРЕВА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Таких дворов в Москве почти не осталось. Бугристый, немощеный, он окружен низенькими домишками. Окна первых этажей едва поднялись над землей. На свободном пятачке растет тополь, под ним стоит совсем деревенская лавочка.

Попала я сюда случайно и от нечего делать глядела, как незнакомый мальчишка комьями сухой земли обстреливал низкую железную крышу. Грохот получался жуткий. Из окна крикнули мальчишке, чтоб перестал. Он не перестал. Во двор вышел большой парень, хотел съездить мальчишке по шее. Тот удрал, с безопасного расстояния показал парню язык, попробовал подраться с ребятами, гонявшими мяч,— не вышло. Мальчишка поскучал немного и с горя полез в форточку.

Это было очень странно, потому что форточка казалась совсем маленькой, а мальчишка — он был ничего себе, класса, наверное, из четвертого. Он ловко закрутился штопором — рука, голова, плечо... Мелькнули подошвы кед, и мальчишка исчез.

В двери домика, рядом с окошком, куда он забрался, была щель для почты, очень широкая. Из щели вдруг высунулась рука, обтянутая зеленой перчаткой. Красная глазастая головка вертелась на пальце — словно спелая ягода на зеленом стебельке. Она поклонилась, хихикнула, спряталась, а тоненький голосок затянул за дверью песенку:

Ты не прячься, Земляника,
От меня в траве густой.
Выходи-ка, выходи-ка,
Поздоровайся со мной!

На зов в щель выглянули две руки в зеленых перчатках, и две ягоды закивали зелеными шейками. Они сходились, шушукались, разбегались, прятались — это был целый спектакль.

Других зрителей во дворе не было, и мне пришлось аплодировать изо всех сил. Дверь отворилась, давешний мальчишка важно, как настоящий артист, поклонился и отступил в сторону, приглашая войти в дом.

Это была не квартира. Внутри был полутемный просторный зал. На помосте высокая ширма, а перед нею рядов десять стульев.

В старом московском дворе, за облезлой дверью с широкой щелью для почты, оказался, словно в сказке о золотом ключике, настоящий

Они стояли кружком и, строго глядя друг на друга, говорили по очереди: «О-А-У-Ы». Потом быстрее, как поезд, набирающий скорость: «О! А! У! Ы! О-а-у-ы»,—затем вскачь, на одном дыхании: «оауыоауыоауы!», и опять медленно, но с разным выражением: «О́-а-у-ы, о-а́-у-ы, о-а-у́-ы, о-а-у-ы́».

Было их человек двенадцать, несколько больших ребят из старших, наверное, классов и несколько малышей. Кончив аукать, они завели такой разговор. Произносили все только одну фразу: «Шла Маша по шоссе», но у одного получался вопрос, а у другого — ответ. И вопросы были разные: о том, кто шел по шоссе, Маша ли? О том, где она шла? Наконец, о том, шла она или, может, бежала. Ребята переставляли ударение с одного слова на другое и меняли интонацию — получался иной смысл.

Каждое занятие в Театре кукол начинается с таких вот упражнений по технике речи — ребята повторяют скороговорки, от которых у непривычного человека язык ломается, что-нибудь вроде: «Расскажите про покупки! Про какие про покупки? Про покупки, про покупки, про покупочки свои!» Сейчас это у них гладко получается, а сначала чего только они сами от себя не наслушались! И «капупки», и «пакутки», и «паракупки», и еще невесть как.

Потом шли упражнения, которые приучают свободно двигаться на сцене: надо было быстро по команде построиться квадратом или кругом — точно, без толкотни и суеты. Но тут не обошлось без драки: кто-то из актеров все пробовал выровнять линию кулаком.

Кто мы такие

Рассказ Галины Михайловны Зайцевой, пенсионерки

Если спросите у ребятишек местных, они вам скажут, что театр тут «всегда был». Он, и верно, много лет уже существует — первые наши актеры давно школу окончили, разъехались по всей стране, а спектакли живут и все время ставятся новые.

Мы оказались везучие на прекрасных людей. Первым режиссером нашим и основателем театра была артистка Госконцерта Екатерина Александровна Шапошникова, кукольница. Она и приворожила ребят к куклам — учила актерскому мастерству и бутафорскому делу. Человек она была немолодой, много болела, а после ее смерти театром занялись ее ученики. Сейчас у нас два художественных руководителя: Елена Аркадьевна Юсим и Надежда Алексеевна Гаврилова. Лена работает на телевидении помощником режиссера, а Надя — воспитательницей в детском саду. Театру они отдают полжизни, если не больше! У нас называют это «работой на общественных началах» или еще модным словом «хобби». А мне, глядя на них, другие слова вспоминаются: «вдохновение» или «призвание».

Репертуар у театра большой, и все пьесы очень разные. Ставим маленькие сцены, которые не требуют сложных декораций и большого количества кукол, с такими номерами легко ездить на гастроли — в какой-нибудь детский сад или в школу. Есть смешной номер по стихотворению Барто «Лешенька» и еще другой — «Вежливый вальс», тоже на стихи Барто и с музыкой Кабалевского. А есть большой, настоящий спектакль: «Трава желания» по пьесе Джанни Родари.

Исполнители ролей часто меняются, так что всем приходится знать весь репертуар. Актеры чувствуют себя немного и авторами: им позволяют на сцене придумывать «от себя», импровизировать — это даже считается очень хорошо. Да что актеры! Зрители — и те вмешиваются. В спектакле, который называется «Цепочка», по польской сказке Йозефа Рачека, зрители все время разговаривают с актерами: им приходится отвечать на вопросы и давать советы, а в одном месте кто-нибудь из зрительного зала должен спеть или прочесть вслух стихотворение. Тут от желающих отбою нет! Однажды какой-то малыш заставил всех выслушать «Мойдодыра». Целиком! Никак не соглашался замолчать!

Из консервной банки — артистка

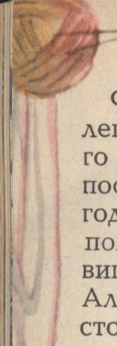

— Ты Фердинанда вяжешь? — спрашивает Алеша.

— А ты Фердинанда пишешь? — отвечает Света.

— Я-то его пишу, а ты давай его вяжи! — говорит Алеша.

— Я-то его свяжу, а вот ты, гляди, напиши! — предупреждает Света.

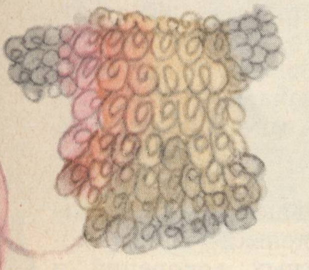

Правая рука не ведает, что творит левая

Разговор после спектакля

Фердинанд Великолепный — это герой нового спектакля, который поставят на будущий год. Сценарий по книге польского писателя Людвига Ежи Керна пишет Алеша Семенов, вот столько уже написал:

А Света Растригина на спицах вяжет Фердинанду туловище из аптечного бинта, разрезанного на длинные, узкие полоски. Связала уже порядочно, вот столько.

Дело в том, что для занятий и для репетиций кукол в театре берут покупных. Только ролей в спектаклях им не доверяют и на сцену не выпускают.

Всех играющих кукол ребята мастерят сами — по эскизам Елены Аркадьевны. Головы — это самое трудное — делают из пластилина и полосок мокрой газетной бумаги. А то — из чего попало!

— Был у нас один мальчик, Сережа Куликов, он уж теперь школу окончил,— вспомнила Оля Захарова, — так он облепил пластилином банку консервную. Просто так, баловался. А Елена Аркадьевна говорит: «Не бросай, вдруг из нее актер получится!» И верно, получился! Слепили банке нос подлиннее, волосы накрутили из пакли... Вон она у нас до сих пор Колдунью играет!

— Самая любимая у меня была первая моя кукла,— вздохнула Наташа Прокофьева.— Мальчик. Потом для нового спектакля понадобилась голова, разорили Мальчика и сделали из него Говорящую Лошадь.

— Ты что — Говорящую Лошадь! — подал голос Сережа Томашов. — Вовсе Марию-Розу из него сделали, а не Лошадь!

Голова сделана, надо куклу одеть. В театре, в бутафорской, стоит сундук, полный лоскутков и обрезков, тут и на платье найдешь, и на лошадиную шкуру, а если надо, и на крылья...

— Театр кукол — это не в куклы играть! — заявил Вовка Климов, по прозвищу Тигр.— Работать приходится всей рукой. Чтобы кукла не прыгала по ширме, как заяц, а двигалась плавно. Не ныряла бы, не заваливалась...

— Ты попробуй не нырни, когда стоишь спиной к залу,— сказала Ира Томашова.— Мой Гномик в третьей картине пускается в пляс, кружится. Когда кружишься, знаешь, как трудно руку держать на одной высоте! Хоть чуть, да опустишь. Тебе это незаметно, а зрителям кажется, будто Гном сквозь землю провалился, а потом, как гриб, вырос. Еле мы с ним выучились не прятаться от людей.

— Гном, может, выучился, а вот ты всегда всех стесняешься,— съехидничала Светлана.

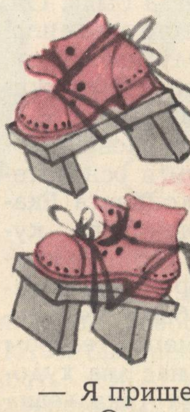
— Вот и нет! — ответила Ира и спряталась за Наташину спину.

— Хуже всего сразу две роли играть,— пожаловалась Наташа Прокофьева.— В «Траве желания» я и Колдунья и Фея. Сама с собой воюю, сама Гнома связываю, сама его освобождаю. Все время надо помнить, какой у тебя сейчас характер: злобный или добрый, и каким голосом надо разговаривать. А в одной сцене Фея, правая рука, даже встречается нос к носу с левой рукой — Колдуньей. Тут одной мне никак не управиться!

— Самое трудное,— высказался Павлик Андреев,— это доставать до ширмы. И еще понимать по часам.

Павлик в театре самый младший — ему шесть лет, и он пока не ходит в школу.

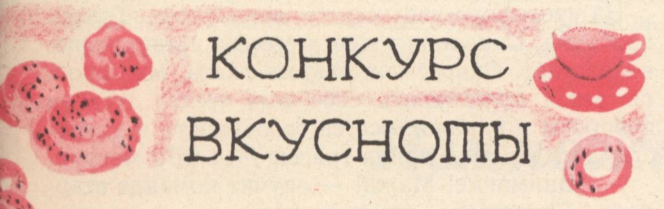
Рассказ Павлика Андреева

— Я пришел к ним в гости и не хотел уходить. Они спрашивают: «Ты очень сильно хочешь у нас заниматься?» Я сказал: «Да». Они говорят: «Тогда приходи». Я стал прихо-

дить. Сначала велели мне расти, чтобы достать до ширмы. Я стал расти. Они поглядели, говорят, плохо растешь, больно медленно. И дали к ботинкам подставки — высокие такие копыты. Нет, не копыты — котурны. На котурнах я достал до ширмы и стал играть Земляничку.

В поход, это правда, из-за часов опоздал. Я ждал, пока на них станет девять, а они все время показывали другое. Ребята ушли без меня. Потом привезли мне картошку печеную. Из костра. А так мы часто вместе куда-нибудь ходим: в настоящий театр, на выставку или в поход. У нас и «Огонек» будет.

КОНКУРС ВКУСНОТЫ

Перед летними каникулами устроили в театре «Огонек». Зрительный зал превратили в банкетный, на столах разложили картонные тарелочки (каждая — с картинкой), вскипятили на плитке одолженный чайник. Угощение было такое: каждый принес к чаю, что сумел состряпать. Красоты не спрашивали, пусть даже печенье и подгорело малость, а булочки вышли кривобокие. Одно условие: чтобы мама не помогала. За лучшую стряпню обещали дать премию.

Пока пили чай, вспомнили, что у кого было хорошего в этом году, не только в театре, а вообще.

Алеша Семенов вышел победителем на математической олимпиаде и поступил в математическую школу при Московском университете.

Светлана Растригина получила первую премию на конкурсе художественного чтения — вот они, занятия техникой речи!

Марину Бурцеву выбрали председателем совета дружины.

А Вова Климов, по прозвищу Тигр, говорят, стал меньше драться. Но это еще не проверено.

Меня ребята тоже позвали на «Огонек» и даже премию дали — за крем к чаю. Хотя мне, честно говоря, мама помогала.

О том, какой у них театр отличный и как они его полюбили, никто не распространялся. К чему говорить, когда и так все ясно? Не любили бы, так не ходили: делать, что ли, людям нечего?

Театр во дворе — он ведь не одними спектаклями хорош. Это еще и игра — веселая, дружная. Каждый каждого понимает с полуслова, все своими руками что-то делают и видят, как здорово у них получается. С ними водиться — и то радостно.

Эмма МОШКОВСКАЯ

Кому хорошо

Хорошо кому?
Хорошо тому,
У кого под столом —
Маленькая
Рыженькая
Собачка
С белым пятном...

Или она
Без пятна.
Или не рыженькая вовсе она.
Но
Зато
С пушистым хвостом!

Какие пушистые-препушистые есть
хвосты!
А может, и не с пушистым
и препушистым,
А с очень простым.

А может, вовсе и нет хвоста.
Бывает и так
У собак.
Не беда!

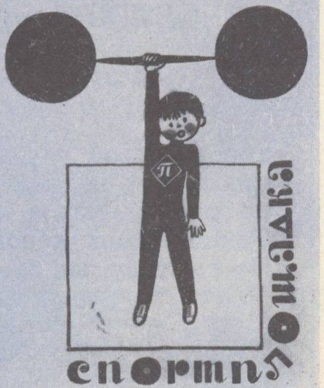
А может, вовсе и нет никакой собаки!
А — черепахи...
И ежик возится, возится...
И надо заботиться,
Надо заботиться,
И торопиться к нему,
И готовить поесть...
Как хорошо тому,
У кого
кто-нибудь
Есть!

* * *

Уберите свой сачок!
Никакой я не жучок!
Не хочу я лезть в коробку,
Точно божья коровка.
Не сажайте на булавку,
Точно глупую козявку.
Я тогда умру от скуки,
Уберите ваши руки!
Уберите свой сачок,
Ну, какой я вам жучок!
Есть и крылья
И надкрылья,
Я жужжу, как эскадрилья!
Знаю высший пилотаж!
Не сломайте фюзеляж!
Уберите свой сачок!
Ну, какой я вам жучок!

На санках в полет!

М. БАСОВ,
председатель Федерации санного спорта СССР

История саней — это длинная история странствий и приключений самого древнего транспорта на земле. В далекой древности появились сани у нас в России, верой и правдой служили людям зимней порой во многих других странах мира и вот однажды вернулись на родину в новом обличье — как один из увлекательнейших видов спорта.

Все катаются на санках. А что такое спортивная езда на санках, вы знаете?

Только сильный, ловкий, находчивый, мужественный может управлять санями при скорости сто километров в час. Это полет, настоящий полет человека, не отрываясь от земли. И сегодня мы с вами заглянем в этот удивительный волнующий мир стремительной окрыленности.

На светофоре вспыхнул красный свет. Трасса свободна! Саночник готов к старту. Напряжение возрастает. Спортсмен, закрыв глаза, мысленно пытается представить себе всю трассу, все ее повороты и виражи, все ее особенности и хитрости, а их немало: длина трассы — 1 000 метров.

— Внимание! Марш! — звучит команда стартера. Спортсмен отталкивается от стартовых скоб, набирает скорость и врывается в лабиринт крутых поворотов и виражей. Саночник взлетает на ледяную стенку виража и висит на нем, как муха на оконном стекле. Мысль и мышцы работают слаженно — ни одного лишнего движения. Саночник лежит на санях ногами вперед, почти неподвижно — чтобы уменьшить лобовое сопротивление ветра.

Так для одних начинается длинный и трудный путь к вершинам спортивного мастерства, а для других пора сильнейшего, на всю жизнь, увлечения санным спортом. От первого спуска зависит, быть или не быть спортсменом-саночником.

Немножко о трассах

Для скоростного спуска на санях строят естественные и искусственные трассы. Лесная дорога или не слишком крутая тропинка длиной в 200—300 метров с двумя-тремя виражами радиусом не менее восьми метров и шириной 1,5—2 метра — стоит ее расчистить и выровнять — может стать простейшей трассой для вас. По краям трассы насыпьте земляной гребень под углом 70° для единого направления спуска на санях. Подъем к старту сделайте недалеко от трассы, он должен быть как можно короче и ни разу не пересекать ее. Для безопасности нужно еще построить небольшую стартовую эстакаду, она не дает стартовать одновременно нескольким саночникам. Препятствия, которые нельзя устранить (столбы, деревья и камни), надо обернуть мешками с прессованной соломой или опилками. Такая трасса хороша для новичков — тут особенно большую скорость не

разовьешь. Трасса размечается и выравнивается летом или осенью, а заливается и утрамбовывается, когда выпадет первый снег. Особенно тщательно нужно подготавливать виражи, так как при спуске на санях они испытывают большую нагрузку. В конце трассы необходим контруклон для быстрой остановки саней. Спускаться по такой трассе можно на любых санях — и на обычных детских и на самодельных.

Техника спуска на санях несложна. Сначала отрабатываем правильную посадку. Сядем над центром тяжести саней, взяв в правую или левую руку ремень, который крепится спереди. Свободной рукой опираемся на заднюю часть сиденья или на продольную планку сиденья саней. Управляем санями при помощи ног. Ноги ставим на снег. От силы давления ноги зависит направление саней. В начале обучения для большей устойчивости на неровностях трассы ноги лучше всего ставить рядом с полозьями. Будьте осторожны на старте — пока один не закончит спуск, нельзя давать старт следующему.

Овладев техникой спуска, можно попробовать свои силы и на настоящей спортивной трассе, которая обычно сооружается искусственно и служит спортсменам многие годы. Строится она из камня, дерева, земли или бетона. Желоб трассы, по которому проходит спуск, покрывают льдом. Длина трассы — 1000—1500 метров. Уклон — 9—11°. Ширина желоба трассы 1,40 — 1,60 метра. Количество виражей — не менее семи.

Надо еще сказать, что абсолютный рекорд скорости в санном спорте не учитывается, потому что на каждой трассе, в зависимости от количества виражей и перепада высот, существует свой собственный рекорд скорости.

Немножко о санях

Долгое время в Европе наиболее распространенными моделями саней были «Давос», «Скелетон», «Родель», «Табаган». Вес одноместных саней не превышает 20 килограммов, двухместных — 22 килограммов. Тяжесть саням придают металлические полозья. У них острые, как ножи, канты, благодаря чему уменьшается трение и легко управлять санями.

Ширина колеи — расстояние между полозьями — не более 45 сантиметров, и измеряется она по внутреннему канту полозьев. Длина саней не постоянная — зависит от роста спортсменов.

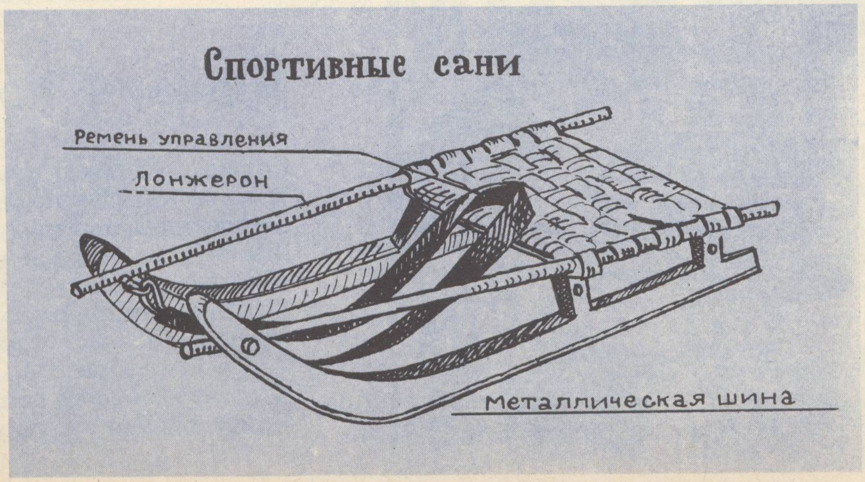
На соревнованиях часто решают победу сотые доли секунды, и тут даже незначительная царапина на полозьях может вызвать потерю времени. Очень часто можно видеть, как саночники собирают даже мелкие камушки на трассе, чтобы не испортить поверхность полозьев.

На чемпионатах мира проводятся четыре заезда для одноместных саней (мужчины и женщины) и два заезда для двухместных саней (мужчины).

Скорость спуска зависит от умения вести санки на поворотах, от того, насколько правильно сидит саночник. Вот почему на отработку этой хитрой и тонкой техники спортсмены тратят немало времени и зимой и летом. Немецкие саночники сконструировали себе особые коляски, похожие на сани. На них они тренируются летом на асфальтовых дорогах в горах.

На одной из встреч с ребятами обладательница золотой олимпийской медали и чемпионка мира Ортурн Эндерлайн рассказала, что она ежедневно упражняется с гирями, чтобы укрепить свои шейные мускулы. Это необходимо саночнику: на виражах давление на верхнюю часть корпуса столь велико, что голова может оказаться прижатой к ледяной поверхности трассы. Вы понимаете теперь, какой разносторонней должна быть тренировка спортсменов-саночников.

Сани — развлечение и отдых, но они еще и современный вид спорта. А вы не хотите стать спортсменами-саночниками?

— На что похожа швейная машинка? — спросила однажды третьеклассница Саша Захарова у своих товарищей по литературной студии.

Ребята задумались, а Саша сама и ответила:

— На лошадь со спутанными ногами, пасущуюся на лугу.

— А мы и не замечали, — удивились ребята.

Конечно, такие маленькие открытия не раз делал каждый. Но не всегда об открывшемся тебе удается рассказать так, чтобы другие тебя поняли, удивились, обрадовались. Зато когда удается, получаются стихи.

Ты в этом убедишься, если прочтешь стихи, которые сегодня печатает «Кораблик». Их в разные годы написали ребята из литературной студии Харьковского дворца пионеров и школьников имени П. П. Постышева, которой руководит Вадим Александрович Левин.

Это стихи Нины **ЛЕЗОВОЙ**.

Память об Аджимушкае

Был день такой огромный,
А вечер темный, темный,
И на дворе гроза.
Не спится мне сегодня—
Открытые глаза.
Я вижу катакомбы
И слышу грохот бомбы,
И тени партизан я вижу
на скале.
Кругом вода сочится.
В воронку свет струится,
И надпись: «Не сдадимся!» —
В холодной, страшной мгле.

Написано в 5-м классе.

Кошкин подарок

Кошка с мышкою дружила.
Мышке книжку подарила.
Мышь названье прочитала,
Вся от страха задрожала:
«Руководство для котов.
Кот Василий-Мышелов».
Мышка два часа грустила,
А потом сообразила,
Что неграмотный наш кот
Книгу Васьки не прочтет.

Написано в 4-м классе.

Как видишь, этот смешной человечек уже празднует Новый год. Саша **РЫБАКОВ** так и назвал свою гравюру **«Петрушка или Новый год»**. Саша — москвич, ему 13 лет.

Таня **НОВИКОВА** живет в Ялте, ей 14 лет, но она все равно любит сказки. Мы печатаем ее гравюру **«Принцесса на горошине»**.

Эти стихи написала Лена **САЛЬКОВА** в 4-м классе.

Первый ручеек

Хоть весна в календаре,
Много снегу во дворе,
И мороз сердит еще —
Добирается до щек.
Но сегодня вдруг потек
Самый первый ручеек.
Пусть лежит на крышах снег,
Пусть мороз кусает всех,
Пусть еще на лужах лед,—
Все равно весна идет.
Ведь по улице потек
Самый первый ручеек.

Бегут поезда

В любое время и всегда
Сквозь степи и болота
Бегут по рельсам поезда,
Выстукивая что-то.
Они грохочут по мостам,
Несутся через горы.
И им указывают путь
Рукою семафоры.

А эти три стихотворения написала Лена **ФИДРЯ**.

Бабушкин стул

Стул с кривыми
ножками,
Со спинкою горбатой,
Он скрипел и охал
Как-то виновато.
Блеклая обивка,
Вся в огромных дырках.
Просит он починки
Своей старой спинке.

Написано в 3-м классе.

Открытие памятника В. И. Ленину в Харькове

Я не видела моря Черного,
Я не видела моря Белого,
Я увидела море к р а с н о е,
Шуршащее и кипящее.

Написано в 4-м классе.

Первые заморозки

Листья на деревьях
стеклянные висят.
Ударь по ветке
палочкой —
и все вдруг зазвенят.
И домики стеклянные,
стеклянная дорожка.
И под крыльцо
стеклянное
забилась наша кошка.
А там стеклянным стало
белье и одеяло.
Стою я в галерее,
Во двор ступить не смею,
От страха леденею,
А может, стекленею.

Написано в 5-м классе.

Калинка важно прошлась по подоконнику кухонного окна, торжественно повела рукой и объявила:

— В «Академии домашних волшебников» сегодня первый экзамен.

Алеша поправил белоснежный колпак, а Марина с Лёкой разгладили несуществующие складочки на своих накрахмаленных, наглаженных, точно как у Калинки, фартуках.

— Воскресный завтрак готовим за пятьдесят минут. Молоко, оладики и томленая клюква. Первым отвечает Алеша. Он будет кипятить молоко.

— Чтобы молоко не подгорело, кастрюлю сполоснем холодной водой, вольем молоко и поставим на средний огонь. Бросим кусочек сахару, чтобы потом не скисало, и накроем крышкой. Через каждые три-четыре минуты мешаем ложкой — тогда не подгорит. Как только появятся по краям пузырьки и парок, крышку снимем и приготовим тряпку. Молоко начнет подниматься, кастрюлю быстро отставим в сторону. Пена упадет, еще раз поставим на огонь и дадим второй раз закипеть. Вот и все. Когда кипятишь молоко, нельзя отвлекаться. Очень все просто. И не подгорело и не убежало.

— Отлично. Марина готовит клюкву.

— Томленая клюква. Промою в кастрюле, а потом в дуршлаге под проточной водой стакан клюквы, снова высыплю в кастрюлю, добавлю стакан сахарного песку и полстакана воды. Плотно закрою крышкой — и в духовку. Крышкой надо закрывать плотно, клюква очень «стреляет». Минут через пятнадцать можно заглянуть в духовку. Помешать, попробовать. Если кисловато, добавить сахар. Через полчаса клюква готова.

— Прекрасно. Оладики готовит Лёка.

— Для оладиков берем два яйца, 1/4 чайной ложки соли, столовую ложку сахарного песку, 1/2 стакана кефира или простокваши, 2 столовых ложки сметаны, 2 стакана муки и 1/2 чайной ложки соды. Можно взять и половинную порцию.

Два яйца растираю с солью и сахаром, добавляю простоквашу и сметану. Просеянную муку смешиваю с содой и высыпаю, помешивая, в яично-простоквашную массу и одну минутку хорошенько сбиваю. Тесто получилось, как густая сметана.

Ставлю большую сковородку на

огонь, даю ей разогреться и наливаю подсолнечное масло, примерно 2 столовых ложки. Огонь отрегулирую так, чтобы масло не горело, но жар был достаточный. Теста на каждый оладик — половина столовой ложки.

— В чем секрет вкусных, поджаристых, пышных оладиков, Алеша?

— Муку обязательно просеять и лучше не доложить сахару, чем переложить: очень сладкое тесто «тяжелое», оладики будут не пышными, а плоскими и бледными. Тесто замесить быстро и сразу жарить, чтобы сода, соединившись с кислой простоквашей, не успела погаснуть. Огонь должен быть такой, чтобы тесто, попадая на сковороду, тотчас начинало расти. Переворачивать надо вилкой.

Лёка все делает правильно. Оладики, чтобы не остыли, складывает в глубокую миску, которая стоит на краю плиты.

— И еще,— сказала Лёка, выскребывая остатки теста,— к тому времени, когда последний оладик подрумянивается на сковородке, помощники должны накрыть стол...

В две секунды на столе поверх будничной клеенки легла воскресная наглаженная клетчатая скатерть. Тарелки, вилки, ложки, клюква в глиняном глечике и дымящееся молоко в чашках разбежались по своим местам. Калинка, Алеша, Марина молниеносно вымыли руки и сели к столу, а Лёка торжественно поставила посередине стола блюдо с оладиками.

Калинка, блеснув черными бусинками глаз, положила ложечку клюквы на поджаристый оладик, попробовала, запила молоком и сказала:

— Вкуснее такого завтрака ничего не было и не будет. Экзамен сдан на отлично... Между прочим, почему Алеша не снимает колпак?

Алеша побледнел, потом порозовел, потом махнул рукой и снял колпак. Из колпака посыпались бумажки.

— Не смейтесь, пожалуйста. Или, наоборот, смейтесь, пожалуйста, это мои шпаргалки.— И сам засмеялся.

Алешкины шпаргалки

Самые простые завтраки: молоко с кукурузными хлопьями, творог со сметаной, пшенная, рисовая или гречневая каша (холодная, приготовленная накануне) с молоком. Кашу готовить так же, как «настоящую туристскую кашу», только без сгущенного молока.

ЯЙЦА ВСМЯТКУ и «В МЕШОЧКЕ»

Помыть яйца теплой водой и ложкой опустить в кипящую воду. Через 2 минуты — всмятку, через 4 минуты — «в мешочке», а если оставить на 8—10 минут, будут крутые. Сваренные яйца обдают холодной водой — будут лучше чиститься.

ЯИЧНИЦА С КАРТОШКОЙ, КОЛБАСОЙ ИЛИ ГРЕНКАМИ

Разогреть сковородку (1 минуту), положить кусочек топленого масла. Как только оно растопится, опустить туда кусочки колбасы, ломтики вареной картошки или кубики белого или серого хлеба. По одной минутке обжарить с двух сторон.

Уменьшить огонь и выпустить на сковородку два яйца. Чуть посолить. Можно присыпать зеленым луком. Еще три минуты — и яичница готова.

Так же приготавливается и омлет. Только в этом случае яйца выпусти в чашку, добавь 1,5 столовой ложки молока и чуть соли и, быстро сбив (одну минуту), вылей на сковородку.

МАННАЯ КАША (одна тарелка)

Стакан молока, 1/2 стакана воды вскипятить. Уменьшить огонь, добавить 3/4 столовой ложки сахару и 1/8 ложки соли. Полную столовую ложку манной крупы высыпать тонкой струей, помешивая. Огонь должен быть такой, чтобы каша только слегка булькала. Несколько раз помешать, пожалуй, может быть, добавить сахар или соль. Через 8—10 минут каша готова. В тарелку добавь масло и ложку варенья.

МОЛОЧНАЯ ЛАПША ИЛИ ВЕРМИШЕЛЬ (одна тарелка)

Стакан молока, 1/2 стакана воды вскипятить и добавить 1/2 столовой ложки сахару и 1/8 ложки соли. Всыпать полную горсть вермишели или лапши. Размешать. Вермишель готова через 5 минут, лапша — через 10—12 минут.

МАКАРОНЫ (одна тарелка)

В кастрюлю с подсоленной кипящей водой (примерно литр) опустить макароны (100 г), помешать ложкой, чтобы не пристали ко дну. Крышкой не закрывать — убегут. Минут через 15 попробовать. Если готовы — снять с огня и откинуть на дуршлаг. В тарелку добавить сливочное масло.

Макароны можно посыпать сахарным песком или положить ложку варенья или повидла. Вкусны макароны с тертым сыром или с томатным соусом.

Дарящий людям праздник

Есть люди, встреча с которыми всегда праздник. И это не потому, что они всем говорят только приятное.

Нет. Сама природа одарила их такой душевной красотой, благородством мысли и мужественным сердцем, что, общаясь с ними, каждый и сам невольно поднимается выше, и у него мелькает надежда, что и он тоже может стать лучше.

Таким человеком, дарящим людям праздник, был писатель Михаил Абрамович Гершензон.

Его давно уже нет. Он был смертельно ранен 8 августа 1942 года в бою с фашистами на подступах к деревне Петушки. Командир батальона, в котором находился Гершензон, был сражен вражеской пулей. Под ужасающим огнем противника батальон растерялся и залег. И тут Гершензон, как старший по званию, выхватил из кобуры пистолет и крикнул:

— Батальон! Слушай мою команду! За мной! Ура! — И побежал вперед, не оглядываясь. За ним поднялись и бросились в атаку бойцы батальона. Но очередь из фашистского автомата словно перерезала Гершензона.

Смерть его была овеяна ореолом. Тут же на поле боя он написал мужественные, светлые слова — последнее прощанье — жене и детям: «Я вас очень люблю... Я умер в атаке, когда подымал бойцов... Я уверен, что мы победим, вам будет хорошая жизнь. Наши прорвались... Значит, я умираю недаром».

И он умер. Но как живой встает он перед читателем в своих книгах. И тот, кто впервые еще знакомится с книгами Гершензона, с его прекрасными повестями «Две жизни Госсека» и «Робин Гуд», сразу чувствует, как дороги и близки душе Гершензона его герои.

Я хорошо знал и любил автора. Какой это был мужественный, пленительный человек! Все восхищались его образованностью, его строгой взыскательностью к себе и к другим, так хорошо уживавшейся с тонкой деликатностью и уважением к собеседнику.

А как он умел работать! Как был верен в дружбе!

Повесть «Две жизни Госсека» написана была в 1932 году. Читали ее все с наслаждением. Потом книга долго не переиздавалась. Но она не умерла. Настоящее искусство неподвластно времени. Такова сила поэзии и таланта.

И вот книга опять издана. Не без волнения я раскрывал ее. И с первых же строк все передо мной засверкало, запело, заблагоухало.

Кто же такой был Госсек? Это был прославленный создатель французской симфонической музыки. Но настоящая его слава пришла с началом Великой французской революции.

Госсек как бы вновь родился и действительно прожил две жизни. Революция озарила его, как вспышка молнии. «В такие дни, — читаем мы в книге, — ораторы становятся выше. У художника зорче становится глаз и вернее рука. Музыканты в такие дни рождаются снова, вторично».

Написанная удивительно, страстно и взволнованно, книга о Госсеке покоряет читателя. И человек, даже недостаточно знакомый с историей, невольно поддается этому фейерверку событий, лиц и песен, песен без конца. Страницы книги до краев наполнены музыкой и песнями. Их слышишь, как будто они звучат рядом.

Иван Сергеевич Тургенев писал певице Полине Виардо из Парижа 19 декабря 1847 года:

«...В ту минуту, как я пишу вам эти строки, целая толпа странствующих музыкантов поет на улице «Mourir pour la Patrie» («Умереть за родину») Госсека. Боже, что за прелесть. У меня даже слезы выступили на глазах. Какая энергия! Какая сила убеждения, какая величественная простота! Воображаю, как должны были биться сердца в 93 году, когда сотни голосов пели этот гимн!»

Под звуки песни Госсека французский народ шел на штурм Бастилии, уверенный в победе над теми, кто хотел задушить революцию.

И как живописец Давид стал художником Революции, так Госсек стал ее композитором. Его марши, его гимны, мессы, его песни звучали на Марсовом поле, заливали улицы Парижа. Эти песни творили чудеса! Они поднимали дух революционного народа, воодушевляли его.

В каждой строке книги — живое дыхание, сила страсти, пламя гнева неистового Госсека, этого рыцаря и музыканта Революции.

И читатель невольно отдается такому вдохновенному повествованию. Он забывает все! И переносится в те героические годы. И слышит и видит, ликует и негодует вместе с Госсеком и его друзьями.

Поражает гибкий, богатый оттенками язык книги, его мужественная прелесть, сила, ясность и глубокая историческая правдивость.

А как хороши, как человечны коротенькие главки «Разговор с читателем», где автор делится раздумьями о жизни своих героев!

«Годы идут медленно, читатель. Гораздо медленнее, чем на страницах книг».

И сколько же нужно было мастерства, знания, вкуса и такта, чтобы заставить читателя почувствовать весь трепет, всю теплоту жизни, вызвать в душе эти живые образы и волнение, которое торопит все быстрее и быстрее листать страницы!

Прекрасно написана и повесть «Робин Гуд» — о бесстрашном вольном стрелке, любимом герое английского народа, созданном, быть может, его мечтой, но живущем в памяти народа вечно.

Сколько сложено о нем чудесных баллад, легенд, рассказов! И как свято чтит и хранит народ английский все эти сказания о заступнике и друге простого народа!

Книга переносит читателя в далекие времена средневековья — в английское общество конца XII века, когда феодальный гнет был так тяжек, так невыносим. Он вызывал ненависть к богачам, лордам и их наемникам. И толкал крестьян на борьбу.

Это удивительно человечная, добрая книга о добрых делах Робин Гуда.

Хочется напомнить, что Михаил Абрамович писал и такие книжки, в которых рассказывал всякие занимательные вещи.

Такой была его книга «Веселый час». «Чего только там нет! Это настоящая Большая Затейная Энциклопедия», — писал об этой книге Я. Тайц. В книге было десять разделов: фокусы и шутки. Мастерская игрушек. Работы из бумаги. Самодельные игры. Головоломки и крутиголовки. Волшебный коробок и другие.

Это была любимая книга малышей.

Пожелаем же книгам прекрасного художника Михаила Абрамовича Гершензона долгой и доброй жизни.

Р. ФРАЕРМАН

Можно ли читать чужие письма?

Здравствуйте, дорогая редакция!
Меня зовут Таня. Я учусь в 7-м классе. Совсем недавно я начала читать Тургенева и задумалась над книгой. Мне показалось очень странным то, что в ней были напечатаны его письма. Потом я узнала, что часто вместе с произведениями таких великих людей печатают и их письма. Мне показалось это очень странным. Ведь любой человек вкладывает в свои письма все неразрешенные вопросы, довольно часто сомнения или сокровенные чувства. Мои родители все время внушают мне, что читать чужие письма — это признак бескультурья и невоспитанности. Зачем же редакция хочет, чтобы мы читали их? И почему письма этого великого писателя печатают в книгах? Некоторые могут сказать: «Для лучшего познания его духовного мира». Но ведь все, что предназначалось для читателя, писатель сам вывел в печать. Я не знаю, было бы приятно нам узнать, что в обществе читаются твои письма? Я уверена, что если бы современный писатель узнал, что в будущем письма его предадутся гласности, то он не стал бы их писать, лучше бы поговорил по телефону!
Очень хотелось бы прочитать ответ в следующем номере «Пионера».

Таня Солдатова,
г. Ташкент

Таня права. Любой человек вкладывает в свои письма очень много личного, сокровенного, даже тайного. Поэтому читать чужие письма — это все равно, что подглядывать в замочную скважину или стоять за дверью и подслушивать чужие секреты. Между тем в полном собрании сочинений любого знаменитого писателя вы обязательно найдете тома писем. Очень часто печатаются и дневники, которые писатель вел только для себя и вовсе не предназначал для чужих глаз.

Как же объяснить это противоречие? Может быть, люди, которые публикуют частные письма и дневники писателей, в самом деле поступают нехорошо?

Чтобы правильно ответить на этот довольно сложный вопрос, надо очень ясно представить себе, в чем состоит сущность художественного творчества. Таня права, когда она говорит, что в свои письма люди вкладывают все неразрешенные вопросы, сомнения, самые сокровенные свои чувства. Но ведь буквально то же самое можно сказать и о художественном произведении. В стихотворение или в рассказ писатель

тоже вкладывает очень много личного, тайного, сокровенного. Без этого не могла бы существовать художественная литература.

Один поэт даже написал такие стихи:

Нет ничего святого для поэта,
Что может быть святого для того,
Кто отдает на поруганье света
Святые тайны сердца своего?

Конечно, в этих строчках содержится некоторое преувеличение. Но главное в них — правда. Поэт действительно позволяет читателю заглянуть в самые тайные уголки своего сердца. Прочитав «Героя нашего времени», мы узнаем о тайных страстях и мучениях души Лермонтова гораздо больше, чем из самых интимных его писем. Настоящий писатель ничего не в силах утаить от своего читателя, даже если бы и хотел.

Очень часто, читая письма или дневники Тургенева, Толстого, Чехова, мы видим, как то или иное очень личное, очень интимное свое переживание писатель «дарит» какому-нибудь своему герою. Таким образом, письма и дневники — это для писателя одна из предварительных стадий его творческой работы. Знакомясь с письмами и дневниками, мы получаем драгоценную возможность заглянуть в творческую лабораторию писателя.

Но тут возникает такой вопрос. Произведения свои писатель пишет, заведомо предназначая их для опубликования. Он сам решает вопрос, печатать ему ту или иную свою книгу или нет. А письма и дневники сплошь и рядом публикуются без разрешения автора, когда автора уже нет в живых.

Хорошо ли это?

Ну, во-первых, это делается всегда очень бережно, тактично. Письма и дневники публикуются не полностью, а в выдержках. То, что имеет только личное, только частное значение, не публикуется.

Кроме того, чтобы напечатать письмо, обязательно надо получить разрешение того человека, которому письмо было адресовано. Ну, а в тех случаях, когда адресата нет в живых и спросить разрешения не у кого, вопрос решает специальная комиссия по литературному наследству писателя, в которую обязательно входят близкие ему люди, родственники.

Конечно, даже самая авторитетная комиссия может совершить ошибку и опубликовать письмо, которое автор ни за что не хотел бы видеть опубликованным. Но даже и в этом случае у «виновных» всегда имеется, как говорят в суде, «смягчающее вину обстоятельство». Каждая строчка, написанная рукой великого писателя,— это такая огромная ценность, что лучше пусть она станет достоянием многих людей, чем затеряется и навеки погибнет для человечества.

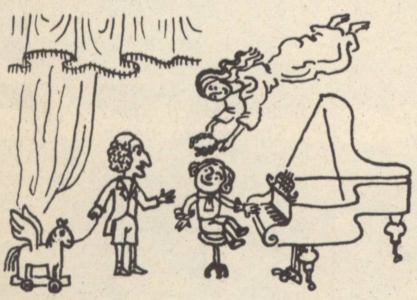
С. ЕРЕМКО

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФЕССОРА М. П. КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

Главная черта

Выдающегося немецкого писателя Томаса Манна спросили однажды, какую черту у образованного человека он считает главной.

— Образованным человеком нужно считать прежде всего того, кто и с необразованным обращается так же, как с образованным. Это, пожалуй, главное.

Моцарт и Гете

Семилетний Моцарт давал концерт во Франкфурте-на-Майне, когда к нему подошел мальчик лет четырнадцати и сказал:

— Как чудесно ты играешь! Я никогда так не смогу.

— Почему же? — возразил Моцарт.— Попробуй, а если не получится, начни писать ноты.

— Да я пишу... стихи...

— Это тоже интересно. Писать хорошие стихи, может быть, еще труднее, чем сочинять музыку.

— Это совсем легко, ты попытайся.

Собеседником Моцарта был Гете.

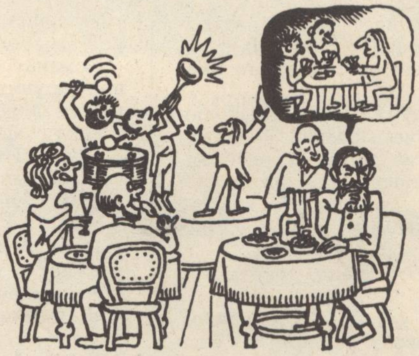
По заказу посетителей

Английский драматург и сатирик Бернард Шоу обедал в ресторане. Оглушительно играл оркестр, исполняющий одну мелодию за другой. Шоу подозвал метрдотеля и спросил:

— Скажите, пожалуйста, может оркестр играть по заказу посетителей!

— Конечно. Что бы вы желали, сэр!

— Тогда попросите их поиграть в покер, пока я закончу обед,— ответил Шоу.

Никто не жалуется

Французский писатель и философ Монтень заметил как-то:

— Вероятно, в мире справедливее всего распределен ум.

— Почему вы так считаете? — спросили его.

— Видите ли, мне никогда не приходилось слышать, чтоб кто-нибудь пожаловался на недостаток ума.

Какой ход лучше? — Играет Алеша Ильин.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В СТРАНЕ ШАХ — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Новые победы

«Белая ладья» уже во второй раз на всех парусах промчалась по нашей стране. И Пешкин снова был в составе ее отважного экипажа.

Около полумиллиона юных любителей шахмат оспаривали в этом году почетные призы «Белой ладьи». Соревновались команды пионерских дружин. В каждой команде четыре мальчика и одна девочка.

Лучшие 18 команд приехали в город Орел.

Опередив всех соперников, упорную борьбу за каждое очко вели команды 2-й московской и 58-й кишиневской школ. И молдавские шахматисты одержали победу над москвичами со счетом $3^1/_2 : 1^1/_2$. Они снова завоевали призы.

Много хороших друзей встретил Пешкин на турнире. Очень обрадовался он пионерам из 4-й школы города Ош. Капитан этой команды Софа Сабирова в прошлом году получила приз нашего журнала — шкатулку. Софа называет ее «волшебной». И в этом году Софа (она уже стала перворазрядницей) выступала отлично, она выиграла в финале все девять партий.

Пешкин наградил Софу второй «Грамотой ферзя и ладьи».

Наградил он московского пионера Диму Гуревича, добившегося лучшего личного результата на первой доске, и ученика пятой тамбовской школы Сашу Сафонова, успешно выступавшего на второй доске.

Команду тамбовских ребят тренирует учитель географии В. Клубникин. А вот у самого юного участника финала, десятилетнего Алеши Ильина, ученика четвертого класса 82-й ленинградской школы, два тренера: папа и бабушка.

Папа Алеши — геолог, он часто уезжает в экспедиции. Тогда Алешу тренирует его бабушка...

Шахматные дела у Алеши идут хорошо, Пешкин наградил и его «Грамотой ферзя и ладьи».

Смелая атака

К позиции, которую вы видите на диаграмме, пришла одна из партий турнира «Белая ладья». Саша Гершман (Кишинев) смело провел атаку на черного короля.

Далее было: 37. Ле8+! Ф:е8 38. Фg6+Крh8 39. Сg7+!Крg8 40. С:f6+Крf8 41. Фh6+, и мат следующим ходом.

Решение задач

Второе задание нашего конкурса решается ходом 1. Фс7. Следующее задание — трехходовку решает ход 1. Ла4.

Правильно решили эти задачи Боря Давыдов (Ленинград), Коля Смелов (Вологодская область), Саша Асташкин (Кемеровская область), Андрей Козелков (Курская область), ребята из шахматного кружка города Светловодска (Кировская область) и многие другие юные любители шахмат.

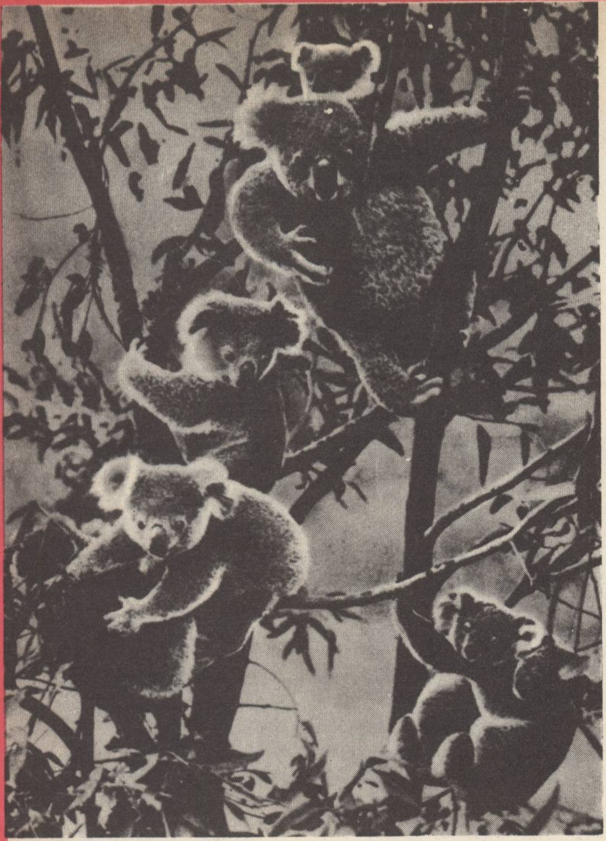

Записки капитана Перо-86

1. В ящике для писем и газет я нашел записку:
2. Я помчался на улицу Запятых. Встревоженная резинка показала мне письма, которые она получила за несколько дней.
3. — А эти мне принес почтальон вчера утром, — сказала она, протянув мне еще два письма. Вот что было написано в них.
4. Прочитав их, я прямо заявил резинке, что она клевещет на зеленый карандаш. У меня были все основания думать так. Как вы считаете, правильно я поступил?

Как его зовут?

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

«Кто это посадил плюшевых медвежат на дерево?» — удивился я, увидев этих забавных зверюшек. Но когда я подошел поближе, я увидел, что это не плюшевые медвежата, а симпатичные обитатели лесов Австралии. Они относятся к сумчатым.

Когда детеныши подрастают, мать носит их на спине. Питаются они листьями эвкалиптов и никогда не пьют воды. Поэтому аборигены, коренные жители Австралии, называют этого зверька «тот, который не пьет».

Хотите узнать, как его зовут? Тогда сделайте так: в расположенном ниже столбике названы птицы и звери. Передвигайте вверх и вниз буквы последних четырех вертикальных рядов до тех пор, пока в одном из рядов по горизонтали не получится название всем вам хорошо известного зверька. Внизу, через ряд, под этим названием вы прочитаете, как зовут вашего нового знакомого. Его имя состоит из пяти букв.

С	Е	Г	К	К
О	Н	А	У	А
Б	О	Л	Л	Б
А	Т	К	И	А
К		А	К	Н
А				

РЕМЕНЬ БАРМАЛЕЯ

Сто баранов за пять дней
Пожирает Бармалей.

Он в четверг трубил победу:
— На шесть больше съел, чем в среду!

Крикнул в пятницу: — Ура!
На шесть больше, чем вчера!

В том же темпе Бармалей
Ел баранов все пять дней.

Нанесите на ремень,
Сколько ел он каждый день.

Поразмыслите, ребята, есть ли выход из квадрата

В одном старинном парке был квадратный пруд с четырьмя круглыми беседками по углам. В пруду разводили зеркальных карпов. Чтобы рыбам было просторнее, пруд решили увеличить ровно в два раза, сохранив при этом его квадратную форму и оставив на месте все четыре беседки.

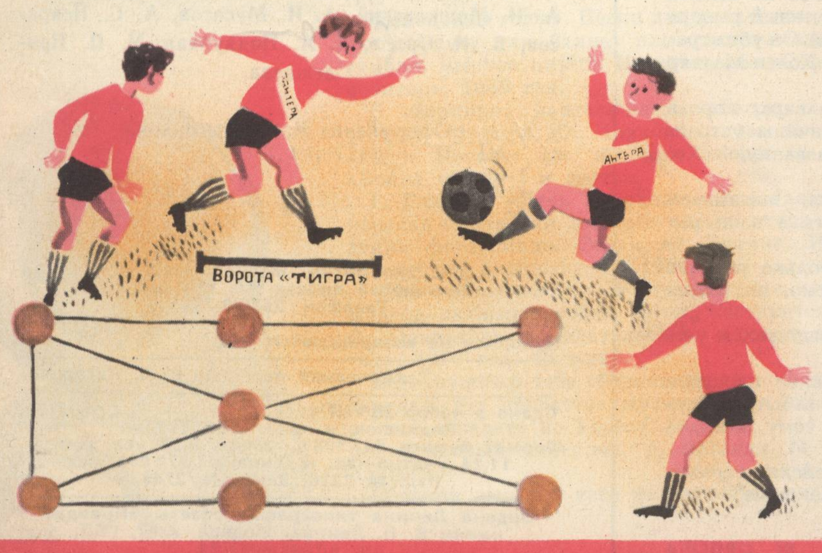
Как вы думаете, осуществим ли этот проект?

«Пантера» берёт реванш

Рисунки А. БОРИСОВА.

В прошлом номере мы рассказали о матче между командами «Тигр» и «Пантера», который закончился со счетом 2 : 1 в пользу «Тигра». Те, кто болеет за «Пантеру», не огорчайтесь! В следующей встрече эта команда одержала победу со счетом 4 : 5. Исход матча был решен в последнюю минуту второго тайма. Семь первых игроков из команды «Пантера» вот так расположились у ворот «Тигра»:

Гол забил игрок под номером 3. Как, по-вашему, где он находился, если известно, что сумма номеров на каждой прямой линии равняется 12.

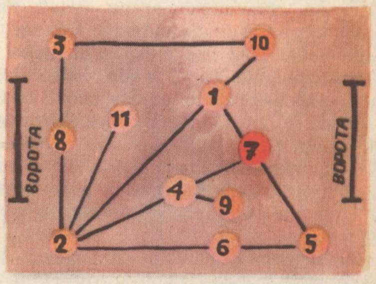
Ответы на задачи из № 10

Получите пятерку

У вас должны получиться слова: жираф, крупа, ласка, атака.

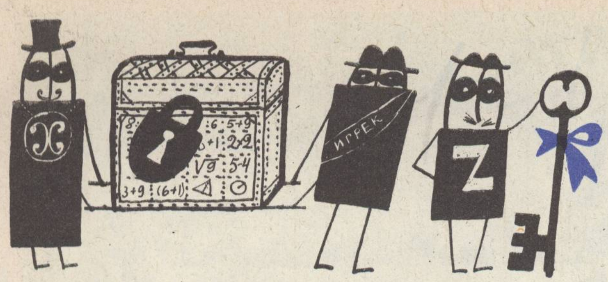
Гол

Вот как расположились игроки «Тигра» в ответственный момент матча:

Кто самый легкий?

Лебедят нужно взвешивать так: на каждую чашку весов посадить по три птенца. Одна из чашек окажется легче, она поднимется, а другая опустится. Тогда нужно взять двух птенцов с более легкой чашки и взвесить их. Если эти два птенца весят одинаково, то самый легкий тот, который остался невзвешенным. Если один птенец перетягивает другого, то тоже видно, кто самый легкий.

Неизвестные раскрывают свои тайны

Ответы на контрольные вопросы к задаче «Из Ливерпульской гавани»

1. Первая встреча происходит в 1 400 км от Ливерпуля, вторая — в 3 850 км, третья — в 6 300 км (полдень субботы), четвертая — в 8 750 км (полночь со вторника на среду).
2. Это следует из графика и ответов на предыдущий вопрос.
3. На расстоянии 4 900 км.

Жмурки по-рыцарски

Играешь в какую-нибудь знакомую игру и не задумываешься, откуда она взялась. А между тем прежде, чем дойти до нас, многие из игр проделывали долгое путешествие, да и придуманы были совсем не для детей. Вот, к примеру, история всем известных жмурок.

В 996 году на французский престол вступил молодой король Роберт II Капетинг. Он стремился привлечь к своему двору храбрых, но незнатных людей, чтобы на них опереться в борьбе со знатью.

В это время в Люттихской провинции жил простой воин Жан Колен, прозванный Мальяром. Так называлась старинная железная секира, которой он владел лучше всех в округе.

Король призвал Колена к своему двору и возвел его в рыцарское достоинство.

Вскоре Колен во главе отряда из двадцати рыцарей, трехсот воинов и сотни стрельцов осадил город Лёвен, принадлежавший феодалу-мятежнику графу Гюй Левенскому.

Граф не стал дожидаться атаки королевских войск. Он сам неожиданно напал на Колена. Бой продолжался четыре часа. Вдруг стрела, пущенная кем-то из воинов графа, повредила Колену оба глаза. Ослепленный рыцарь продолжал сокрушать врагов своей секирой. Он убил графа Гюйя, и это решило исход битвы. Колен-Мальяр тоже умер на поле боя.

Желая увековечить память Колена-Мальяра, король Роберт приказал ежегодно в день его кончины устраивать при дворе торжественную игру, названную «Колен-Мальяр».

Тому, кто изображал ослепшего воина, завязывали глаза, и он должен был догонять и брать в плен рыцарей, представлявших врагов короля.

В этой игре имели право участвовать только рыцари. Быть «Коленом» считалось большой честью, он назначался самим Робертом II.

Во второй половине XI века «Колен» выбирался уже по жребию из придворных рыцарей.

Еще позднее игра выбралась на городские площади. Играть в нее стал народ. Многие успели забыть о подвигах Колена-Мальяра. Глаза завязывали тому, кто дал себя поймать.

Из Франции игра перешла во все европейские страны. Вот как возникли знакомые-презнакомые тебе жмурки.

Ж. ОРЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Картина Ю. Рейнера «Красная площадь».

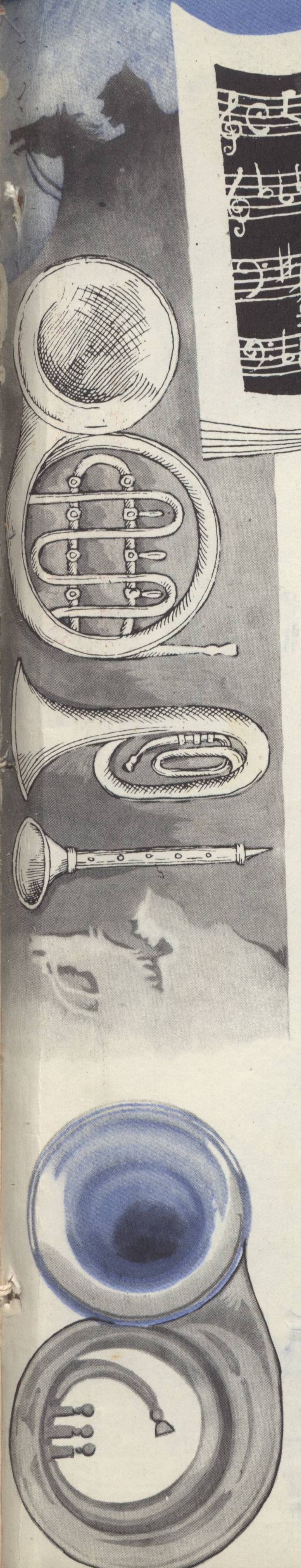
Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73
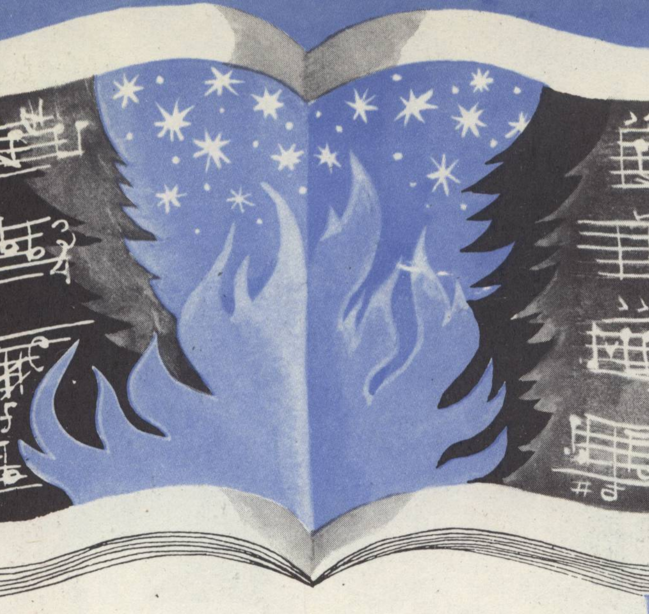
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 28/VIII 1970 г. А 00151. Подписано к печати 2/X 1970 г. Формат бумаги 84×108 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 270 000 экз. Изд. № 2238. Заказ № 2749.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Если хочешь петь...

В нотных магазинах продаются сборники песен. Какие?

Сборник **«Их подвиг жив»** — это песни о героях, которые может исполнить пионерский хор в сопровождении фортепиано.

Здесь собраны песни: «Пионерская отвага» А. Новикова; «Орленок» В. Белова; «Баллада об Александре Матросове» В. Соловьева-Седого; «Песня о Павлике Морозове» Л. Бакалова; «Песня о Лизе Чайкиной» Е. Тиличеевой и другие песни. Сборник издан Музгизом в 1962 году, стоит он 45 копеек.

В **«Русско-английский песенник»** вошли песни советских композиторов на русском и английском языках. Составитель Л. Штурман. Это уже второй выпуск, изданный издательством «Музыка» в 1966 году.

Ты найдешь тут «Песню о встречном» Д. Шостаковича; «Песню о тревожной молодости» А. Пахмутовой; «Летите, голуби» И. Дунаевского; «Хотят ли русские войны» Э. Колмановского и еще многие другие.

«Школьные годы». Песни для ребят в сопровождении фортепиано, или баяна, или инструментального ансамбля. Выпуск пятый. Издательство «Советский композитор». 1969 год.

В сборнике: кантата-песня «Баллада о красной звезде». Музыка Ю. Чичкова, слова Я. Халецкого; «Гимн Москве» (по мотивам оперы С. Прокофьева «Война и мир») и другие.

Г. Гладков «День в походе». Так называется пионерская сюита для детского хора и чтеца в сопровождении фортепиано. Стихи Ю. Энтина. Издательство «Советский композитор». 1967 год.

«Мы любим песню». В этот сборник вошли тексты многих любимых тобой песен. Составитель сборника О. Очаковская. Издательство «Советский композитор». 1969 год. 46 коп.

Если нужный тебе сборник не удалось купить в магазинах, где продается музыкальная литература, его можно заказать по адресу: Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный переулок, 4, магазин № 102 «Ноты почтой».

Сборник вышлют тебе наложенным платежом.

Союзкнига.

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Для спуска с гор

